

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (53) — 2009

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»
Общероссийское общественное движение женщин России

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

Включен в список ВАК

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (Ивановский государственный университет; *сопредседатель редакционной коллегии, главный редактор; доктор исторических наук, профессор*),
- Е. Ф. Лахова** (Общероссийское общественное движение женщин России; *сопредседатель редакционной коллегии; кандидат политических наук*),
- С. Г. Айвазова** (Институт сравнительной политологии РАН, г. Москва; *доктор политических наук*),
- В. Н. Егоров** (Ивановский государственный университет; *доктор экономических наук, профессор*),
- А. И. Евстратова** (Костромской государственный технологический университет; *доктор исторических наук, профессор*),
- Т. Б. Рябова** (Ивановский государственный университет; *кандидат исторических наук, доцент*),
- З. Х. Саралиева** (Нижегородский государственный университет; *доктор исторических наук, профессор*),
- Н. Б. Гафизова** (Ивановский государственный университет; *кандидат исторических наук, доцент*),
- Н. А. Шведова** (Институт США и Канады РАН; *доктор политических наук*),
- И. Н. Кодина** (Ивановский государственный университет; *технический секретарь*)

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»

Тел./факс в Иваново: (4932) 41 75 79
E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Наш адрес в Internet: www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru и www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге российской прессы «Почта России» 78462

WOMEN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 4 (53) — 2009

Russian Ministry of Education and Sciences

Ivanovo State University

Women's Movement of Russia

The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on
Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004

Editorial Board:

Prof. O. A. Khazbulatova, Dr.Sc. History (*Editor-in-chief*, co-chair of editorial board, Ivanovo State University),
E. F. Lakhova, Cand.Sc. Politics (Women's Movement of Russia, *co-chair of editorial board*, Moscow),
S. G. Aivazova Dr.Sc. Politics (Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. V. N. Egorov, Dr.Sc. Economics (Ivanovo State University),
Prof. A. I. Evstratova Dr.Sc. History (Kostroma State University of Technologies),
Assoc. Prof. T. B. Ryabova, Cand.Sc. History (Ivanovo State University),
Prof. Z. H. Saralieva, Dr.Sc. History (Nizhniy Novgorod State University),
Assoc. Prof. N. B. Gafizova, Assoc. Prof. History (Ivanovo State University),
N. A. Shvedova, Dr.Sc. Politics (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences), *I. N. Kodina* (Ivanovo State University, *technical secretary*)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, ul. Ermaka, 39
Publishing House «Ivanovo State University»

Tel./Fax: (4932) 41 75 79

E-mail: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru
Internet page: www.gender.ivanovo.ru, www.elibrary.ru и www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ

ББК 60.542.2:60.523

Г. Г. Карпова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время можно отметить несколько противоречивую тенденцию в отношении гендерного равенства в России. На фоне формальных действий российского правительства по улучшению положения женщин происходит зачастую реальное усиление гендерного неравенства, особенно ярко проявившегося в ситуации мирового экономического кризиса. Многие исследователи отмечают усиление гендерного дисбаланса и нарастание противоречий и напряженности в этой сфере [6, 7, 20]. Отмечая безусловные успехи женского движения в постановке проблемы гендерного равенства, нельзя не признать, что значительная роль в его обеспечении принадлежит государству и его институтам. Как справедливо пишет О. Воронина, «поскольку наше государство формально придерживается принципов гендерного равенства, оно должно более продуманно строить свою политику» [7, с. 763]. Главной стратегической задачей государственной политики в аспекте обсуждаемой проблемы, на наш взгляд, должно быть обеспечение равенства прав и равенства возможностей. В настоящее время ряд специалистов отмечают, что гендерно нейтральное законодательство (следовательно, и государственная политика, проводимая в различных сферах), не идеально для обеспечения равенства, потому что чаще всего оказывается нейтральным к «женским отличиям» и тем самым способствует сохранению существующего неравенства, а иногда и косвенной дискриминации [16, с. 38]. Идеи гендерного подхода и гендерного анализа политических стратегий и программ активно обсуждаются применительно к демографической и социальной политике, образованию и занятости. Ряд проведенных нами исследований показывает актуальность применения гендерного подхода к анализу государственной политики в сфере культуры, где гендерный подход мы понимаем как «процесс оценки любого планируемого мероприятия с точки зрения его воздействия на женщин и мужчин, в том числе законодательства, стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях [7, с. 63—64].

© Карпова Г. Г., 2009

Работа выполнена в рамках проекта «Конструирование социальных проблем: социальная история, визуальный анализ, этнография», реализованного Центром социальной политики и гендерных исследований в 2009 г. при финансовой поддержке Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров (грант 08-90577-000-GSS).

Относительно определения понятия «культурная политика» не существует единого мнения. М. Вебер, говоря о составе политической деятельности, подчеркивал в ней в первую очередь деятельность по сохранению порядка в стране, т. е. «существующих отношений господства» [3, с. 672]. В отечественной литературе по вопросу культурной политики такого взгляда придерживается А. С. Балакшин, указывая, что политика в области культуры предстает как «борьба за власть в сфере культуры» [2, с. 376]. В теоретическом арсенале А. Грамши и П. Бурдьё находят опору многие современные представления о том, что такое политическая борьба вообще и культурная практика как ее неотъемлемая составляющая. Так, В. С. Жидков определяет культурную политику как специфический вид деятельности по регулированию культурной жизни, сводящийся к воздействию на личность с целью формирования ее картины мира [10, с. 69]. Следуя за марксистским пониманием культуры, многие авторы воспринимают культурную жизнь как поле борьбы различных субъектов: групп населения (носителей различных субкультур), создателей культурных ценностей, различных общественных институтов, занятых их сохранением и распространением, и государства. Тем самым культурная политика — это борьба интересов различных субъектов культурной жизни, в которой самую существенную роль играет распределение различных ресурсов: финансовых, материальных, кадровых и информационных. В соответствии с таким представлением о культурной политике наиболее сильным ее субъектом является государство, наделенное властью, располагающее наибольшими ресурсами и возможностями воздействия на культурную жизнь. Это воздействие осуществляется посредством управления наукой, искусством, религией через выработку и транслирование государственной идеологии с помощью системы образования и средств массовой коммуникации. В то же время сама культура оказывает активное воздействие на общественную и политическую жизнь, будучи фоном процессов социализации, побуждая людей регулировать свое поведение в соответствии с меняющимися нормами и ценностями. Влияние культуры на политическую жизнь происходит и через создание моделей функционирования политических инструментов, выработку и принятие политических решений. Таким образом, с одной стороны, культурная политика оформляет и легитимизирует конкретный гендерный порядок и гендерную систему, с другой — оказывает непосредственное влияние на качество жизни индивида — мужчины или женщины, где качество жизни выступает интегральной характеристикой жизнедеятельности субъекта и социума в семейной, трудовой, потребительской, духовной сферах жизнедеятельности [8, с. 44].

В рамках обсуждения гендерных проблем в культурной политике можно обозначить два подхода: социокультурный и институциональный. В центре социокультурного подхода [1, 13] — эволюционная и логическая преемственность культурного контекста; исследования глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структур, задающих объективные границы для трансформации российского общества и устанавливающих социокультурные основания для отношений между полами. Данный подход широко представлен в гендерных исследованиях такими направлениями, как анализ гендерных стереотипов, репрезентаций женщины в культуре и СМИ,

роли женщины в истории. Культура прежде всего продуцирует те идеи и ценности, которые транслируются на процессы, способствующие конструированию, формированию отношения к социальным проблемам, включая и проблему гендерного равенства, и их разрешению. Сфера культуры, включая СМИ, выступает как своеобразный дисплей, репрезентирующий социальные проблемы, как постоянно действующая и наиболее мощная система с широким охватом населения. Именно в данной сфере достижима самая высокая степень публичности и гласности; информация, доходя до каждого желающего, делает возможным широкое индивидуальное участие (а с появлением Интернета — еще в одной медийной среде, «не выходя из дома»).

Институциональный подход, активно развивающийся в рамках школы В. В. Радаева [17], сосредоточен на изучении экономических сфер и видов деятельности, в первую очередь к ним относятся рыночные отношения и связанный с ними комплекс прав собственности, структур управления и правил обмена на уровне макро- и микропроцессов. Исследования на микроуровне позволяют выделить и описать складывающиеся социальные практики, которые в дальнейшем институционализируются и начинают формировать новое пространство социальных ограничений, предпочтений, возможностей. Исследования на макроуровне выделяют базовые институты, задающие социентальную природу общества и формирующие рамки, пределы институциональных преобразований, осуществляемых на микроуровне, в процессе непосредственной экономической, политической и социальной деятельности. Именно в рамках институционального подхода, на наш взгляд, продуктивно обсуждение проблем, связанных с рынком труда и системой занятости, доступностью учреждений сферы культуры, распределением гендерных ролей и анализом гендерного бюджета. Перед каждым государством на определенном социально-экономическом этапе встают вопросы о выборе приоритетов развития. В последние десятилетия в иерархии таких приоритетов в России культура занимает далеко не первые места.

Культурная политика России: от публичного дискурса к практикам повседневности

Реформирование в сфере культуры является прямым следствием происходящих экономических и политических преобразований. В качестве конкретного механизма осуществления российской культурной политики на современном этапе выступает целевая программа «Культура России», которая появилась в 2001 г. и была рассчитана на 2001—2005 гг. В настоящее время действует федеральная целевая программа «Культура России (2006—2010 гг.)» [15]. Культура как сфера государственного участия традиционно субсидировалась по остаточному принципу. Проблематизация поля культурной политики возникает в лучшем случае при обсуждении в официальных документах национальной политики государства либо при необходимости совершенствования духовно-нравственного воспитания детей и молодежи. К примеру, подводя итоги реализации программы «Культура России (2001—2005 гг.)», А. В. Костина и Т. М. Гудима отмечают, что она была профинансирована на 50 % от того, что планировалось в 2001 г. [12, с. 200].

В программе «Культура России» сформулированы шесть основных целей и двенадцать задач культурной политики. Встает необходимость поиска таких решений, которые позволили бы, с одной стороны, обеспечить сохранность культурных ценностей, а с другой — создать экономические механизмы, способствующие эффективному развитию культуры в новых рыночных условиях. Исходя из этого целями программы являются: сохранение культурного наследия Российской Федерации, формирование единого культурного пространства, создание условий для обеспечения выравнивания доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам различных групп граждан, для сохранения и развития культурного потенциала нации, интеграция в мировой культурный процесс, обеспечение адаптации сферы культуры к рыночным условиям [15].

В контексте гендерного анализа культурной политики нас будут интересовать противоречия и их последствия, возникающие между декларируемой целью доступности услуг сферы культуры и достижением экономической рентабельности данных услуг. Несмотря на замалчивание проблем в сфере культуры, которые теряются в потоке проблем, связанных с экономическим кризисом, беспокойство вполне обоснованно. Культура выступает важнейшим ресурсом социальных проблем. Процессы реформирования всех областей социальной жизни и поиски современных путей решения основных социальных проблем, происходящие в нашей стране, болезненно отражаются на наименее социально защищенных категориях граждан. Очевидна прямая взаимосвязь проводимой культурной политики и социальной политики, в равной степени, так или иначе, направленных на решение определенных социальных проблем, в том числе связанных с семьей и детьми, что было и остается в центре «женского вопроса». Строительство комфорта, организация быта, уют, забота о себе — достается на долю членов семьи. Женщина остается ответственной за материнство, организацию домашнего мира, становится его менеджером [14, с. 14]. Не случайно в публичном и научном дискурсе часто упоминается определение «социокультурная политика», что, наш взгляд, показывает сращивание «социального» и «культурного» в процессе функционирования общества. С другой стороны, мы вправе говорить о проблемах, возникающих в сфере культуры, как о социальных проблемах, поскольку они, к примеру, затрагивают вопросы доступности культурных учреждений для социально уязвимых групп, социальной защищенности работников культуры, социализации на различных жизненных этапах.

Очевидно, что дифференциация в обеспечении доступа населения к ценностям культуры настолько значительна, что говорить о едином культурном пространстве и интеграции в мировой культурный процесс можно только как о желаемой перспективе. Равные возможности в приобщении к культурным ценностям отсутствуют как внутри отдельно взятого региона, где существенно различие доступа населения к культурным благам в городе и на селе, так и в рамках отдельно взятого городского пространства. Причина — социальное неравенство, отсутствие безбарьерной среды, которое приводит к ограничению выбора способов приобщения к культурным ценностям и практикам исключения из единого культурного пространства определенных социальных групп.

Две стороны одной медали: влияние политики в сфере культуры на решение «женского вопроса»

Бюджетные расходы на социально-культурную сферу, судя по кадровому составу, на 80 % обеспечивают рабочие места и заработную плату женщин. Слабость инфраструктуры культурной сферы влечет огромные разрывы в доступе разных групп населения к ее ресурсам, а распыление средств и недофинансирование учреждений культуры вплотную связано с низким уровнем оплаты труда и неудовлетворенностью работников бюджетных учреждений сферы культуры. Либеральные реформы, затронувшие и систему распределения бюджетных средств в сфере культуры, приводят к сокращению рабочих мест, занимаемых, в основном, женщинами¹: *«Мы здесь в страхе: говорят о сокращении, непонятно, куда идти. Многие из нас одни воспитывают детей, уже устоялся быт, музей нам — как второй дом: дети под присмотром, приспособились как-то. Если вдруг сократят — я не знаю, что делать»* (Ж, 34 г.). Сегодня у учреждений культуры недостаточно возможностей и стимулов к «зарабатыванию» собственных средств, существует ряд барьеров на пути объединения ресурсов государства и частного и корпоративного секторов, направляемых на развитие культуры. Налицо такие кризисные явления, как рост невозполнимых потерь в культурном наследии; сокращение кадрового потенциала культуры, которое затрагивает, как правило, «женскую занятость»; резкое снижение уровня доходов творческих работников, их отток в другие сектора экономики и миграция за рубеж. Как следствие — снижение уровня обеспеченности населения культурными благами.

Транслируя страх потери рабочего места, наши информантки отмечают неоспоримые преимущества занятости в сфере культуры, среди которых наиболее существенными являются: *«гибкий график работы»* (как следствие — возможность получения дополнительного времени для заботы о семье и детях); наличие *«неформальных отношений»* в *«женском коллективе»*, где *«поймут»*, *«помогут»* (обретение дополнительных социальных сетей взаимопомощи, которые одна из наших собеседниц назвала *«женское братство»*). Сфера профессиональной занятости влияет на формирование практик заботы о детях, которые большую часть времени проводят по месту работы матери: *«У нас тут все — “дети полка”. Приходят из школы — мы их покормим, посадим уроки делать, потом — кружки, все здесь, на месте... Тут же они к искусству приобщаются; знаете, как дети артистов выросли на сцене, так наши — среди картин и книг; разве это хуже, чем на улице?»* (Ж, 42 г.). Таким образом, передача социального капитала происходит при условии экономии ресурсов, затрачиваемых женщиной на воспитание детей. Не последним фактором выбора профессиональной деятельности является и обретение *«особого статуса»* работника культуры, обладающего определенным образованием, *«экспертным знанием»*, чувством причастности к *«интеллектуальной и творческой элите»*.

¹ Здесь и далее используются данные исследования, проведенного нами среди работников бюджетных учреждений сферы культуры Саратовской области в марте — июне 2009 г. (буквой «Ж» в скобках обозначается женщина, буквой «М» — мужчина).

В условиях либерализации культурной политики увеличиваются риски, связанные с занятостью в сфере культуры, от вышеуказанной угрозы увольнения до менее радикальных, но значимых последствий, таких как увеличение нагрузки на работника (в нашем контексте на работницу) ввиду сокращения финансирования и перераспределения служебных обязанностей (следовательно, в ущерб времени, затрачиваемому женщиной на заботу о детях и семье); ужесточение дисциплины в связи с развитием менеджмента в сфере культуры (как следствием построения новых форм управления в условиях рыночных отношений); низкая вертикальная мобильность (существенно влияющая на статус и заработную плату). Констатируя существующую проблему гендерного неравенства в сфере занятости, следует признать и возрастающие риски, связанные с конкуренцией женщин с мужчинами за руководящие места. Показательным для прогноза в этом плане является фрагмент интервью с мужчиной — руководителем крупного клубного объединения: *«Если честно, при всех равных условиях, на должность зама я возьму мужика. Я вас очень люблю, женщин, но когда дело касается работы... Мне надежная спина нужна, понимаете, а у женщин то дети, то мужья, то родители — одни проблемы...»* (М, 53 г.).

Начиная с определенного уровня экономического развития общества, досуг, потребление культурных ценностей, дополнительное образование, предоставляемое учреждениями сферы культуры, приобретают все большую автономию от труда и становятся самостоятельной ценностью. Воспитание духовно развитого, культурного человека — одно из приоритетных направлений в сфере родительства. Детей пытаются приучить к культурному потреблению посредством посещения музеев и театров, приобщения к памятникам истории и культуры. Исследуя стратегии потребления нового среднего класса, Б. Гладырев и Ж. Цинман отмечают основные тенденции их формирования, указывая, что для постсоветского среднего класса характерно серьезное, даже стратегическое отношение к досугу и культурному потреблению. Значительное место в структуре досуговой активности занимает потребление культурных ценностей. После недвижимости, образования и здравоохранения это четвертая по объему вложений статья его расходов [14, с. 211]. Средний класс формирует потребительские стратегии, которые носят перспективный и долгосрочный характер. В периоды радикальных социальных перемен изменяются структуры повседневности, претерпевают изменения гендерные роли, идеологии и практики. Проект нового быта, который разворачивается в современной капиталистической России, на первый взгляд, прямо противоположен коммунистическому. Он пронизан либеральными ценностями, устремлен к буржуазному быту, строительству частной сферы, комфорту и безопасности, четким мужским и женским ролям, ограждению от вмешательства государства. Родительство становится частным делом семьи, дом возвращает себе ранее утраченные функции и закрывается от внешних вмешательств, мужу предлагается функция добытчика, а женщина занимается управлением домом и семьей [14, с. 8]. Однако картина оказывается гораздо более сложной и многообразной. Сфера быта рассматривается как сфера самореализации женщины, но это и сфера борьбы старого и нового, новых конфликтов, нехватки ресурсов и навыков, недоста-

точности институциональной и символической поддержки, давления традиционализма. Концепция родительства ярко выражена в заботе о детях. Дети воспринимаются как нуждающиеся в заботе для выживания и успешной социализации: «Забота включает “родительство”, которое в России часто осуществляется женщинами в рамках расширенного материнства. Родители осуществляют разные гендерные роли, материнская забота отличается от отцовской. В российском контексте сохраняется ролевая поляризация, попытки переопределения ролей и размывания гендерных культурных стереотипов имеют маргинальный характер»

[14, с. 14].

Государство и социально-экономические условия продолжают влиять на частную жизнь, формируя, например, новую демографическую, семейную, социальную, культурную политику. Происходит это в условиях слабого социального государства и жестких правил рыночной экономики. Интересно, что векторы обсуждения вопросов, связанных с ролью отцовства, социальной ответственностью, и меры включения в «заботу» о собственных детях со стороны отцов просматриваются достаточно слабо. Мы согласны с А.-М. Исола, что, как в советское время, отец здесь по-прежнему остается невидимым. Мужчины упоминаются в программах семейной политики не как отцы, а как люди, в большей степени рискующие умереть в раннем возрасте и, таким образом, не способные улучшить демографическую ситуацию [14, с. 422].

Несмотря на то, что в программах государственной социальной политики по улучшению положения детей выражается озабоченность социальными и экономическими трудностями и их неблагоприятным влиянием на институт семьи, акцентируется внимание на семейных ценностях. На повестку дня выносятся образование родителей, культура родительства и ответственность родителей за воспитание детей. В новых экономических условиях некоторые виды культурной деятельности, целевой аудиторией которых являлись прежде всего дети, переживают сложное время: говоря языком пресловутых рыночных отношений, они перестали быть рентабельными. Е. Ярская-Смирнова, анализируя демографические проблемы в стране, утверждает, что в вопросах демографической политики российские чиновники должны предпочесть качественное осмысление количественному акценту, принятому в советское время [21]. Эта задача связана, в частности, с развитием человеческого капитала, в процессе формирования которого не последнюю роль играют учреждения сферы культуры. Государство отказалось от многих функций, выполняемых в советское время. Советский гендерный контракт — это культурный горизонт, с которым наши информанты сопоставляют свой опыт. В их воспоминаниях сочетаются ностальгические ноты и реалистическая оценка новых перспектив²: *«Любая мать хочет, чтобы ее ребенок нормально развивался и занимался творчеством, но чем дальше — тем становится сложнее. Я в детстве все посещала бесплатно. Сейчас то, что мы платим за занятия в студии, очень сильно ска-*

---

² Здесь и далее используются данные исследования, проведенного нами среди родителей, потребителей услуг учреждений сферы культуры Саратовской области, в июне — сентябре 2009 г.

зывается на семейном бюджете, боюсь, придется от этого отказаться, как сказать ребенку — не знаю...» (Ж, 34 г.). Противопоставление своего опыта и прошлого указывают на не столько на полную смену институтов, поддерживающих совмещение занятости и родительства (материнство и детство), но и на изменения значимости каждого из институтов, изменения правил игры, по которым строится гендерный контракт: «Развитие ребенка — сейчас дело семьи, а точнее матери, я сюда вожу сына с другого конца города, здесь самая низкая оплата кружка, но вот костюмы и поездки на фестивали нам не по карману. Но для того чтобы заниматься ребенком, надо либо дома сидеть, не работать, либо бабушку просить, либо иметь возможность нанять кого-то, что для большинства из нас невозможно» (Ж, 31 г.).

Среди актуальных проблем, связанных с деятельностью учреждений культуры и досуга, по мнению экспертов, можно отметить несоответствие содержания и форм культурно-досуговой деятельности (как в количественном, так и в качественном отношении) реальным потребностям населения, отсутствие условий выбора по месту жительства форм и содержания культурной деятельности. С другой стороны — сворачивание коммерчески невыгодных, но социально значимых видов культурной деятельности (резкое сокращение объема культурных услуг, предоставляемых населению бесплатно), недоступность большинства услуг (прежде всего связанных с художественным образованием и физическим воспитанием детей и подростков) в силу их значительного удорожания (которое коснулось как формальных платежей, так и возникновения неформальных экономических практик): «Это только кажется, что во Дворце мы занимаемся бесплатно. Если хочешь выступать — бери платные уроки, шей костюмы, а это сейчас дорого, каждый праздник руководителю деньги собираем... Я когда детей своих в этот же Дворец водила — не было такого, не было» (Ж, 57 л.).

Причинами сложившейся ситуации, как правило, выступают: отсутствие необходимых помещений для отдыха, развлечений, недоступность социально-культурной инфраструктуры для детей и подростков (отсутствие «своих» мест общения); нехватка технического оборудования, материалов, отсутствие ярких и интересных проектов, способных обеспечить аудиторию и привлечь дополнительные источники финансирования; низкая культурная активность населения, выраженная в слабой посещаемости учреждений культуры, досуга, снижение интереса населения к традиционным направлениям и формам работы учреждений; рост предпочтения «домашних» форм потребления культурных ценностей. Особенно негативные процессы в сфере культуры затрагивают социально незащищенные группы населения.

Шведская исследовательница Б. Хобсон [24] использует категорию «соло-матери» («одинокие матери») как аналитическую категорию для понимания гендерного измерения системы социокультурной политики. Так, согласно социальному паспорту Саратовской области, число неполных семей (включая вдовствующих, разведенных и др.) с несовершеннолетними детьми на 01.01.2008 г. составила 62 732, в них детей — 82 787 чел. Из числа неполных семей с несовершеннолетними детьми большинство составляют соло-матери, воспитывающие 30 273 детей несовершеннолетнего возраста. Отцы, воспитыва-

вающие 1306 несовершеннолетних детей без участия супруги, составляют 1 021 чел. Не будем забывать такую категорию, как многодетные семьи. К примеру, количество многодетных семей в Саратовской области составляет 10 161, в них воспитывается 32 782 несовершеннолетних ребенка.

Положение соло-матерей в государстве синтезирует в себе все гендерно релевантные черты государственной политики. Поэтому если мать зарабатывает в каком-либо секторе экономики, то ее зарплата должна включать стоимость услуг по воспитанию и развитию ребенка в различных учреждениях, в том числе и в учреждениях сферы культуры, либо частным образом; если же она остается дома, чтобы заботиться о детях самостоятельно, то ей следует предоставить средства для полноценной жизни. Весьма продуктивной в аспекте обсуждаемой проблемы, на наш взгляд, является концепция гендерного бюджета, методология которого была разработана и предложена Л. С. Ржанициной [19]. Гендерный бюджет представляет собой совокупность различных инструментов, механизмов и институтов, объединенных общей целью — сделать гендерный подход к управлению обязательным в национальной политике. Это система выделения в государственном бюджете ее социальной составляющей, ресурсов на политику равных прав и равных возможностей по признаку пола, система, открытая для проведения общественной экспертизы, публичного обсуждения и лоббирования. Тем не менее, по мнению некоторых экспертов, наиболее инерционным является отношение специалистов к проблемам более эффективной гендерно дифференцированной поддержки населения [5, с. 191]. С точки зрения взаимоотношений государства с населением, дифференцированным по признаку пола, статьи расходов бюджета можно разделить на три категории: прямые, косвенные и влияющие. Прямые статьи предполагают учитывать пол адресата — мужчина или женщина, их положение. Например, расходы государства на оплату пособия по беременности и родам, на пособие на ребенка одиноким матерям имеют в виду только женщин, а расходы на военный призыв — мужчин. К косвенным расходам, и их большинство, относятся расходы на образование, медицину, базовые и социальные пенсии, которые платятся за счет бюджета, пособия безработным, бедным, жилищные субсидии. Эти статьи расходов из бюджета фактически больше значимы для женщин, т. к. доля женщин среди бедных, пенсионеров значительно выше доли мужчин. В контексте обсуждаемой проблемы для нас особый интерес представляют влияющие статьи бюджета, которые формально не адресуются напрямую населению, но которые самым серьезным образом влияют на его положение, на уровень жизни, состояние социальной и культурной сферы. Это, прежде всего, расходы на управление, армию, международную деятельность, народное хозяйство, науку, культуру. По мнению Л. С. Ржанициной, для гендерного бюджета показатели должны быть построены не «плоско», а «объемно» [19]. Скажем, для работника надо учесть не только зарплату, но и социальные выплаты, а для детей учитывать не только пособия на детей, но и расходы на государственные услуги (здравоохранение, образование, культуру).

Традиционно в России социальное положение женщин рассматривают в рамках подхода, называемого феминизацией, т. е. через призму семейной политики и интересов семьи. Не случайно большинство департаментов, мини-

стерств и комитетов, занимающихся социальной защитой и социальным обеспечением, называются управлениями по делам семьи, женщин и детей. Реакцией на идеологию фамелизации является феминистская идеология дефамелизации, в рамках которой социальное положение женщины определяется как процесс создания таких условий, в которых они могут поддерживать свой статус и приемлемый стандарт жизни вне зависимости от наличия семьи и внутрисемейных отношений. По мнению Х. Хернес [23], дефамелизация может быть достигнута четырьмя способами: 1) признанием затрат на оказание семейных услуг как доли валового внутреннего продукта, или бюджета государства; 2) субсидированием семей с детьми; 3) развитием системы государственных сервисов по уходу и воспитанию детей; 4) обеспечением услуг по уходу за пожилыми. Х. Хернес называет государство, проводящее подобные политические решения, государством, дружественным женщинам. Эффективное участие женщин в государстве способствует формированию «гендерно справедливого» общества.

Заключение

Конструирование национальной концепции культурной политики, которая не является раз и навсегда определенной и статичной, прежде всего зависит от принятой в данном обществе политической идеологии, от господствующих представлений о природе культурных процессов, об их влиянии на развитие общества, о приоритетности решения проблем культуры для государства, о взаимных обязательствах государства и субъектов, творящих культуру, общества в целом. А поскольку культурная политика не разворачивается в изоляции от других сфер публичной политики, важен контекстуальный подход к исследованию, учитывающий политическую, культурную и интеллектуальную историю страны [22]. Сегодня уже очевидно, что, с одной стороны, старые подходы к управлению в сфере культуры входят в противоречие с управленческим стилем, который был сформирован во времена социализма, с другой стороны, тесная связь культуры и идеологии была и остается отличительной чертой государственной политики. В начале нового тысячелетия в сфере российской культуры формируется совершенно иная расстановка сил с точки зрения соотношения традиционного и новаторского, а также государственного и негосударственного секторов.

Попытки решения социокультурных проблем в современной России разнородны: их по-разному предпринимают регионы, всевозможные группы интересов, организации. В таких условиях решающая роль принадлежит государственной культурной политике, однако здесь важны принципы межсекторного взаимодействия и социального партнерства. Именно поэтому сегодня России нужна рациональная и последовательная культурная (даже социокультурная) политика, в которой неизбежно сочетание разумной охранительной ориентации (поддержание эффективных наличных культурных форм и институтов) и ориентации инновационной (распространение необходимых для страны модернизационных образцов) [2, 4, 10, 11, 18]. Становится насущной необходимостью освоение современного менеджмента в сфере культуры и институциональная модернизация государственных организаций, которая позволила бы решать

проблемы культуры в едином комплексе, опираясь на механизмы взаимодействия коммерческой и некоммерческой, государственной и негосударственной составляющих сферы культуры с учетом этнического, демографического, гендерного факторов. В связи с этим интегративная методология при разработке новой культурной политики, отражающая одновременно глобальные тенденции, получает наибольшее число шансов быть востребованной в сегодняшней России. Как справедливо отмечает О. Воронина, «равенство — это идеал, к которому общество должно стремиться, но при этом иметь в виду, что современные гуманистические ценности ориентированы на принятие разнообразия индивидов» [7, с. 766]. Создать социокультурную политику, которая бы сделала достижимым полное равенство людей и при этом учла бы всё их разнообразие, просто невозможно. Неизбежно чьи-то права будут нарушены (как, например, при политике квот или других формах позитивной дискриминации). Поэтому политика должна быть гибкой и изменчивой и видеть свою цель не в создании идеальной модели, а постоянном учете гендерного фактора.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. Т. 1 : От прошлого к будущему. 804 с.
2. Балакишин А. С. Сущность и содержание понятия «культурная политика» // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2004. № 1. С. 374—379.
3. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 880 с.
4. Востряков Л. Е. Региональная культурная политика пореформенной России: субъектное измерение. СПб. : СЗАГС, 2005. 342 с.
5. Гендер как инструмент познания и преобразования общества / под ред. Е. А. Баллаевой, О. А. Ворониной. М. : РОО МЦГИ : Солтэкс, 2006. 304 с.
6. Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М. : Едиториал УРСС, 2004. 331 с.
7. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / отв. ред. и сост. О. А. Воронина. М. : МАКС Пресс, 2008. 772 с.
8. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М. : НОРМА-ИНФРА, 2000. 400 с.
9. Доклад Экономического и социального совета ООН за 1997 г. URL: <http://www.un.org/russian/ecosoc/docs/1997resolutions/shtv> (дата обращения: 17.09.2009).
10. Жидков В. С. Культурная политика России. М. : Академический Проект, 2001. 591 с.
11. Зуев С. Отечественная культурная политика в поисках идентичности // Российское экспертное обозрение. 2007. № 6. С. 11—18.
12. Костина А. В., Гудима Т. М. Культурная политика в современной России: соотношение этнического и национального. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 240 с.
13. Латин Н. И. Пути России: социокультурные трансформации. М. : ИФРАН, 2000. 194 с.
14. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2009. 524 с.
15. О федеральной целевой программе «Культура России (2006—2010 гг.)» : Постановление Правительства РФ от 08.12.2005 г. № 740. URL: <http://pravo.roskultura.ru/law/resolution/08/12/2005/1/text/2857.html>

16. Проблемы гендерного равноправия в социально-трудовой сфере. М. : Бюро МОТ в Москве, 2001. Вып. 10. 46 с.
17. Радаев В. В. Новый институциональный подход и деформализация правил в российской экономике // Экономическая социология : новые подходы к институциональному и сетевому анализу / ред. и сост. В. В. Радаев. М. : РОССПЭН, 2002. С. 157—209.
18. Разлогов К., Орлова Э., Кузьмин Е. Российская культурная политика в контексте глобализации // Отечественные записки. 2005. № 4. URL: <http://www.culturalmanagement.ru/books/>
19. Ржаницина Л. С. Методология гендерного бюджета : (основные положения с учетом реформ управления в Российской Федерации) // О перераспределении полномочий по уровням власти : обсуждение проекта ЮНИФЕМ «Гендерные бюджеты в России» — 2005. URL: <http://www.owl.ru/rights/discussion2004/methodology.htm>
20. Роцин С. Ю., Мальцева И. О. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 296 с.
21. Ярская-Смирнова Е. Р. Демографическая ситуация: гендерный подход // Актуальные проблемы демографической политики / ред. П. В. Романов. Саратов : Научная книга, 2003. С. 56—61.
22. Belfiore E. The Methodological Challenge of Cross-National Research : Comparing Cultural Policy in Britain and Italy // Centre for Cultural Policy Studies. Research Papers. University of Warwick, 2004. № 8. 55 p.
23. Hernes H. M. Welfare State and Woman Power : Essays in State Feminism. Oxford : Norwegian University Press, 1987. (Scandinavian Library Ser.).
24. Hobson B. Solo Mothers, Social Policy Regimes and the Logics of Gender // Gendering Welfare States / D. Sainsbury (Ed.). London : Sage, 1994. P. 170—187.

ББК 60.542.2:60.561.32

Н. Н. Коростылева

ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Привлечение женщин в общественное производство с начала XX в., активизация их трудового, творческого потенциала, процессы глобализации и информатизации современного общественного устройства повлияли на изменение взаимоотношений полов, их нормы и правила поведения стали иными. Сегодня общественное производство немислимо без женщин. Они составляют 43,8 млн трудоспособного населения и 37 млн экономически активного населения России, среди занятых в реальном секторе экономики их 35,1 млн, тогда как мужчин — 35,7 млн [1, с. 112]. Это говорит о том, что социальная роль

женщины объективно стала более значимой и женщины составляют существенную силу трудового ресурса общества.

Однако отсутствие продуманной кадровой политики в отношении женщин, а также в отношении учета интересов мужчин и женщин на рабочем месте отрицательно влияет на качество кадрового обеспечения рыночной экономики в целом, на воспроизводство, формирование, сохранение и укрепление кадрового потенциала страны, на производительность труда. Для того чтобы исследовать эти процессы, необходимо введение в изучение кадровых проблем общества гендерного подхода.

Внедрение гендерного подхода в государственную кадровую политику будет способствовать интеграции в систему теоретических и практических знаний, принципов, отношений, мероприятий и методов кадровой работы гендерного компонента для более рационального использования кадрового потенциала общества. При этом становится ясным, что объектом исследования государственной кадровой политики будет уже не некий «бесполоый профессиональный человек», а женщина и мужчина, взятые для рассмотрения с точки зрения профессионально подготовленной части трудовых ресурсов общества. Здесь важным представляется анализ положения и участия женщин и мужчин в социально-трудовых процессах.

Согласно научным исследованиям Экономического и социального совета ООН, гендерный подход представляет собой «оценку последствий для мужчин и женщин любого планируемого действия в сфере законодательства, политики или программ в любой области и на всех уровнях. Это стратегия интеграции интересов мужчин и женщин в процесс разработки, реализации, мониторинга и оценки всей политики и программ в политической, экономической и социальной сферах таким образом, чтобы и мужчины, и женщины в равной степени получали от этого пользу, а неравенство бы сокращалось. Конечная цель применения комплексного гендерного подхода — достижение гендерного равенства» [2, с. 142].

ООН является одной из важных международных организаций, которая ставит целью достижение гендерного равенства во всем мире и продвигает в жизнь интеграцию гендерного подхода в кадровую политику организаций, начиная с собственной деятельности. Как отмечает Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, «гендерный вопрос довольно остро стоит в кадровой политике ООН» [5, р. ii]. Он был своего рода визитной карточкой в предвыборной деятельности Пан Ги Муна. В качестве своеобразной реализации обещания Генсека ООН в области соблюдения гендерной пропорции во властных структурах самой организации заместителем Генерального секретаря ООН стала женщина из стран третьего мира Аша-Роуз Мигиро.

Достижение гендерного баланса в организациях, соблюдение гендерных принципов в работе с персоналом, преодоление безработицы женщин, соблюдение международного законодательства в области прав мужчин и женщин при трудоустройстве и увольнении, обеспечение прав граждан с семейными обязанностями на работе — вот неполный перечень задач кадровой политики ООН, адресованный всему мировому сообществу.

Российская Федерация как активный член ООН тоже должна активно включаться в этот процесс и интегрировать гендерный подход в государственную кадровую политику страны. Но на этом пути есть определенные объективные и субъективные трудности, связанные с радикальной перестройкой всех общественных процессов, начиная с 90-х гг. XX в., с учетом диспропорций в развитии общественного хозяйствования, профессиональной сегрегации мужчин и женщин, трудностей с формированием частного капитала и предпринимательства, а также ментальных особенностей россиян, их культуры, традиций, устойчивых гендерных стереотипов и т. д.

Однако государственная кадровая политика изначально должна строиться на принципах гендерного равенства, таких как:

- соблюдение конституционного принципа равных прав, свобод и возможностей для мужчин и женщин во всех сферах общественной жизни, в том числе и трудовой;

- искоренение фактов дискриминации по отношению к женщинам и мужчинам на рабочем месте;

- координация усилий государства, гражданского общества и бизнеса по введению и усилению контроля за созданием справедливой гендерной кадровой политики;

- разработка баланса трудовых ресурсов с учетом гендерной специфики отдельных регионов и секторов производства;

- обеспечение гендерного баланса в руководящем звене любого предприятия и в государственном/негосударственном управлении;

- выравнивание уровня оплаты труда между отраслями и снижение различий в характере и оплате труда между женщинами и мужчинами с соблюдением требований равной оплаты за труд равной значимости;

- обеспечение равных возможностей на рынке труда и содействие женской занятости;

- внедрение гендерного подхода во все действующие и принимаемые государственные планы и программы.

Вышеизложенные принципы дают основания для постановки главной цели государственной гендерной кадровой политики — достижения гендерного равенства, т. е. наиболее полного раскрытия гендерной составляющей кадрового потенциала российского общества, выражающегося в равном доступе мужчин и женщин к экономическим, социальным, финансовым и другим ресурсам, повышении конкурентоспособности женщин на рынке труда и отсутствии гендерной дискриминации.

Государственная кадровая политика (ГКП) — это стратегия государства по воспроизводству (формированию) и востребованности кадрового потенциала общества [3, с. 30]. В более широком смысле — это система официально признанных идей, приоритетов, целей и задач по регулированию всех кадровых процессов и отношений.

С учетом гендерной составляющей государственная кадровая политика будет представлять собой стратегию государства по формированию, востребо-

ванности, профессиональному развитию и рациональному использованию мужского и женского кадрового потенциала страны.

Цель ГКП находит выражение в следующих основных задачах, составленных с учетом гендерного подхода:

- 1) создание условий для наиболее полной реализации мужчинами и женщинами своего профессионального потенциала;
- 2) преодоление дискриминации по признаку пола и иных негативных явлений и тенденций в кадровой политике и кадровой работе;
- 3) повышение профессионализма и компетентности мужчин и женщин — работников государственных/негосударственных организаций;
- 4) эффективное использование гендерного кадрового потенциала страны на основе умелого кадрового прогнозирования и планирования;
- 5) соблюдение гендерного баланса в руководящем составе государственного/негосударственного управления;
- 6) преодоление гендерной сегрегации в сфере трудовой деятельности.

Эти задачи можно решить при условии активной роли государства, бизнеса и гражданского общества в решении социально-трудовых и кадровых проблем, при формировании цивилизованного рынка труда, преодолении безработицы, повышении ценности труда.

В настоящее время при активизации и востребованности гендерного кадрового потенциала страны наблюдаются негативные тенденции. Их можно классифицировать следующим образом:

— гендерный кадровый потенциал имеет количественную диспропорцию в пользу женского пола, начиная с довольно раннего возраста — с 25 лет. То есть происходит процесс феминизации российского общества и кадрового потенциала страны;

— кадровый потенциал неравномерно распределен в государственном управлении, наблюдается кадровая диспропорция в представленности женщин в верхнем эшелоне власти;

— кадровый потенциал гендерно неравномерно распределен и в трудовой сфере. В России существует ярко выраженная гендерная горизонтальная сегрегация в пользу мужчин по отраслевому и профессиональному признаку, а также вертикальная гендерная сегрегация, выражающаяся в наличии барьеров в продвижении по карьерной лестнице женщин и в ограниченном доступе их к управлению и престижным профессиям;

— наличие гендерной сегрегации имеет своим последствием неравное распределение заработной платы среди мужчин и женщин. Средняя заработная плата женщин в общей сложности составляет только 2/3 от заработной платы мужчин;

— российский рынок труда несбалансирован по гендерному признаку. Женская рабочая сила вытесняется на периферийный сектор, тогда как мужская тяготеет к ядру;

— гендерная структура безработицы относительно стабильна в докризисный период, но с учетом нарастания экономических проблем увеличение безработных в России идет по «женскому» сценарию и гендерная диспропорция

среди безработных возрастает. Общеизвестно, что женщине, потерявшей работу, намного труднее ее найти, особенно того характера дохода и статуса, которым обладала утраченная должность.

На эти отрицательные моменты накладываются еще и негативные явления в состоянии кадрового потенциала в целом. Это отставание уровня профессионализма и компетентности кадров от динамично развивающихся потребностей общества, наличие бюрократизма, субъективизма, служебного произвола, а также взяточничества и коррупции, усиление социальной незащищенности работающих, утрата норм морали и этики в современном бизнесе и во властных структурах и пр.

Все эти негативные стороны в анализе кадрового потенциала страны говорят о насущной необходимости построения государством продуманной кадровой политики, в том числе учитывающей фактор пола и имеющей реально действующие гендерные механизмы и технологии реализации.

Механизм ГКП представляет собой инструментальную и функциональную составляющую кадровой политики, сложную социальную систему, предназначенную для преобразования концептуальных теоретических идей в реальную практику формирования, развития и обеспечения востребованности кадрового потенциала общества.

Следует констатировать, что принципиальной научно-методологической позицией при рассмотрении механизма ГКП с учетом гендерного подхода является утверждение о том, что этот механизм должен быть органичной частью Национального механизма РФ по обеспечению гендерного равенства.

Национальный механизм (НМ) — это специальная система государственных и политических структур управления и практических мер государства и всего гражданского сообщества, направленная на внедрение гендерного подхода во все области жизни страны.

НМ создается на федеральном и региональном уровнях и действует на единых правовых, идеологических, организационных, координирующих принципах. Он должен претворять в жизнь политику достижения гендерного равенства и улучшения положения женщин.

Основные идеи и концепция НМ были заложены ООН. Среди значимых документов по этому направлению следует назвать Декларацию Тысячелетия ООН, в которой обозначены цели развития тысячелетия, и 23-ю Специальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН «Женщины 2000: гендерное равенство, развитие и мир в XXI веке». В докладе Генерального секретаря ООН было подчеркнуто, что во многих странах после Пекинской конференции по положению женщин (1995) были созданы НМ как институциональная основа действий по продвижению гендерного равенства.

На современном этапе среди основных задач НМ обозначены, например, такие:

- развитие стратегического плана действий;
- применение исследований и собранных данных в разработке гендерных стратегий и программ;

- воплощение на практике пакета действий, включающего изменение законодательства, применение гендерного подхода в социальной политике, создание пилотных проектов по усилению участия женщин в жизни общества;
- установление и развитие мониторинговых инструментов;
- мобилизация политической воли, широкое распространение гендерной информации.

Для реализации НМ в отдельно взятой стране необходимо наличие достаточно высокого уровня экономического развития и благосостояния, социал-демократической ориентации государственной политики в целом, развитого гражданского общества и существования демократической культуры. В противном случае процесс создания НМ будет долгим и кропотливым. Примером может послужить Россия.

Особенностью Российской Федерации в области НМ является отсутствие комплексного его видения. В настоящее время не существует ни законодательно, ни организационно созданного НМ по обеспечению гендерного равенства, имеются только его отдельные элементы.

Поэтому самой большой задачей на сегодняшний день для гендерной составляющей ГКП, которая одновременно является и частью НМ, будет создание целостного механизма практического воплощения идей сбалансированного гендерного состояния кадрового потенциала страны для улучшения положения женщин в области трудовой деятельности (для корректировки гендерной сегрегации, выравнивания средней заработной платы мужчин и женщин, продвижения женщин в руководящее звено управления).

Механизм реализации гендерного компонента ГКП должен найти свое отражение на общегосударственном, региональном уровне и уровне организаций и предприятий. Кроме того, гендерная ГКП должна реализовываться по тем же параметрам, что и ГКП, включая все элементы механизма (нормативно-правовые, организационные, технологические, финансово-экономические, информационные и научно-методические).

Технологии реализации любого механизма представляют собой практическую плоскость решения проблемы. Не является исключением в этом отношении и механизм реализации гендерного компонента ГКП. Он предполагает наличие самостоятельных гендерных технологий, способствующих продвижению гендерного равенства, и предстает в качестве гендерной составляющей уже имеющихся кадровых технологий. Гендерными технологиями, применимыми в кадровой политике, могут стать технологии гендерной экспертизы, гендерного бюджета и гендерного аудита.

Основной задачей гендерной экспертизы является введение принципа равноправия полов через разработку механизмов формирования гендерного равенства посредством анализа нормативно-правовой базы, прежде всего в области государственных решений. Но применительно к гендерной технологии ГКП необходимо расширить рамки и ввести экспертизу не только государственной политики, но и документальной базы различных секторов экономики и проводить ее и на государственном уровне, и на уровне конкретной отрасли

производства и отдельных предприятий. Тогда гендерная экспертиза будет более объективно отражать положение дел в области социально-трудовой сферы.

Начинается гендерная экспертиза с оценки нормативно-правового акта с точки зрения его влияния на улучшение/ухудшение положения мужчин и женщин. При этом вводится шкала оценки по следующему признаку: как законодательная норма отражается на социально-экономическом статусе гендерной группы, нарушает она или нет права женщин или мужчин. Затем делается прогноз работы данной нормы: к чему ее реализация может привести.

Пока гендерная экспертиза не интегрирована в экспертные государственные структуры, а проведение ее требует финансовых и профессиональных затрат, поэтому она часто проводится силами независимых экспертов и инициативными группами, что явно недостаточно. Единственно правильным решением в области расширения гендерной экспертизы как гендерной кадровой технологии будет инициатива самоорганизации этого процесса на местах.

Гендерный бюджет — это оценка распределения финансовых ресурсов с точки зрения потребностей двух социально-демографических групп, мужчин и женщин. Основными моментами составления гендерного бюджета как гендерной технологии ГКП могли бы быть: общая оценка проводимой политики, оценка бюджетных приоритетов, системы социальных услуг со стороны государства и расходов по полу и возрасту, анализ налогообложения по категориям населения, изучение бюджета времени мужчин и женщин на ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, заботу о стариках и больных и т. д. Как отмечает Л. С. Ржаницина, «подобная работа (составление гендерных бюджетов. — *Н. К.*) проводится в ряде стран правительствами (Австралии, Южной Африки, Филиппин и др.), парламентами и НПО (Канады, Великобритании, США); в процессе подготовки находятся инициативы шести стран ЦВЕ и СНГ. Очень важно включиться в подобное обследование вместе с широким кругом специалистов, владеющих соответствующими знаниями и инструментами» [4, с. 35—36]. Важным является не только анализ государственных финансовых ресурсов, но и определение возможных источников дохода со стороны бизнес-структур.

В настоящее время бюджеты всех уровней далеко не в полной мере отражают решение вопросов гендерного равенства, хотя у этой технологии большие возможности. Гендерные бюджеты стоит рассматривать как важнейший инструмент для достижения гендерного равенства в социально-экономическом развитии государства и как механизм контроля за соблюдением прав мужчин и женщин в трудовой области.

Гендерный аудит — это инструмент и процесс оценки интересов женщин и мужчин, учитывающий, насколько в практической деятельности организации, на уровне принятия решений, в кадровой и социальной политиках осуществляется и внедряется гендерный подход.

Гендерный аудит — это инструмент и процесс, основанный на принципах активного участия, т. е. все работающие в организации сотрудники могут принять участие в его подготовке и проведении. Они помогают осуществить аудиторскую проверку и одновременно проходят обучение основам гендерного

аудита, получают навыки по его проведению и эффективному внедрению на практике гендерного подхода.

Основываясь на принципах самостоятельной оценки и совместного участия, гендерный аудит учитывает как объективные данные, так и представления сотрудников относительно того, как добиться гендерного равенства в их организации. При этом преследуется цель как можно лучше выявить и осмыслить конкретные и неподтвержденные факты, а также их объективную и субъективную оценку.

В ходе гендерного аудита осуществляются следующие мероприятия [2, с. 13]:

- определяется, насколько эффективны действующие в организации правила внедрения гендерного подхода, а также система поддержки их исполнения, насколько они взаимно дополняют друг друга и соблюдаются ли на практике;

- отслеживается и оценивается относительный прогресс в продвижении гендерного равенства;

- устанавливаются исходные принципы и критерии;

- выявляются узкие места и проблемы;

- рекомендуются методы решения этих проблем и предлагаются новые, более эффективные стратегии;

- фиксируется положительный опыт в достижении гендерного равенства.

Гендерный аудит как кадровая технология расширяет коллективные возможности организации в плане гендерного анализа работы, выявляет сильные и слабые стороны организации в деле продвижения гендерного равенства; помогает организации самостоятельно разработать предложения по внедрению комплексного гендерного подхода с учетом ее особенностей; укрепляет командный дух, стимулирует анализ и обмен информацией, с тем чтобы активизировать процесс самообучения организации гендерному подходу.

Поэтому продвижение идей гендерного аудита является исключительно важным для установления гендерного баланса в работе конкретных организаций.

Как уже отмечалось, гендерные технологии должны быть вписаны в кадровую политику самих организаций и гендерный подход должен быть инкорпорирован в существующие кадровые технологии, особенно в подбор и отбор персонала, его мотивацию, продвижение по службе, профессиональное развитие коллектива.

Научно-методический аспект гендерного компонента ГКП, его механизмы и технологии находятся в диалектической связи друг с другом и должны рассматриваться комплексно и системно. В изучении гендерного аспекта государственной кадровой политики еще много белых пятен, над которыми надо работать. Нужно реальное слаженное взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества для создания положительных тенденций в этой области.

Инкорпорирование гендерного подхода в кадровую политику страны — задача настоящего и ближайшего будущего.

Библиографический список

1. Женщины и мужчины России, 2008 : стат. сб. М. : Росстат, 2008. 281 с.
2. Руководство по проведению гендерного аудита. Методология гендерного аудита МОТ, основанного на принципе активного участия. Женева : Международное бюро труда, 2007. 161 с.
3. Концепции : разработ. кафедрой государственной службы и кадровой политики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. М. : РАГС, 2002. 128 с.
4. *Ржаницина Л. С.* Макроэкономические проблемы занятости // Экономика и социальная политика : гендерное измерение / под общ. ред. М. М. Малышевой. М. : Academia, 2002. С. 32—47.
5. Who Answers to Women? Gender and Accountability. UNIFEM, 2008. 153 p.

ББК 60.542.2:60.561.32

Б. Б. Подгорный

**ЧАСТНЫЙ ИНВЕТОР ФОНДОВОГО РЫНКА —
ИМЯ ЖЕНСКОЕ?!**

Перемены, произошедшие в российской экономике в начале 90-х годов, привели к существенным изменениям финансового поведения основной массы населения страны. С появлением новых способов вложения денег — покупки валюты, процесса приватизации, вкладов в коммерческие банки — возможности населения значительно расширились. В 2000 году в России начал активно развиваться фондовый рынок, что дало возможность населению вкладывать свои средства в акции ведущих российских предприятий и другие инструменты фондового рынка. По мере все большего участия населения в частном инвестировании¹ появляется возможность выделить «класс инвесторов», который может составить альтернативу «среднему классу». Однако в России группа частных инвесторов пока остается малоизученной.

Цель настоящей статьи — на основании конкретных эмпирических данных, полученных путем опроса, что является «главным среди социологических методов сбора данных» [3, с. 52], используя метод качественного анализа данных, согласно которому «гибкие качественные методы существенно дополняют формализованные приемы исследования, а логика качественного анализа вплетается в сайентистскую логику жесткого гипотезирования, эксперимента и статистического обоснования надежности полученного знания» [4], определить

© Подгорный Б. Б., 2009

¹ На 1 января 2009 года зарегистрировано 662 355 физических лиц — участников торгов, на 1 октября 2009 года — 778 501 физическое лицо — участник торгов, рост за 9 месяцев составил 17 % (URL: http://www.micex.ru/markets/stock/members/member_clients).

социальный портрет женщины — действующего частного инвестора фондового рынка, проживающего в Курском регионе.

Автором проанализированы данные по 639 частным инвесторам Курского региона² (с 2006 года по сентябрь 2009 года), проведено их анкетирование, что позволило получить расширенную характеристику действующих частных инвесторов и составить социальный портрет частного инвестора — жителя Курского региона. Изучение и анализ действующих инвесторов автор проводил по 4 основным направлениям:

А. Социальный блок

Проанализированы следующие показатели: возраст, пол, семейное положение, образование инвесторов. Эти показатели выделены автором в социальный блок в связи с тем, что это относительно постоянные показатели, характеризующие респондентов, их изменение или практически невозможно (пол), или носит долгосрочный характер.

Б. Блок по финансовому положению инвесторов

Проанализированы профессия, ежемесячный доход на 1 члена семьи инвестора. Показатели по финансовому положению имеют переменный характер, что может повлиять на решение о частном инвестировании в инструменты фондового рынка.

В. Отношение к приватизации

Анализ по этому блоку проведен в связи с тем, что до сих пор отношение к приватизации среди населения очень разное. Об этом свидетельствуют работы доктора социологических наук В. Н. Иванова («Приватизация: итоги и перспективы» [2]), члена-корреспондента РАН М. К. Горшкова («Российский менталитет в стратегическом измерении» [1]) и других ведущих социологов. И так как приватизационные чеки были первой ценной бумагой, на которую можно было приобрести акции предприятий или иные инструменты фондового рынка, автор при подготовке исследования посчитал необходимым изучить влияние успешного (неуспешного) участия в приватизации на участие в частном инвестировании в инструменты современного российского фондового рынка. Также определено отношение женщин-инвесторов к приватизации.

Г. Блок по информированности инвесторов

Анализировалась информированность инвесторов о фондовом рынке, их мнение о российском фондовом рынке. Цель настоящего блока — определение достаточности доступной информации о фондовом рынке в СМИ (особенно региональных).

Исследование показало, что среди действующих инвесторов Курского региона 34,7 % составляют женщины (рис. 1).

---

² Это составляет не менее 50 % от общего количества частных инвесторов фондового рынка региона.

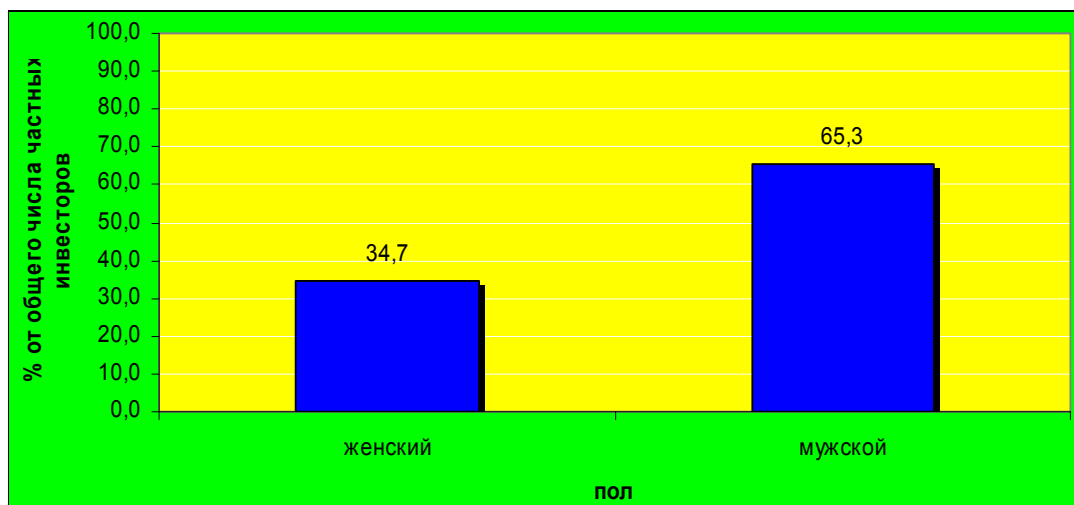

Рис. 1. Распределение инвесторов по гендерному признаку

С 2006 года по сентябрь 2009 года наблюдается положительная динамика участия женщин в частном инвестировании в акции российских предприятий, облигации, другие инструменты фондового рынка. По сравнению с 2006 годом по итогам сентября 2009 года количество женщин — частных инвесторов увеличилось почти в 1,5 раза (рис. 2).

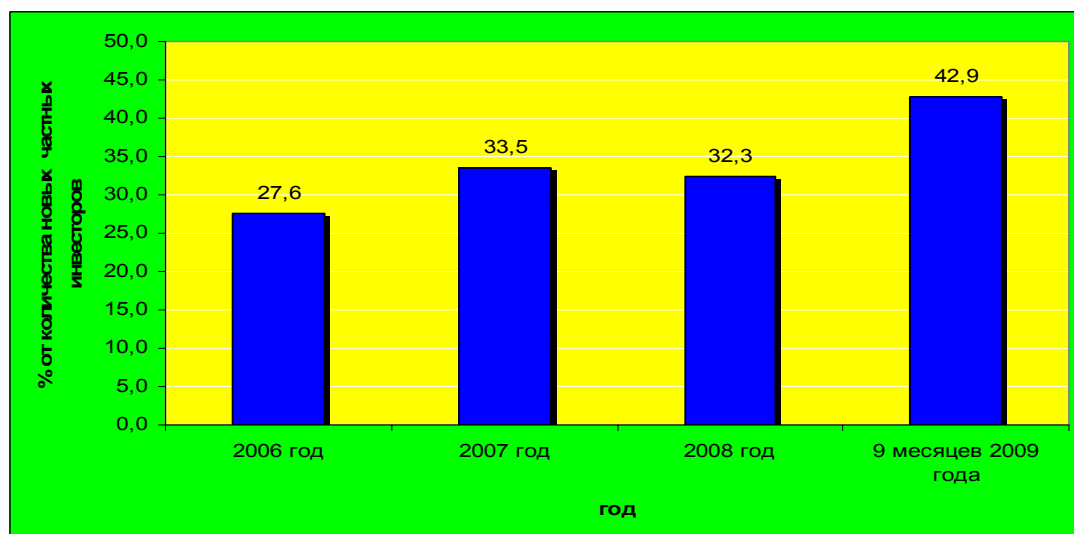

Рис. 2. Участие женщин в частном инвестировании за 2006—2009 годы

В настоящей статье приводятся данные исследований автора, позволяющие составить социальный портрет частных инвесторов — женщин. Для определения более полных данных автором проведено глубокое изучение фокус-группы «Цель Вашего прихода на фондовый рынок?» из 15 женщин — частных инвесторов, что позволило существенно дополнить изученные статистические данные.

1. Анализ социального блока

Возраст. Среди действующих инвесторов-женщин большую часть составляют несколько возрастных когорт. На 1-м месте лица в возрасте 25—30 лет — 17,6 % от общего количества, на 2-м месте — 14,4 % — группа в возрасте 30—35 лет, на третьем — 13,1 % — в возрасте 20—25 лет. Наименьшая группа — 0,5 % — женщины-инвесторы в возрасте до 20 лет. Более 10 % составляют инвесторы в возрасте 50—55 лет. В пенсионном возрасте — от 55 и старше — 18,5 %, из них 8 % — женщины в возрасте с 55 до 60 лет, 5,4 % — в возрасте 60—65 лет, 5 % — старше 65 лет (рис. 3).

Место жительства. Наибольшее количество курских инвесторов-женщин — 22,1 % — живет в Северо-Западном районе г. Курска. Это район наиболее интенсивной застройки, причем строительство происходит на основании договоров долевого участия, то есть за счет средств будущих владельцев квартир. Это наиболее экономически активные граждане, часть из которых ищет новые виды инвестиций, поэтому и решили попробовать себя на фондовом рынке в качестве инвесторов. Возраст женщин-инвесторов Северо-Западного района — 30—35 и 50—55 лет. В Центральном районе проживает 19,8 % действующих инвесторов-женщин, более 1/3 из них — в возрасте после 45 лет, их участие в фондовом рынке начиналось с перевода на биржевые торги акций, полученных в процессе приватизации.

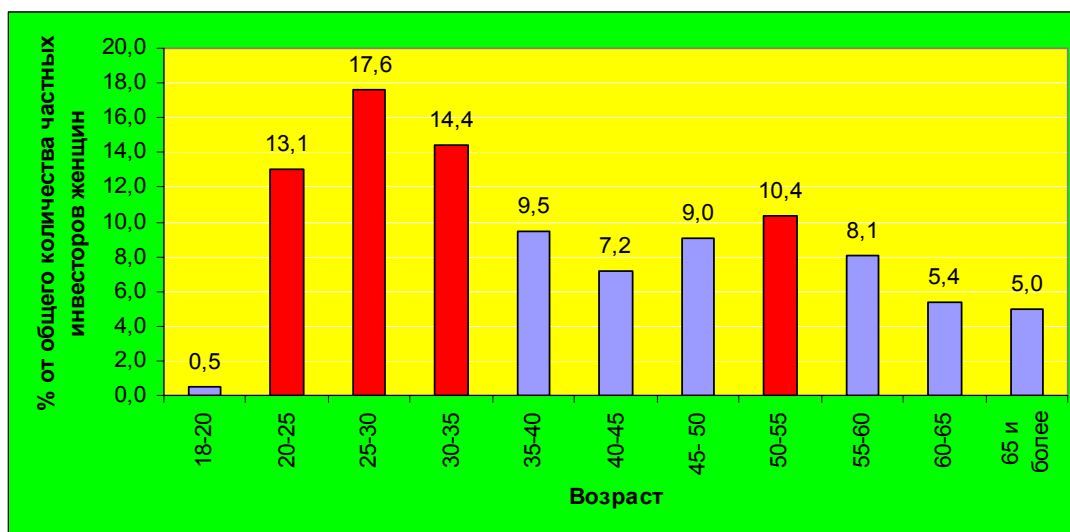

Рис. 3. Возрастные когорты женщин-инвесторов

Более половины женщин, проживающих в районе «Триумфальная арка», — в возрасте 45—50 лет. Туда переезжает много граждан, вышедших на «северную» пенсию (Уренгой, Норильск); кроме того, в этом районе располагается престижный коттеджный поселок и часть женщин-инвесторов проживает там. В основном это замужние неработающие женщины, участие в биржевых торгах они осуществляют из дома с использованием удаленного доступа через Интернет.

Районы КЗТЗ, Железнодорожный и «Волокно» — старые районы, основная застройка которых производилась еще до перестройки промышленными предприятиями (для своих работников). В этих районах сформировались 2 основные группы женщин-инвесторов — в возрасте 25—30 и 45—50 лет.

Также необходимо отметить, что более 19,8 % действующих инвесторов-женщин — жители Курского и других районов области (рис. 4). Среди них есть главы фермерских хозяйств, вложение ими средств в акции носит периодический характер, 1 % из этой категории осуществляет активные (спекулятивные) покупки и продажи. Кроме того, инвесторы из области крайне редко прибегают к маргинальной торговле³.

Основные возрастные группы женщин-инвесторов, проживающих в Курской области, — от 25 до 35 лет (более 50 %) и от 50 до 60 лет (37 %).

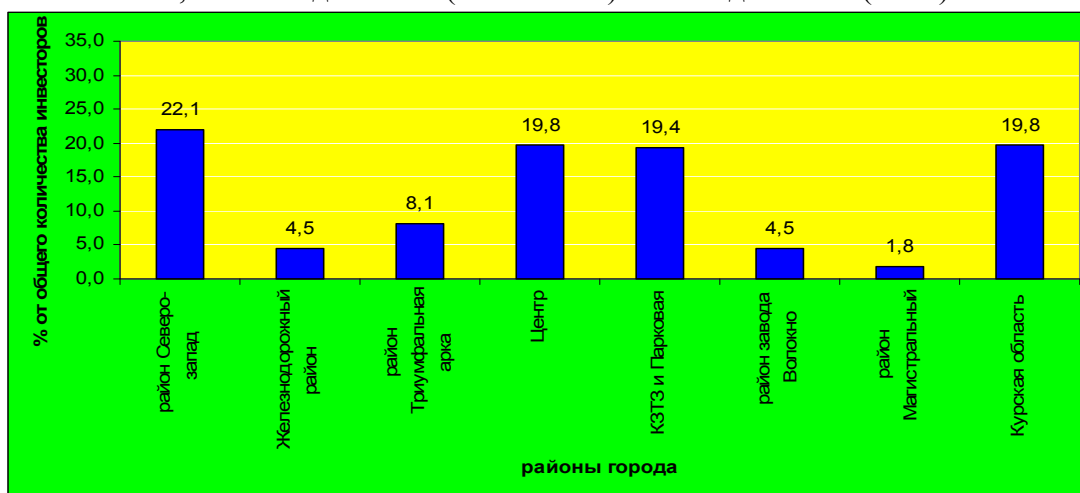

Рис. 4. Место жительства женщин-инвесторов

Семейное положение. 66,75 % женщин-инвесторов замужем, 24 % — незамужние, почти 7,2 % — в разводе, 1,4 % — вдовы (рис. 5).

³ Маргинальные сделки — сделки с использованием заемных средств или заемных ценных бумаг — один из основных спекулятивных инструментов на фондовом рынке, позволяющий «играть» на повышение или понижение котировок ценных бумаг.

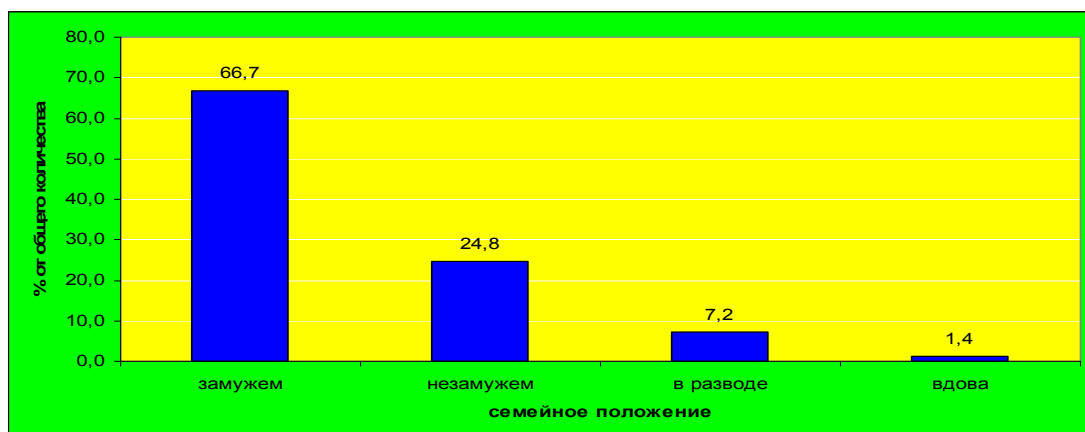

Рис. 5. Семейное положение женщин-инвесторов

Инвесторы, имеющие семью, в первую очередь рассматривают инвестиции в ценные бумаги как средство для увеличения дохода семьи или защиту имеющихся сбережений от инфляции, часто посещают дилинговые залы⁴ вместе с супругами, при этом владелец счета всячески демонстрирует свою причастность к развитию экономики страны и значимость ее биржевых операций для будущего семьи.

Незамужние или находящиеся в разводе рассматривают свою инвестиционную деятельность не только как способ увеличения дохода, но и как место общения и получения новых знаний.

Образование. Наибольшее количество инвесторов-женщин — 66,2 % — лица с высшим образованием, с незаконченным высшим — 6,8 %, 23 % — со среднеспециальным или среднетехническим образованием. Инвесторов-женщин со средним образованием — 4,1 % (рис. 6).

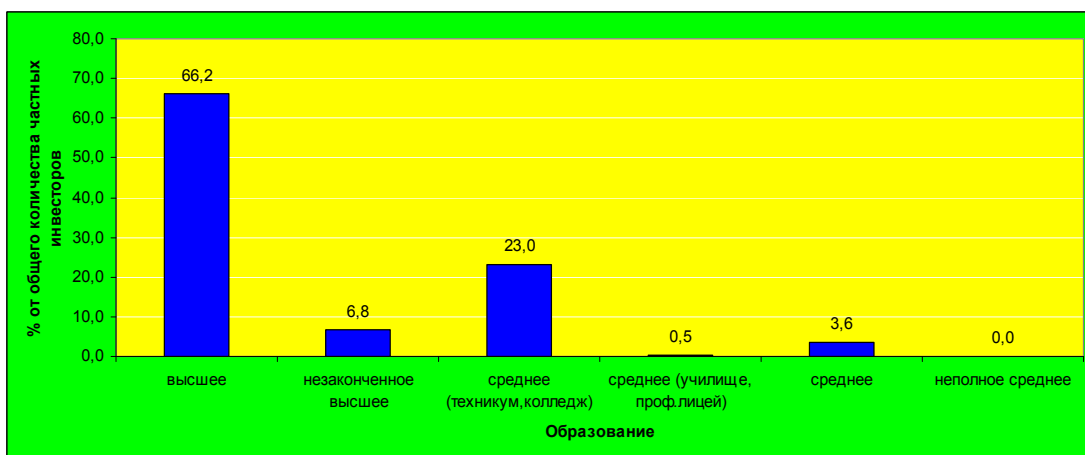

Рис. 6. Образование женщин-инвесторов

⁴ Места, организованные брокерами для самостоятельного участия инвесторов в биржевых торгах.

При анкетировании инвесторов определена следующая закономерность. Женщины со средним образованием перед приходом на фондовый рынок считали, что их образования недостаточно для инвестирования в акции. Лица с незаконченным высшим образованием — в основном студенты различных форм обучения.

2. Анализ финансового положения инвесторов

Профессия. При изучении распределения по профессиональному признаку в качестве профессий также приняты категории «студенты» и «пенсионеры», которые не входят в категорию «неработающие».

По профессии и роду занятий инвесторы распределились следующим образом: наибольшее количество — более 42 % — это служащие частных компаний, 20,7 % — служащие государственных компаний. Автор связывает это с тем, что служащие компаний получают стабильную зарплату без задержек, при этом ежемесячно направляют часть своего заработка на покупку инструментов фондового рынка, так как предполагают перспективный рост ценных бумаг. Также немаловажным фактором выступает то, что у большей части этой категории инвесторов есть свободный доступ в Интернет в рабочее время, что дает им возможность отслеживать котировки и при необходимости совершать биржевые сделки.

Индивидуальных предпринимателей среди инвесторов всего 2,3 % — индивидуальные предприниматели вкладывают средства в развитие своего бизнеса, поэтому средств для инвестирования в ценные бумаги у них просто не хватает. Возможно, число индивидуальных предпринимателей увеличится при более широкой их информированности о фондовом рынке. Пенсионеров среди инвесторов более 13 %, что превышает такие категории, как руководители и рабочие. Стартовый капитал пенсионеров — акции, полученные в процессе приватизации, лишь немногие из них вкладывают в акции деньги. Рабочих среди инвесторов — всего 4,1 %. Малое количество инвесторов этой категории связано с низкой информированностью этих лиц, а также с тем, что они считают, что фондовый рынок — очень сложный механизм и что для инвестирования необходимы специальные знания. Руководителей различного уровня среди инвесторов 4,5 %. Неработающие (но не пенсионеры) составляют 8,6 %, из них 2 % — инвалиды различных групп, остальные — замужние неработающие женщины (рис. 7).

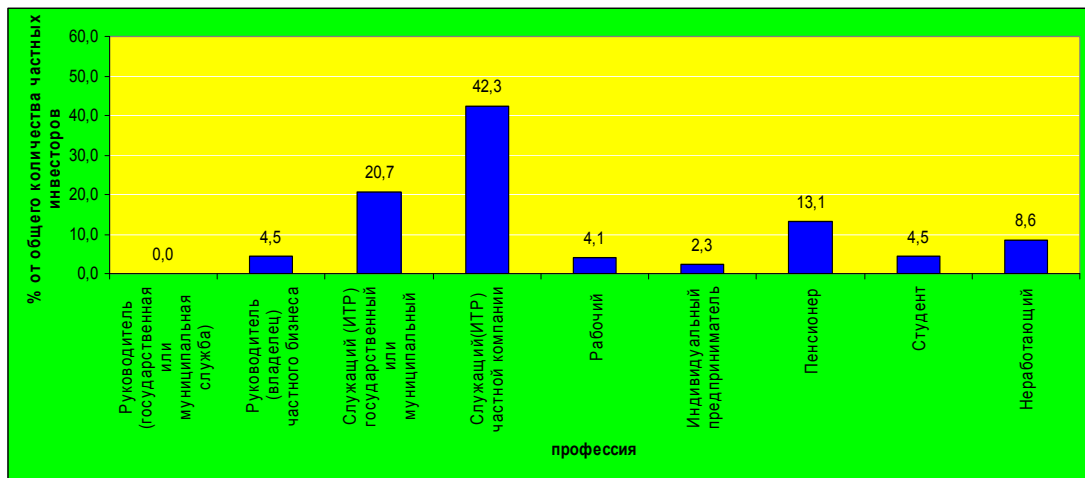

Рис. 7. Профессии женщин-инвесторов

Доход на члена семьи (душевой доход). По показателю «доход на 1 члена семьи» женщины-инвесторы распределились следующим образом: доход от 5 до 10 тысяч — 33,3 %, от 4 до 5 тысяч — 19,4 %, от 10 до 15 тысяч — 15,8 %, от 3 до 4 тысяч — 13,5 %. Наименьшее количество — 2,3 % — с доходом до 1—2 тысяч рублей, около 8 % инвесторов — с доходом на члена семьи более 15 тысяч рублей (рис. 8).

Небольшое количество инвесторов с доходом на члена семьи более 15 тысяч связано с относительно невысокой в сравнении со столичным регионом заработной платой, а также с тем, что лица с большим доходом предпочитают вкладывать средства в недвижимость на стадии строительства с целью дальнейшей перепродажи по более высокой цене.

Также при исследовании выявлена следующая закономерность: у женщин-инвесторов душевой доход напрямую связан с образованием. Так, у женщин с высшим образованием душевой доход более 15 тысяч — у 11,5 %, доход от 10 до 15 тысяч — у 19 %, доход 5—10 тысяч — у 37 %. В то же время у женщин со среднетехническим (техникум или колледж) образованием доход более 15 тысяч только у 1,9 %, а от 1 до 5 тысяч — более чем у 60 %. 12,5 % женщин со средним образованием имеют максимальный доход 5—10 тысяч, 25 % — 4—5 тысяч, 72,5 % имеют доход от 1 до 4 тысяч рублей.

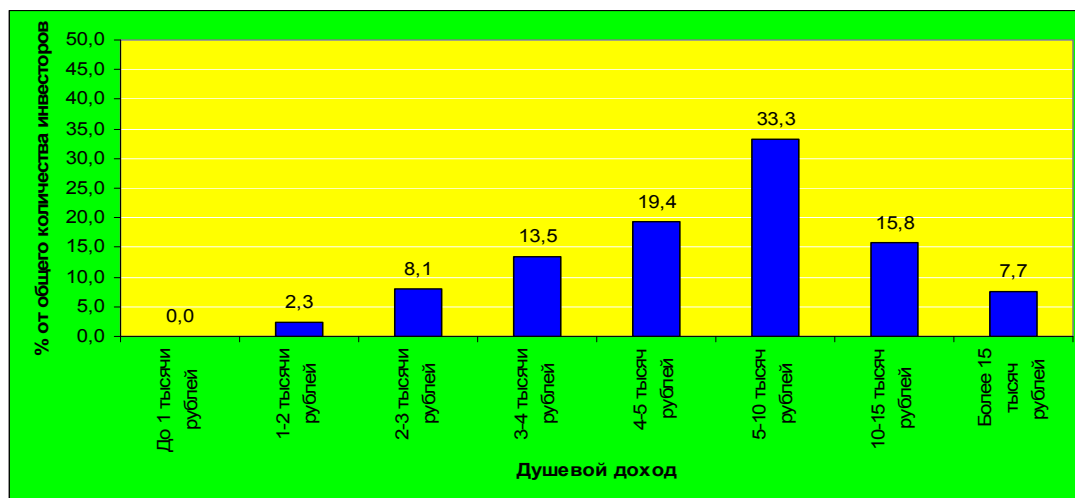

Рис. 8. Душевой доход женщин-инвесторов

3. Отношение к «ваучерной» приватизации

Положительное отношение к приватизации — у 35 %, у 45 % — отрицательное, 20 % инвесторов к приватизации относятся нейтрально (рис. 9). Отрицательное отношение сложилось из-за недостатка информированности в период приватизации, а также из-за низкого уровня понимания самих процессов приватизации и инвестирования. В результате этого приватизационные чеки были вложены в сомнительные компании под обещанный сверхдоход или проданы из-за элементарного безденежья.

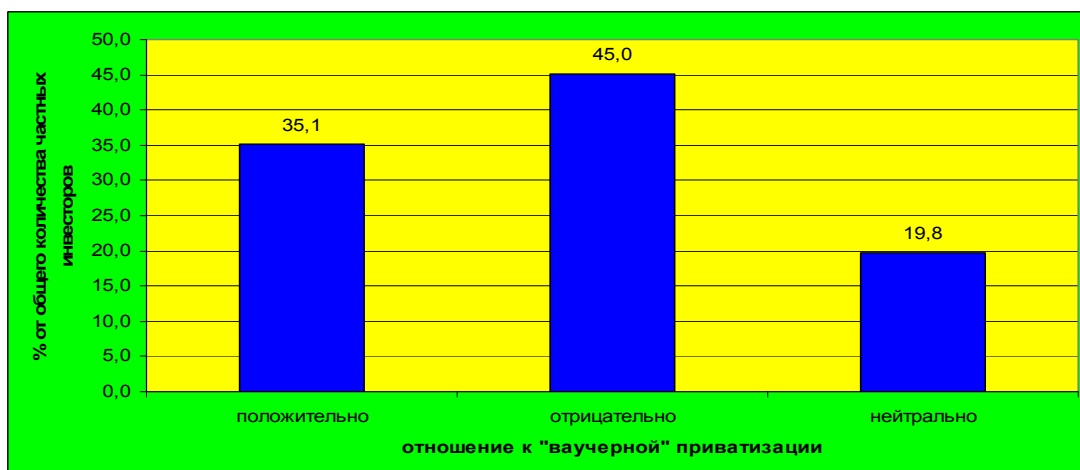

Рис. 9. Отношение женщин-инвесторов к «ваучерной» приватизации

Автор считает необходимым отметить, что среди лиц с отрицательным отношением к приватизации есть такие, кто выгодно и доходно вложил приватизационные чеки.

4. Информированность о фондовом рынке

86 % женщин-инвесторов высказали мнение о том, что в средствах массовой информации присутствует очень разноречивая информация о фондовом рынке (рис. 10). Канал РБК дает информацию в первую очередь для опытных инвесторов, тех, кто уже участвует в биржевых торгах, а сведения об основах рынка — акциях, биржах, брокерах, основах инвестирования — в доступном для первоначального понимания виде отсутствуют. Практически нет никакой информации в местных СМИ (за исключением редкой рекламы брокеров). Большая часть инвесторов высказала предложение, чтобы местные средства массовой информации давали доступную информацию о фондовом рынке, при этом обязательно должно освещаться состояние дел местных предприятий, желательно с оценкой их акций. То же относится и к чековым фондам, в которые население вкладывало свои приватизационные чеки.

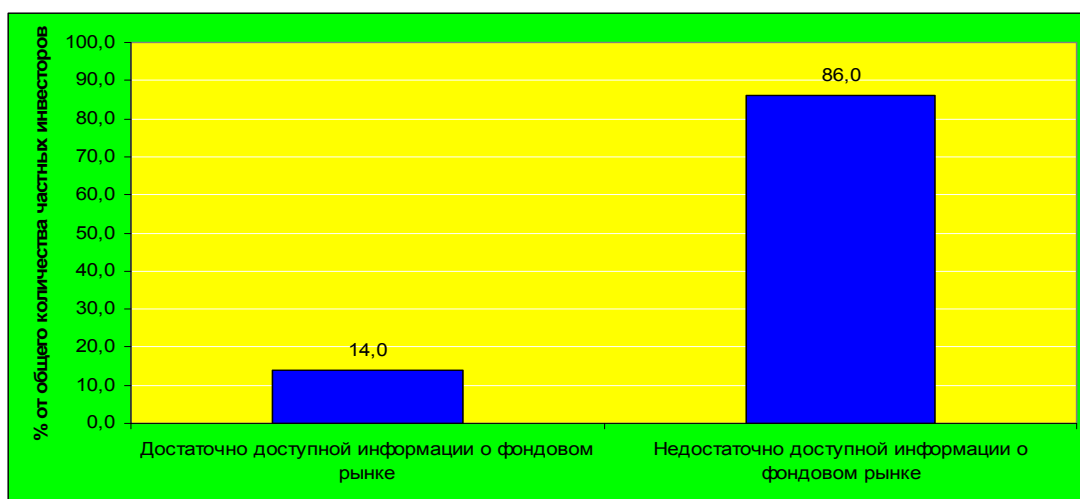

Рис. 10. Представление женщин-инвесторов о достаточности информации о фондовом рынке

Поскольку большинство — 98 % — опрошенных женщин-инвесторов стали активными участниками фондового рынка в последние 4 года и до этого не участвовали в биржевых торгах, им был задан вопрос об изменении их мнения о фондовом рынке после начала их инвестиционной деятельности.

Большинство — 76 % — ответили, что их мнение о фондовом рынке изменилось в лучшую сторону, до начала своей инвестиционной деятельности более 50 % считали, что биржевые торги — очень сложный процесс, только для избранных, кроме того, у многих инвесторов было ошибочное мнение о том, что для инвестиций необходимо не менее 300—500 тысяч рублей. 17 % ответили, что их мнение о фондовом рынке не изменилось. Более 5 % ожидали от фондового рынка стабильного роста биржевых котировок акций, они воспринимали вложение в акции как вложение на банковский депозитный вклад, лишь с той разницей, что в любой день можно продать акции и получить стабильный доход.

Выборочные материалы по изучению фокус-группы

*Елена Павловна*⁵, 57 лет, пенсионер, замужем, образование высшее, душевой доход — 10 тыс. рублей, бывший главный бухгалтер крупного предприятия, активный внутрисдневной спекулянт.

Ирина Андреевна, 66 лет, пенсионер, вдова, образование — медицинское училище, душевой доход — 4—5 тыс. рублей, бывшая медсестра, инвестор.

Елена Владимировна, 48 лет, в разводе, образование высшее, руководитель и владелица частной компании, душевой доход более 15 тыс. рублей, вкладывает средства в инструменты FORTS.

Мария Владимировна, 47 лет, замужем, образование — техникум, индивидуальный предприниматель, душевой доход 10—15 тыс. рублей, междудневной спекулянт.

Ирина Владимировна, 40 лет, замужем, образование высшее, душевой доход — 5—10 тыс. рублей, муниципальный служащий, междудневной спекулянт.

Оксана Ивановна, 42 года, в разводе, образование высшее, душевой доход — 5—10 тыс. рублей, госслужащий, инвестор.

Светлана Ивановна, 41 год, образование среднее, душевой доход — 4—5 тыс. рублей, замужем, сельхозработница, проживает в Курской области, инвестор.

Лариса Павловна, 35 лет, замужем, образование неоконченное высшее, душевой доход — более 15 тыс. рублей, не работает, внутрисдневной спекулянт.

Татьяна Борисовна, 34 года, замужем, образование высшее, душевой доход — более 15 тыс. рублей, не работает, инвестор, спекулянт на рынке FORTS.

Елена Серафимовна, 35 лет, в разводе, образование высшее, душевой доход — 5—10 тыс. рублей, преподаватель вуза, инвестор.

Валентина Александровна, 30 лет, образование высшее, душевой доход — более 15 тыс. рублей, не замужем, бухгалтер муниципального предприятия, активный инвестор.

Юлия, 26 лет, образование высшее, душевой доход — 5—10 тыс. рублей, замужем, юрист, активный инвестор.

Наталья, 25 лет, образование высшее, душевой доход — 5—10 тыс. рублей, замужем, экономист, в настоящее время — в декретном отпуске, активный инвестор.

Марина, 19 лет, образование неоконченное высшее, душевой доход — 4—5 тыс. рублей, замужем, студент, будущий географ, инвестор.

Татьяна, 19 лет, образование неоконченное высшее, душевой доход — 4—5 тыс. рублей, не замужем, студент, будущий менеджер, биржевой спекулянт.

---

⁵ Имена женщин — реальных инвесторов изменены.

Члены фокус-группы в возрасте до 20 лет объясняют свой участие в частной инвестиционной деятельности как практические занятия дополнительно к экономическим предметам, преподаваемым им в вузах. Их инвестиционные портфели составляют от 1 до 20 тысяч рублей, при этом многие из них совершают спекулятивные операции с инструментами фондового рынка. Для них фондовый рынок имеет в первую очередь познавательную функцию.

Татьяна: «В нашем вузе есть предмет «Рынок ценных бумаг». Я никак не могла понять, как формируется цена на акции и почему она то падает, то растет. Теперь мне все понятно. Ведь фондовый рынок — это спрос и предложение. Все ведь очень просто. Когда я рассказала на семинаре все, что я знаю теперь про фондовый рынок, про биржи, преподаватель удивился. Теперь перед каждым занятием он спрашивает меня про результаты моего участия в биржевых торгах».

Участники фокус-группы от 20 до 35 лет объясняют свою заинтересованность в инвестировании несколькими причинами. Неработающие замужние женщины — как определенную занятость, которая позволяет им быть в курсе происходящих событий, при этом их занятие нравится мужьям, у них есть определенная тема для разговора, ведь фондовый рынок, особенно в последнее время, — тема, о которой все говорят. Эти женщины обсуждают свои инвестиционные стратегии и программы со знакомыми, при этом все их знакомые знают, что они очень успешные инвесторы. Именно эта категория изучает различные индикаторы технического анализа, составляет свои определенные торговые стратегии. При посещении дилингового зала они ведут активное обсуждение своих стратегий с другими участниками фондового рынка.

Татьяна Борисовна: «Мой муж — руководитель и владелец частной компании. Настоял, чтобы я не работала. Мы — обеспеченная семья. Однако мне хотелось тоже приносить доход в семейный бюджет. Вот почему я пришла на фондовый рынок. Деньги для начала я взяла у мужа. Надо сказать, что с кризисом я потеряла очень много. “Попала” на принудительное закрытие позиций. Но поскольку я работаю в основном на рынке FORTS (с фьючерсами), именно я посоветовала мужу производить хеджирование валютной выручки через фьючерсные контракты на курс доллара к рублю. Как он к этому отнесся? Вы ведь сами открывали торговый счет его фирме».

Наталья: «После того как у нас родился сын, мы ежемесячно покупаем акции ведущих российских предприятий — Газпрома, «Лукойл», «Норильский никель», Сбербанк, банка ВТБ и других. Сумма каждый месяц не очень большая — когда 3 тысячи, когда немного больше. Надеюсь, что если мы сможем это делать лет 7—10, это будет хорошая сумма, которой хватит и на образование сыну, и на другие нужды. Активной спекуляцией я не занимаюсь, но иногда фиксирую прибыль. Делаю я это из дома, ведь теперь в Курске с Интернетом нет проблем. Муж иногда советует».

Работающие женщины в этом возрасте рассматривают свое участие в частном инвестировании для получения дополнительного дохода, а также для повышения своих профессиональных знаний. Одна из участниц фокус-группы, преподаватель экономических дисциплин вуза (частное инвестирование помогло ей узнать фондовый рынок «изнутри», что позволило на более высо-

ком уровне проводить занятия), рассказала, что ее авторитет среди студентов значительно повысился, когда она на занятиях стала приводить реальные примеры из биржевых торгов, а также делиться со студентами своими стратегиями торговли.

Незамужние инвесторы этой группы также рассматривают активное участие в инвестировании (все они посещают дилинговые залы) как возможность новых знакомств.

Валентина Александровна: «Я родом из поселка в Курской области. Окончила вуз в Курске. В институте все время уходило на учебу, закончила институт с красным дипломом. Устроилась на работу бухгалтером, в коллективе — почти одни женщины, знакомиться на улице не в моих правилах, в поселке мужчины или уже женатые, или спились, может быть, с кем-то познакомлюсь здесь».

Один из вопросов, который ставился на фокус-группе, — почему так мало индивидуальных предпринимателей участвует в инвестировании.

Мария Владимировна: «Большинство предпринимателей занимаются торговлей, мы ездим в Москву, покупаем товар, далее его реализуем, в основном на рынках. Я занимаюсь этим уже более 10 лет. Раньше сама стояла на рынке, теперь нанимаю работников. Так что у большинства нет времени. Плюс нет свободных средств, а если они появляются, то вкладываются в товар. Бытует очень ошибочное мнение о том, что предприниматели — довольно-таки состоятельные люди. Но я решила попробовать. Узнала об этом виде инвестирования от знакомого, он при мне звонил брокеру и давал распоряжения о продаже акций».

Также с фокус-группой обсуждался вопрос о справедливости «ваучерной» приватизации.

Елена Павловна: «Приватизация прошла несправедливо, все раздали “своим”, народ обманули, как всегда» (во время приватизации она вложила 4 своих и 10 купленных за бесценку приватизационных чеков в акции Газпрома. По итогам приватизации владеет 25 000 акций Газпрома. Стоимость этого пакета акций на момент беседы — более 4 млн рублей. — *Примеч. автора*).

В результате анализа проведенных исследований автором составлен **социальный портрет наиболее массового действующего инвестора-женщины Курского региона:**

- **возраст** — 20—35, 50—55 лет — городские жители, 25—35, 50—60 лет — жители сельской местности;
- **семейное положение** — большинство замужем;
- **образование** — высшее;
- **место жительства** — новые микрорайоны (в городах);
- **профессия** — служащие государственных и частных компаний, в сельской местности — муниципальные служащие (врачи, учителя) и руководители фермерских хозяйств;
- **душевой доход** — от 5 до 10 тысяч рублей;
- **отношение к приватизации** — положительное не более чем у 35 %;
- **предпочтение ценных бумаг** — акции предприятий с участием государства;

- **мнение о достаточности в СМИ доступной информации о фондовом рынке** — доступной и понятной информации о фондовом рынке крайне мало, особенно на региональном уровне.

Библиографический список

1. *Горшков М. К.* Российский менталитет в стратегическом измерении // Социол. исслед. 2008. № 6. С. 100—114.
2. *Иванов В. Н.* Приватизация: итоги и перспективы : (по результатам одного исследования) // Там же. 2007. № 6. С. 48—60.
3. *Радаев В. В.* Экономическая социология : курс лекций : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 1997. 368 с.
4. *Ядов В. А.* Стратегия и методы качественного анализа данных. URL: <http://www.isras.ru/files/File/4M/1/Yadov.pdf> (дата обращения: 10.03.2009 года)
5. Официальный сайт ММВБ. Клиенты участников торгов. URL: http://www.micex.ru/markets/stock/members/member_clients (дата обращения: 10.10.2009).

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

ББК 60.561.51

О. А. Громашева

МАТЕРИНСКИЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ

Вслед за западными странами вопрос рисков питания становится все более актуальным и проблематизированным в современной России. На смену эпохе дефицита пришло изобилие, благодаря глобализации и развитию новых технологий на рынке продовольствия постоянно появляются новые продукты (в частности, содержащие искусственные пищевые добавки и генетически модифицированные ингредиенты), потребление которых проблематизируется как в экспертных кругах, так и на уровне повседневного общения. Особая группа, которая наиболее сильно может быть подвергнута рискам питания и питание которой поэтому требует специального управления (как на уровне государственной политики, так и в рамках семьи), — это дети. Мы сфокусировали наше исследование именно на уровне семьи, как непосредственно организующей и контролирующей питание дошкольников. В ходе предварительного анализа мы выяснили, что в подавляющем большинстве семей ответственными за питание являются матери.

Основной вопрос, на который мы попытаемся ответить, — какие стратегии применяют матери детей-дошкольников (3—6 лет) для того, чтобы обеспечить детям оптимальное с точки зрения рисков питание.

Были проанализированы обсуждения на семейном форуме 7ya.ru¹ за один год (что составило 362 страницы) и проведены семь полуструктурированных фокусированных интервью с матерями. Исходя из статистики форума и проведенных администрацией сайта опросов, портрет типичной участницы форума может быть описан следующим образом: это замужняя женщина с высшим образованием, жительница крупного российского города, со средним или выше среднего уровнем материального достатка, имеющая 1—2 детей. Интервью проводились с женщинами, которые по социальным характеристикам приближались к участницам форума (все они на момент интервью являлись жительницами Санкт-Петербурга)².

© Громашева О. А., 2009

¹ По данным на 19 июня 2008 г., сайт 7ya.ru занимал первое место по индексу цитируемости Яндекса и одно из первых мест по статистике посещаемости (в рейтингах Mail.ru, LiveInternet, Rambler's Top100). Были проанализированы обсуждения релевантной для нашего исследования темы форума (Конференции/Ребенок от 3 до 7 лет/Питание. URL: <http://conf.7ya.ru/conf/conf-Care3.aspx>) в период с июня 2007 г. по июнь 2008 г.

² Таким образом, результаты нашего исследования касаются только городских семей со средним уровнем дохода, в которых матери имеют высшее образование и ко-

В рамках данной статьи мы не имеем возможности подробно останавливаться на том, как матери интерпретируют риски питания, отметим лишь некоторые важные моменты. В ходе исследования мы придерживались социально-конструктивистского подхода к анализу рисков³ (который разделяется большинством современных исследователей, занимающихся вопросами рисков в обществах позднего модерна, — У. Бекон [1, 2], Э. Гидденсом [3, 8], Н. Луманом [5], М. Дуглас [4] и др.). Само понятие «риски питания», как правило, не использовалось матерями, однако мы будем употреблять именно этот термин как общепринятый в социологической литературе и как обобщенное понятие в интерпретации матерей для обозначения всех «угроз», «опасностей», «вреда» для организма ребенка в кратко- и долгосрочной перспективах, которые могут быть связаны с его питанием.

Не описывая подробно типы рисков питания, их иерархию и отношение к ним матерей, отметим, что в результате анализа нами были выделены три категории рисков питания. Первая связана с нарушениями условий производства, хранения, транспортировки, продажи, в результате чего изначально доброкачественный продукт питания стал опасным (например, нарушение температурного режима хранения, санитарно-гигиенических правил на производстве и т. д.). Вторая категория рисков связана с продуктами питания, нарушающими его сбалансированность (в первую очередь, за счет избыточной калорийности при низкой насыщенности витаминами, полезными микроэлементами и пр.). К такой пище матери относят преимущественно фастфуд и сладости. Третья категория рисков питания может быть обозначена как введение в продукт на разных этапах «добавок» (в виде пищевых добавок, «генетической информации», удобрений для растений или антибиотиков и гормонов для скота, остаточное содержание которых может сохраняться в конечных продуктах питания, и т. д.) для улучшения определенных свойств продукта: повышения устойчивости растений к вредителям, увеличения продолжительности сроков хранения продукта, усиления его вкуса и запаха. Отметим, что несколько категорий рисков могут пересекаться (например, блюда, продаваемые в заведениях быстрого питания, проблематизируются матерями как в связи с опасностью нарушения сбалансированности питания, так и в связи с использованием пищевых добавок при приготовлении, а также с возможным нарушением санитарных норм в заведении). При этом можно сказать, что есть риски, которые гораздо чаще вызывают озабоченность матерей, поскольку продукты, «содержащие» данные риски, являются особенно привлекательными для детей (это продукция, содержащая большое количество красителей, усилителей вкуса и запаха, в красочной упаковке, с игрушками, реклама которой ориентирована на детей). Именно эти риски чаще всего и становятся для матерей основным объектом управления рисками.

личество детей не превышает 2 (при этом питание детей можно охарактеризовать как «обычный стол», не являющийся специфическим ни в силу медицинских ограничений, ни в силу этнических, религиозных и прочих факторов).

³ Этот подход предполагает разделение «реальных» угроз и их общественного восприятия, на формирование которого большое влияние оказывает экспертное знание.

Для анализа практик управления рисками мы воспользуемся инструментами концепции стратегий и тактик М. де Серто [7, р. XII—XIII, XV, XIX], а также замечаниями О. Н. Яницкого [6] относительно специфики стратегий управления рисками в современном российском контексте. В концепции М. де Серто нам наиболее важно не само разделение на тактики и стратегии (которое мы не будем непосредственно применять в нашем исследовании), а его выводы о том, что потребители (которым производителями, торговыми центрами навязываются определенный ассортимент продуктов, способы употребления и др.) могут творчески приспосабливаться к существующим ограничениям и воздействиям, адаптируя их к своим целям.

Отметим, что под стратегиями мы понимаем широкий спектр действий матерей (в том числе отказ от действий, ситуационные/эпизодические действия), а не рационально выстроенный и последовательно используемый комплекс действий.

Для описания стратегий управления рисками в контексте современной России мы воспользуемся подходом О. Н. Яницкого [6]. Российский контекст характеризуется повышенной насыщенностью рисками и, соответственно, особым их восприятием — высоким уровнем социально приемлемого риска (Шляпентох, Шубкин, Ядов; цит. по: [6, с. 38, 44]), а следовательно, приводит к использованию особых стратегий управления рисками. Для нашего анализа мы воспользуемся некоторыми из обозначенных О. Н. Яницким «практик самосохранения» [6, с. 108—109] (в частности, такими как «терпение», «искейп (выход)» и «формирование риск-солидарностей»), но далее переформулируем их для целей нашего исследования.

Опираясь на инструменты М. де Серто и О. Н. Яницкого, мы выделяем следующие, релевантные для целей нашего исследования, группы стратегий управления рисками питания:

1) *сопротивление* сложившейся системе рисков. Группа стратегий, предполагающая либо выход из системы рисков, либо попытки ее изменения (солидарность). Наше понимание стратегии «выход» приближается к пониманию «активного искейпа» О. Н. Яницкого⁴. Под стратегией «солидарность» мы будем понимать открытое сопротивление существующим рискам питания посредством формирования риск-солидарностей и коллективных действий по пересмотру общественных правил в сфере рисков питания (в понимании О. Н. Яницкого);

2) *непротивление* рискам. Группа стратегий, подразумевающих как игнорирование рисков, так и терпение (отказ от сопротивления рискам вследствие экономии усилий, что совпадает с представлением о практиках «терпения» О. Н. Яницкого);

3) *приспособление* к рискам. Группа стратегий, подразумевающая использование матерями различных стратегий повседневного сопротивления (тактик,

---

⁴ Однако уточним, что, в отличие от О. Н. Яницкого, мы имеем в виду не выход из системы всех рисков, существующих в России, а такие стратегии «выхода», которые позволят изолироваться от как можно большего количества современных рисков питания.

в понимании М. де Серто). Именно эта группа стратегий наиболее отчетливо представлена в наших эмпирических материалах.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

а). Стратегия «искейп (выход)»

К одной из стратегий «выхода» можно отнести переход на домашнее производство продуктов питания, подразумевающий максимальный отказ от приобретения продуктов на продовольственном рынке и посещения организаций общественного питания, собственноручное выращивание фруктов и овощей, разведение скота. Хотя такие практики существуют в современной России (например, в виде экодеревень), в нашем эмпирическом материале не встретилось ни одного подобного случая (отчасти это связано с тем, что мы ориентировались прежде всего на городских жителей). Практически все наши информантки (интервью), а точнее, их родители, имеют дачу, на которой выращиваются фрукты и овощи (часть урожая привозится в город в качестве «запасов на зиму»). Однако, во-первых, продукты, выращенные на даче, по оценкам наших информанток, занимают очень незначительную часть от общего объема потребляемых продуктов питания, а, во-вторых, информантки, хотя и отмечали, что питание продуктами собственного производства является наиболее безопасным, высказали нежелание лично заниматься садоводством и огородничеством.

В отношении рисков, связанных с питанием детей в детских садах, может быть применена стратегия отказа от пользования услугами детских садов. Отметим, что все наши информантки пользуются (или пользовались) услугами детских дошкольных учреждений (даже те матери, которые не работают и занимаются воспитанием детей). Но некоторые матери отказались от услуг детских садов (например, одна информантка после нескольких случаев отравления детей в детском саду вынуждена была уйти с работы и стать домохозяйкой, в том числе и для того, чтобы обеспечивать своему ребенку более безопасное питание).

На основе эмпирического материала можно сделать вывод о том, что стратегия «выхода» не является распространенной стратегией управления рисками.

б). Стратегия «солидарность»

Ни одна из 7 информанток не принимала участия в деятельности инициативных групп, общественных организаций или политических партий, направленной на повышение безопасности питания детей. Вот как объясняла это одна из информанток.

Виктория⁵ {интервью} (32 г., домохозяйка, 2 детей — 6 и 9 лет)⁶:

«Я — условно активная, сама по себе активная, но не активная в социальном плане. Я даже если уверена, что надо что-то сделать, не буду этого делать. У нас нет такого, как в культуре у американцев: собрались, придумали что-то такое и сделали. Надеяться на то, что потребители сами поймут, что что-то замал-

---

⁵ Все имена информантов изменены.

⁶ Здесь и далее для краткости мы не будем указывать семейный статус, образование и доход информанток (все состоят в браке, имеют высшее образование и средний уровень дохода). В приводимых цитатах после имени информантки мы будем указывать в фигурных скобках источник информации (интервью или форум).

чивается, и начнут действовать, — это утопия. У нас: “Я лучше это время поработаю и заработаю своей семье на икру, не генномодифицированную, а остальные пусть как хотят, так и живут”».

На форуме нам встретился только один случай обсуждения возможных коллективных действий матерей. Их недовольство вызвало принятие московскими городскими властями новых требований в отношении организации питания детей в ДОУ⁷ (содержащих в том числе перечень продуктов, рекомендованных для питания в детсадах, среди которых появились такие продукты, как полуфабрикаты, мюсли, творожок «Растишка» и другие, безопасность которых вызвала у многих сомнения). Матери обсуждали, какие существуют возможности для изменения данных правил питания в детских садах. В их числе они предлагали сбор подписей и отправку писем в органы государственной власти с требованием пересмотреть список рекомендованных продуктов для питания детей в ДОУ. Однако данная инициатива угахла вследствие отсутствия единства в интерпретации рисков матерями, а также недостатка уверенности в возможности добиться положительного результата коллективных действий. В целом по результатам нашего исследования отмечается очень низкий уровень активности матерей в публичном отстаивании прав детей, пассивность потребительского поведения. Эти выводы согласуются с заключениями О. Н. Яницкого о проблематичности формирования риск-солидарностей в современной России.

НЕПРОТИВЛЕНИЕ РИСКАМ

а). Стратегия «игнорирование рисков»

Она подразумевает, что матери предпочитают «не относиться с излишней серьезностью» к рискам питания (или даже относиться к ним с юмором).

В одних случаях матери связывали такое отношение с недоверием к источникам информации о рисках в силу ангажированности источников, а также наличия множества экспертных мнений, зачастую противоречащих друг другу. Еще один из вариантов связывался матерями с преобладанием негативной информации о существующих рисках питания и практическим отсутствием предлагаемых способов защиты от этих рисков. В других случаях это объяснялось тем, что в иерархии критериев принятия решений в сфере питания детей «риски питания» уступают таким критериям, как «вкус», «быстрота приготовления» и т. д.

Евгения {форум} (Москва, 32 г., программист, 1 ребенок):

«...Может, и правда бывает, чтобы и вкусно, и полезно при этом? Мне вот 99 % всего полезного невкусно категорически, до омерзения. Соответственно питаемся все (включая ребенка) крайне бесполезным, зато вкусным (мясо жареное 2—3 раза в день, картошка+мясо, сладкое, кока-кола, Макдоналдс). Я до сих пор не могу понять, РАДИ ЧЕГО отказываться от всего этого и жевать ботву??? Я согласна жить не так долго, зато жить в кайф!»

---

⁷ Приказ Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по г. Москве № 116 от 29.11.2007 г. и методические указания «Организация питания в дошкольных образовательных учреждениях», г. Москва, 2007 г.

б). Стратегия «терпение»

Большинство информанток (а также многие матери — участницы форума) сталкивались с различными рисками в сфере питания детей, которые привели к их отравлениям или аллергическим реакциям (в результате покупки некачественных продуктов питания или употребления недоброкачественной пищи в организациях общественного питания или детских садах). Однако ни одна из них не подавала в суд и не оформляла жалобы в отношении производителей или продавцов недоброкачественных продуктов питания (и лишь немногие возвращали некачественный продукт в магазин, пытаясь вернуть за него деньги). Наиболее распространенной реакцией является уничтожение опасного продукта и лечение ребенка в случае необходимости. Однако стоит отметить, что матери говорили о том, что последствия (например, отравление) были не очень тяжелыми и в случае, если бы ребенок серьезно пострадал, они бы приняли более решительные меры.

Ирина {интервью} (28 лет, домохозяйка, 2 детей — 7 мес. и 5 лет):

«В магазине рядом с домом стараемся не покупать. Там мясо и рыба плохие, видимо, потому что долго лежат. Сами не травились. Но я покупала, чувствовала запах и выбрасывала. Арбузом как-то отравились года 3 назад. (Вопрос: А если что-то такое купили некачественное или отравились, что вы будете делать?) Молча позлюсь и выкину в мусоропровод. Не пойду ругаться <...> (Вопрос: А как вы считаете, должны ли каким-то образом реагировать родители на отравления в детсадах?) Должны. Если бы это коснулось моего ребенка, наверно, пошла бы пожаловалась куда-нибудь. Меня муж охлаждает, у меня было пару раз желание, он сказал: не надо, сиди, не возмущайся».

Причины подобного отношения матери связывают как с экономией временных, эмоциональных, материальных и прочих ресурсов, так и с отсутствием уверенности в том, что их усилия могут действительно привести к каким-то результатам. Таким образом, можно сделать вывод о том, что практики «терпения» действительно — и здесь мы согласимся с О. Н. Яницким — являются очень распространенной реакцией российских потребителей на риски.

ПРИСПОСОБЛЕНИЕ

а). Стратегия «имитация»

В отношении продуктов, любимых и постоянно выпрашиваемых детьми, которые матери считают вредными для их здоровья, они применяют стратегию подмены, или имитации. Матери заимствуют идеи у производителей этих продуктов питания и полностью или частично воспроизводят данный продукт/блюдо (приготавливают его в домашних условиях из проверенных и более качественных, на их взгляд, ингредиентов). Матери пытаются использовать часть «трюков», которые применяют производители с целью повышения привлекательности своих продуктов для детей (сделать блюдо более вкусным и красивым). Среди продуктов, которые наиболее часто «имитируются» матерями, — йогурты, гамбургеры, шаурма, мороженое, картофель фри, сладости.

В описаниях рецептов, которыми матери обменивались друг с другом на форуме, упоминались частичное использование «вредных» продуктов, их раз-

бавление или частичная имитация (например, йогурт с пищевыми добавками разбавляется обычным кефиром; украшения, встречающиеся в любимом пирожном ребенка, матери используют для декорирования выпечки, приготовленной своими руками).

Анастасия {форум} (Москва, 36 лет, 1 ребенок):

«Пойдите на хитрость: в стакан от “Растишки” положите творожок “Агуша” без добавок и добавьте мороженой малины-клубники с сахаром, например, тростниковым или свое варенье».

Приготовление домашней пищи позволяет матери гораздо лучше контролировать (снижая неопределенность) как качество исходных ингредиентов, так и процесс приготовления пищи. Чем больше этапов обработки пищи мать осуществляет сама, тем большую уверенность в качестве и безопасности пищи, потребляемой ее ребенком, она получает.

В случаях, если какие-то блюда в меню детского сада вызывают у матерей недоверие, довольно распространенными являются следующие действия: утром кормить ребенка дома (чтобы он ел на завтрак домашнюю кашу, а не мюсли в детском саду); договориться с сотрудниками детсада о том, чтобы ребенка кормили принесенной из дома едой (например, домашней котлетой вместо пельменей), или о том, чтобы определенные продукты заменяли на другие (отметим, что эти способы являются индивидуальными и ситуационными решениями, требующими согласования с сотрудниками детсадов, т. е. они возможны далеко не в каждом детсаду и не в каждом случае).

б). Стратегия «избегание»

Другая стратегия, используемая матерями, — не давать детям возможность увидеть и захотеть какой-то «вредный», с их точки зрения, продукт. Для этого, например, выключают телевизор, когда транслируется реклама; убирают конфеты и прочие сладости дома в недоступные для ребенка места; организуют маршрут по супермаркету таким образом, чтобы дети проходили вдалеке от полок с «вредными» продуктами, или вообще не берут детей с собой в магазин. В супермаркетах около кассы, как правило, располагаются полки с продуктами в красочных упаковках, которые привлекают детей. Это известный маркетинговый прием с целью спровоцировать покупателей на совершение так называемых «импульсивных» покупок. Поэтому матери всячески стараются не подвергать ребенка подобным «искушениям».

Анонимно {форум} (Санкт-Петербург, нет данных):

«Я его всеми способами в магазине мимо этой дряни провожу, не дай бог, заметит».

в). Стратегия «ограничение и контроль»

В отношении употребления «вредных» продуктов матери часто устанавливают определенные правила (например, употребление таких продуктов не чаще 1 раза в неделю или не больше 1 штуки в день). В их числе могут быть правила, предусматривающие условия, при выполнении которых ребенок может получить «любимый» продукт (например, если он сделал «что-то хорошее»).

Ирина {интервью} (28 лет, домохозяйка, 2 детей — 7 мес. и 5 лет):

«У нас с ней правило: сладкое едим по выходным. Я недавно его придумала (смеется. — *Примеч. интервьюера*). По субботам и воскресеньям. Потому что зубы начали портиться. Но не всегда его соблюдаем. По крайней мере, насчет конфет стараюсь придерживаться. Потому что ей волю дай, она одно сладкое будет есть».

г). Стратегия «формирование культуры питания»

Самой сложной стратегией матерей (однако самой эффективной, по нашему мнению, составленному на основе анализа эмпирического материала) является воспитание у ребенка культуры питания. Уточним, в чем отличие данной стратегии от предыдущей. Стратегия «ограничение и контроль» предполагает установление временных ограничений и насаждаемых сверху норм, опирающихся на использование материнской власти (опасность такой стратегии состоит в том, что ребенок, достигнув определенного возраста и получив независимость, может «дорваться до запретного плода» и заменить навязанные ему матерью «безрисковые» практики питания на полностью противоположные). В отличие от нее стратегия «формирование культуры питания» осуществляется благодаря интериоризации представлений о рисках питания и усвоению ребенком «правильных» практик питания, что является одним из возможных способов обеспечить ему здоровое питание не только в детстве, но и на всю жизнь. Участницы форума отмечали, что для реализации этой стратегии необходимо повседневное поддержание практик «правильного» питания всеми членами семьи. Немаловажную роль в этом играет просвещение ребенка, повышение его компетентности в том, какая пища является вредной, а какая полезной. Формирование культуры питания является очень тонкой техникой, предполагающей также поддержание особых доверительных отношений между родителями и детьми.

Марина {интервью} (30 лет, PR-менеджер, ребенок в возрасте 3 лет):

«Мы сыну, конечно, объясняем, но он пока не очень понимает. Мы говорим: “Посмотри, мы берем яблочко, ты его кушаешь — у тебя ведь ничего не красится?” Он: “Ничего”. Мы: “А теперь возьми чупа-чупс, смотри, у тебя сразу руки какого цвета? А рот?” Он: “Ой!” Мы: “Страшно? И нам страшно. Давай не будем это есть”. Он: “Давай”».

По результатам исследования можно сделать следующие выводы. Матери являются основными агентами управления рисками питания детей, воспринимая организацию их питания как сферу своей особой компетенции. Матери считают питание детей крайне важной функцией, предполагая, что ребенок должен получать особое (а фактически — самое лучшее, в представлении матерей) питание. Хотя существующая система регулирования рисков питания видится матерям несовершенной, они не предпринимают открытых коллективных действий для изменения сложившейся ситуации. Наиболее характерными стратегиями управления рисками питания детей, которые матери осуществляют, являются стратегия «терпение» и группа стратегий «приспособление». Практики приспособления (в первую очередь это касается стратегии «форми-

рование культуры питания») представляются нам особенно важными, поскольку, несмотря на их индивидуальный характер и кажущуюся пассивность, они могут быть достаточно эффективными, не только защищая ребенка от рисков питания в детском возрасте, но и вырабатывая у него устойчивость к рискам на всю последующую жизнь.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
2. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Thesis. 1994. Вып. 5. С. 161—168.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Там же. С. 107—134.
4. Дуглас М. Риск как судебный механизм // Там же. С. 242—253.
5. Луман Н. Понятие риска // Там же. С. 135—160.
6. Яницкий О. Н. Социология риска. М. : LVS, 2003. 192 с.
7. Certeau M. de. The Practice of Everyday Life. Berkeley ; Los Angeles : University of California Press, 1984. 229 с.
8. Giddens A. The Trajectory of the Self // Modernity and Self-Identity. Cambridge : Policy Press, 1991. P. 74—98.

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

ББК 60.542.2:60.524.224.3

С. Л. Журавлева

ГЕНДЕРНЫЕ ЭФФЕКТЫ В ТЕЛЕФОННОМ ИНТЕРВЬЮ

Социально-демографические характеристики и особенности личности интервьюера (главным образом, речевой аспект его поведения) традиционно относят к числу факторов, способных оказать значительное влияние на результаты телефонного опроса. Вербализация мыслей респондента происходит под воздействием множества опросных факторов. Важную роль в формировании ответа играет характер взаимоотношений, складывающихся между респондентом и интервьюером. Так, по мнению американских социологов Ч. Аткина и С. Чаффи, коммуникативная (интерперсональная) ситуация в процессе интервьюирования представляет особую опасность, а интервьюера они вообще называют одним из сильнейших источников искажения информации [6, р. 69].

Подобной же точки зрения придерживаются и многие из отечественных социологов, занимающихся методическими вопросами интервьюирования. Г. А. Погосян, к примеру, отмечает, что воздействие интервьюера на мнения и поведение респондентов — одна из серьезнейших проблем социологии [4, с. 165]. К выводу об очень существенном влиянии интервьюера на различные аспекты интервью приходят А. Ю. Мягков и И. В. Журавлева [3, с. 108]. Тем не менее в российской науке пока еще уделяется недостаточно внимания подобного рода вопросам, чего нельзя сказать о западной социологии.

Эффект интервьюера в социологических опросах

Под эффектом интервьюера принято понимать различия в ответах респондентов, связанные с личностью интервьюера [12, р. 251].

Одним из первых эффект интервьюера исследовал американский социолог Г. Хайман (1951). Затем вплоть до конца 70-х гг., судя по оценкам ряда зарубежных авторов, данная проблема почти не изучалась [15, р. 245; 3, с. 61].

Вместе с тем в современной западноевропейской и американской социологической литературе эффекту интервьюера уделяется особое внимание. Многие исследователи в качестве аксиомы сегодня полагают, что общая тенденция интервью такова: респонденты изменяют ответы в соответствии со своим видением социально приемлемого, допустимого поведения либо в соответствии с ожиданиями интервьюера [8, р. 410].

Процесс коммуникации в телефонном интервью имеет ряд особенностей. В первую очередь стоит отметить следующие.

1. Опосредованный характер общения в ситуации телефонного интервью, усиливающий чувство дискомфорта (микростресса), характерное для любого опроса, и порождающий неуверенность респондента в своих суждениях. В этой ситуации респондент не склонен проявлять активность при отстаивании своего мнения, что усиливает действие эффекта интервьюера и ведет к ситуативной лжи и, в конечном итоге, к получению неискренней информации.

2. «Ограниченная канальная способность» [10, р. 226], характерная для телефона как средства коммуникации. Это значит, что с его помощью передается меньший объем информации, чем при личном контакте. Подобная ограниченность поступающей информации также способствует тому, что респондент выражает меньшую уверенность в своих суждениях.

3. Заметная «аффективная дистанция» между участниками телефонного интервью, возникающая в связи с отсутствием прямого визуального контакта [2, с. 134].

4. Высокий темп взаимодействия при отсутствии у респондента средств его регулирования. Вследствие этого телефонное интервью может восприниматься им как механический процесс.

Таким образом, телефонное интервью в силу особенностей контакта ставит респондента в непривычное положение. В силу этого влияние факторов опросной ситуации на процесс формирования ответа может оказаться более сильным, чем в случае взаимодействия «лицом к лицу».

Обычно исследователи сосредоточивают внимание на анализе эффекта интервьюера в исследованиях, посвященных изучению мнений и установок людей, а не их поведения. Считается, что он чаще всего появляется в следующих ситуациях: 1) когда опрашиваемый не имеет четкого представления и сформированного мнения по вопросу; 2) в случае, если опрос проводится по сенситивной проблеме или тема опроса так или иначе затрагивает характеристики интервьюера (например, изучаются расовые установки, а опрос осуществляют интервьюеры с разным цветом кожи).

Данные, приводимые Р. Гроувзом и Л. Магилави, свидетельствуют о большем проявлении эффекта интервьюера в установочных, а не фактических вопросах [12, р. 259]. Однако в последние годы в западной социологии растет интерес к изучению воздействия особенностей интервьюера на «поведенческие переменные»: употребление наркотических веществ, домашнее насилие, сексуальное поведение. Исследования приводят к выводу, что характеристики интервьюера могут повлиять на самоотчеты о случаях социально неодобряемого поведения [5, р. 78].

В западной литературе широко известен подход, в рамках которого рассматриваются две модели эффекта интервьюера: модель социальной атрибуции и модель социальной дистанции.

Модель социальной атрибуции принято рассматривать в двух вариантах. В рамках модели безусловной социальной атрибуции предполагается прямое воздействие характеристик интервьюера на формирование ответов респондента. Модель безусловной социальной атрибуции напрямую связывает эффект

редактирования респондентом своих мнений с характеристиками интервьюера. Считается, что характеристики интервьюера сами по себе достаточны для оказания влияния на вербальное поведение респондента.

Эта модель базируется на предположении, что респонденты оценивают интервьюера (составляют о нем мнение) и делают выводы относительно норм, значений и убеждений на основе этих наблюдаемых характеристик. Опрашиваемые могут соединять эти оценки интервьюера с общими культурными стереотипами для того, чтобы сформулировать (или отредактировать) свои ответы, ориентируясь на выявление одобрения со стороны интервьюера через соответствие его ожиданиям. К примеру, в рамках этой модели можно было бы прогнозировать, что при опросе респондентов об использовании нелегальных наркотиков, вероятно, было бы меньше сообщений о подобного рода фактах всем интервьюерам с однозначно наблюдаемыми характеристиками, которые позволяют делать вывод об их негативном отношении к подобному поведению [3, с. 79].

Модель социальной атрибуции предполагает, что респонденты с готовностью используют всю информацию относительно интервьюеров, чтобы сформировать мнение о них и подкорректировать свои ответы. Доказательством служат, например, данные о том, что респонденты чаще сообщают о фактах совершенного над ними насилия женщинам, нежели мужчинам, чаще людям более старшего возраста, чем более молодым интервьюерам [7, р. 867]. Иными словами, респонденты начинают «подыгрывать» опрашивающим и соответствовать ожиданиям последних либо общепринятым нормам. Причем респонденты зачастую основываются на минимальной информации об интервьюере, доступной им в процессе опроса. В большинстве случаев единственная реально доступная информация относительно интервьюеров — социально-демографические характеристики последних: возраст, расовая/этническая принадлежность, пол и т. п. Следовательно, эти характеристики служат в качестве своеобразных знаков, которые используются опрашиваемыми как руководство при их взаимодействии с интервьюерами в процессе опроса. То есть респонденты, анализируя наблюдаемые характеристики интервьюера, делают вывод относительно «терпимого», допустимого, с их точки зрения, поведения и корректируют свои ответы.

Подобная модель эффекта интервьюера наиболее очевидна, поскольку связана с наблюдаемыми характеристиками интервьюера. Опрашиваемые модифицируют либо вообще пропускают ответ на вопрос, если это, по их мнению, обидит интервьюера (они могут чувствовать, что их ответ каким-то образом может быть связан с характеристиками интервьюера). Поэтому респонденты изменяют свои ответы, чтобы избежать дискомфорта и таким образом защищают себя, «управляя» впечатлением, производимым на интервьюера.

Модель условной социальной атрибуции также рассматривает влияние восприятия респондентом характеристик интервьюера на характер сообщений. Однако, в отличие от модели социального приписывания, эта модель позиционирует суждения респондента относительно интервьюера как величину, изменяющуюся в соответствии с характеристиками отвечающего. Иными словами, модель условной социальной атрибуции трактует ответ как функцию (или же

как взаимодействие) характеристик и респондента, и интервьюера [3, с. 82—84]. К примеру, в рамках этой модели можно прогнозировать, что воздействие пола интервьюера различается в разных этнических группах респондентов: от респондентов-испанцев интервьюеры-женщины получают больше сообщений об употреблении наркотиков, нежели интервьюеры-мужчины; от респондентов черной расы женщины, напротив, получают более низкий процент признаний, чем мужчины [16, р. 38].

Модель социальной дистанции основана на предположении, что респонденты не просто оценивают характеристики интервьюера и ориентируются на его ожидания, но и одновременно «рассматривают» социальное расстояние между собой и интервьюером. Иными словами, в рамках этой модели рассматривается влияние совпадения либо несовпадения социальных характеристик респондента и интервьюера на вербальное поведение опрашиваемых (причем чаще всего в западной литературе анализируется дистанцированность «коммуникационной пары» по полу, возрасту, расовой/этнической принадлежности и образовательному уровню) (см.: [1, с. 39]). В связи с этим встают две проблемы — слишком большой социальной дистанции и слишком маленькой социальной дистанции.

На первую из них обратили внимание Д. Катц (1942) и позднее Г. Хаймен (1951) (см.: [1, с. 39]). Во многих современных исследованиях зафиксированы смещения в ответах респондентов, вызванные различиями в статусах интервьюера и респондента [8, р. 411].

В условиях малой социальной дистанции (совпадения статусов) можно было бы ожидать более полного самораскрытия респондента и отсутствия искажений в ответах, поскольку социальное расстояние между ним и интервьюером минимизировано. Это распространенное убеждение о позитивном влиянии демографического подобия все же весьма спорно.

Так, исследователи отмечают, что некоторые слишком «навязчивые» интервьюеры склонны изменять мнения респондентов в нужном направлении [8, р. 415]. Минимальная социальная дистанция может привести к смещениям в ответах [3, с. 85].

При этом восприятие интервьюером социальной дистанции также может оказать существенное влияние на получаемые данные. Например, интервьюеры молодого возраста могут воспринимать и интерпретировать ответы более старших респондентов, основываясь на стереотипах относительно когнитивных особенностей и коммуникативных навыков людей старшего поколения [5, р. 93].

Таким образом, при экстремальных значениях социального расстояния (минимум и максимум) повышается вероятность искажающего воздействия эффекта интервьюера на ответы респондента, а потому всегда следует находить оптимальное соотношение.

Следует принимать во внимание, что объективное сходство/различие социальных характеристик лишь приблизительно соответствует истинной, субъективной социальной дистанции, ощущаемой респондентом и интервьюером в процессе опросного взаимодействия. Объективные характеристики, однако, могут использоваться в качестве мер социальной дистанции в телефонном

опросе. Так, Т. Джонсоном с соавторами для анализа влияния социальной дистанции на сообщения об употреблении наркотиков был сформирован индекс социальной дистанции для каждой коммуникативной диады. Он рассчитывался как число совпадающих социально-демографических характеристик интервьюера и респондента [5, p. 83].

Респонденты постоянно оценивают того, кто с ними беседует, основываясь на вербальных сигналах, которые снабжают, помимо прочего, информацией о возрасте интервьюера, уровне его образования, расовой/этнической принадлежности. Этих вербальных сигналов вполне достаточно, чтобы оказать влияние на поведение респондента в соответствии с описанными выше моделями.

Имеющиеся данные позволяют сделать вывод о том, что для интервьюирования по телефону характерны и процессы социальной атрибуции [9, 11], и паттерны, согласующиеся с моделью социальной дистанции [13, 5]. Например, в исследовании, посвященном употреблению наркотиков, проведенном методом телефонного интервью со случайным набором номеров, была обнаружена связь между социальной дистанцией и сообщениями респондентов об употреблении наркотиков. Респонденты были более склонны сообщать об имевших место случаях употребления наркотиков интервьюерам, принадлежащим к той же возрастной группе. Таким образом, можно предположить, что большая социальная дистанция снижает вероятность искренних ответов на вопросы, касающиеся социально неодобряемых форм поведения, по сравнению с ситуациями, характеризующимися высоким сходством социально-демографических характеристик интервьюера и респондента (т. е. низкой социальной дистанцией) [5, p. 92].

Таким образом, отсутствие визуального компонента опросного общения в ситуации телефонного интервью не снижает, как принято считать, влияния характеристик интервьюера на ответы респондентов. Подобное влияние может быть более адекватно описано с использованием модели социальной дистанции.

Коммуникативная ситуация телефонного интервью характеризуется тем, что респонденту недоступна визуальная информация о социально-демографических характеристиках собеседника. Это, однако, не снижает, вопреки ожиданиям, действия описываемых нами проявлений эффекта интервьюера.

Например, Т. Джонсон с соавторами приводит данные, которые свидетельствуют, что 97 % респондентов, опрошенных методом телефонного интервью, верно идентифицировали пол интервьюеров, и несколько меньше — 72,1 % — смогли определить их расовую принадлежность [5, p. 80]. Таким образом, вербальные «подсказки» позволяют респонденту в большинстве случаев распознать, как минимум, гендерную и этническую принадлежность собеседника.

Методическая характеристика исследования

Для выявления форм и масштабов эффекта интервьюера в телефонном интервью в марте — апреле 2006 г. нами было проведено специальное методическое исследование. В качестве интервьюеров в нем приняли участие 16 человек — 8 мужчин и 8 женщин. По возрасту они представляли две равные по

численности группы: от 18 до 29 лет и от 40 до 51 года. Опыт интервьюирования имели 9 человек, остальные участвовали в исследовании впервые.

Опрос проводился среди взрослого населения г. Иванова. Выборка строилась как двухступенчатая. На первой ступени из электронной базы данных квартирных телефонов жителей Иванова с помощью специальной компьютерной программы случайным образом были выбраны телефонные номера. На второй ступени отбор респондента в семье осуществлялся на основе двухвопросной методики Л. Киша [14]. Объем выборочной совокупности составил 320 человек. Каждый интервьюер опросил по 20 респондентов. Соотношение мужчин и женщин в выборке в целом отражало гендерную структуру взрослого населения Иванова и составляло 41,4 % : 58,6 %.

Опросный лист содержал 47 вопросов, сгруппированных в 3 основных блока. Первый блок состоял из 22 вопросов, включающих как вопросы по чувствительной проблематике, так и относительно нейтральные, посвященные выяснению гендерных установок и политической активности.

Второй блок содержал 15 вопросов шкалы лжи из вопросника ММРП. Данные вопросы были включены с целью проверки на состоятельность модели социальной желательности, поскольку предполагалось, что эффект интервьюера будет ярче выражен среди респондентов, склонных давать социально желательные ответы.

Третий блок анкеты состоял из социально-демографических вопросов, которые фиксировали пол, возраст и уровень образования респондентов.

Поскольку эффект интервьюера проявляется прежде всего в ответных смещениях, вызываемых объективными и субъективными характеристиками опрашиваемых, то в качестве его эмпирических индикаторов мы рассматривали процентные расхождения в реакциях респондентов на вопросы интервью, полученных разными интервьюерами. Статистическая значимость различий оценивалась на основе критерия F^* — углового преобразования Фишера. Сравнение средних значений количественных переменных осуществлялось с использованием процедур t -оценивания.

Полученные в исследовании данные были обработаны в программно-аналитическом комплексе SPSS.

Влияние пола интервьюера на вербальное поведение респондентов

Выражение гендерных установок. Нами были выявлены статистически значимые различия в ответах на вопросы этого блока интервьюерам-мужчинам и интервьюерам-женщинам. Так, женщины-респонденты чаще отвечали, что мужской труд оплачивается выше женского, беседуя с женщиной, чем с мужчиной (табл. 1).

Мужчины, отвечавшие представителю своей гендерной группы, были более склонны признавать существование карьерной дискриминации женщин, чем те, кто беседовал с интервьюером-женщиной (табл. 2).

Таким образом, несмотря на то, что различия были зафиксированы в ответах лишь на два из семи вопросов этой группы, можно сделать вывод, что пол интервьюера влияет на выражение респондентами гендерных установок:

гендерная гомогенность коммуникативной диады позволяет респондентам легче признавать наличие дискриминирующих установок.

Таблица 1

Распределение ответов женщин на вопрос «Как Вы считаете, чья работа в современной России оплачивается выше, мужчины или женщины, при условии, что у них одинаковый уровень образования и опыт работы?», %

Коммуникативные диады	Мужчины	Женщины	Одинаково	Затруднились ответить
Женщина отвечает мужчине	61,4*	6,8	12,5	19,3
Женщина отвечает женщине	76,0*	5,2	7,3	11,5

* $\varphi^* = 2,14; p < 0,05$.

Таблица 2

Распределение ответов мужчин на вопрос «Вы согласны или не согласны с утверждением, что в наши дни существует дискриминация женщин в получении работы и продвижении по службе?», %

Коммуникативные диады	Согласны	Не согласны	Затруднились ответить
Мужчина отвечает мужчине	54,4*	27,3	18,3
Мужчина отвечает женщине	35,9*	29,7	34,4

* $\varphi^* = 2,13; p < 0,05$.

Признание в социально неодобряемом поведении. Анализ ответов на вопросы этого блока также позволил выявить влияние пола интервьюера на вербальное поведение респондентов. Так, никто из женщин, опрошенных мужчинами, не признался в факте употребления наркотических веществ. Интервьюерам-женщинам утвердительно ответили на этот вопрос около 8 % участниц опроса (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов женщин на вопрос «Приходилось ли Вам когда-либо употреблять наркотики?», %

Коммуникативные диады	Да	Нет	Отказ от ответа
Женщина отвечает мужчине	0,0	94,3	5,7
Женщина отвечает женщине	7,8	89,1	3,1

Доли женщин, ответивших утвердительно на вопрос о том, стоит ли в России легализовать проституцию, также значительно различаются в гендерно гомогенных и гендерно гетерогенных коммуникативных диадах (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов женщин на вопрос
«Как Вы считаете, стоит ли в России легализовать проституцию?», %**

Коммуникативные диады	Да	Нет	Затруднились ответить	Отказ от ответа
Женщина отвечает мужчине	20,5*	69,3	6,8	3,4
Женщина отвечает женщине	4,2*	85,4	9,4	1,0

* $\varphi^* = 3,57$; $p < 0,01$.

Мужчины, отвечающие на вопрос о краже, были более искренними в беседе с представителями своего пола. Интервьюеру-мужчине признались в этом 52 % респондентов, интервьюеру-женщине — 31 % (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов мужчин на вопрос
«Случалось ли Вам хоть раз в жизни что-нибудь украсть?», %**

Коммуникативная диада	Да	Нет	Затруднились ответить	Отказ от ответа
Мужчина отвечает мужчине	52,3*	33,8	7,7	6,2
Мужчина отвечает женщине	31,3*	64,1	4,6	0,0

* $\varphi^* = 2,66$; $p < 0,01$.

Аналогичная тенденция прослеживается в ответах на вопрос «Бывали ли случаи, что после употребления алкоголя Вы не могли вспомнить то, что с Вами происходило?». В гомогенных интервью в факте чрезмерного употребления алкоголя признались 39 % мужчин, в гетерогенных — всего 19 % (табл. 6).

Таблица 6

**Распределение ответов мужчин на вопрос
«Бывали ли случаи, что после употребления алкоголя
Вы не могли вспомнить то, что с Вами происходило?», %**

Коммуникативные диады	Да	Нет	Затруднились ответить	Отказ от ответа
Мужчина отвечает мужчине	38,5*	56,9	4,6	0,0
Мужчина отвечает женщине	18,8*	62,5	17,2	1,5

* $\varphi^* = 2,73$; $p < 0,01$.

Большинство мужчин, опрошенных интервьюером-мужчиной (88 %), и только половина мужчин, опрошенных женщиной, признались в том, что в жизни им приходилось лгать. Доля женщин, признавшихся в этом интервьюеру мужского пола, также выше доли таких женщин, отвечавших интервьюеру женского пола (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Приходилось ли Вам когда-нибудь лгать?», %**

Коммуникативные диады	Да	Нет	Затруднились ответить	Отказ от ответа
Мужчина отвечает мужчине	87,9*	6,1	4,5	1,5
Мужчина отвечает женщине	50,0*	35,9	14,1	0,0
Женщина отвечает мужчине	69,3**	28,5	1,1	1,1
Женщина отвечает женщине	44,8**	39,5	11,5	4,2

* $\phi^* = 5,32$; $p < 0,01$; ** $\phi^* = 3,39$; $p < 0,01$.

Таким образом, анализ ответов на вопросы о социально неодобряемом поведении также выявил влияние пола интервьюера на вербальное поведение респондентов. Причем интервьюеры-мужчины получили больше признаний в таком поведении как от женщин, так и от мужчин.

Восприятие респондентами ситуации интервью

Для оценки восприятия респондентами гендерных параметров ситуации интервью использовались несколько показателей. Вопрос «Если бы те же вопросы Вам задавались женщиной/мужчиной, то Вы бы отвечали на вопросы анкеты более искренне, менее искренне или так же?» не продемонстрировал значимых различий в ответах интервьюерам-мужчинам и интервьюерам-женщинам. Большинство респондентов, независимо от пола опрашивающего их интервьюера, сказали, что отвечали бы на вопросы так же (табл. 8).

Таблица 8

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Если бы те же вопросы Вам задавались женщиной (мужчиной),
то Вы бы отвечали на вопросы анкеты...?», %**

Коммуникативные диады	... менее искреннее	... так же искренне	Затруднились ответить
Мужчина отвечает мужчине	18,5	81,5	0,0
Мужчина отвечает женщине	15,6	79,7	4,7
Женщина отвечает мужчине	8,0	92,0	0,0
Женщина отвечает женщине	9,4	86,5	4,1

Однако у мужчин, отвечавших женщинам, чаще возникали трудности в понимании вопросов, чем у мужчин, отвечавших мужчинам (табл. 9).

Таблица 9

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Все ли вопросы, заданные интервьюером, были Вам понятны?», %**

Коммуникативная диада	Все вопросы были понятны	Некоторые вопросы вызывали затруднения
Мужчина отвечает мужчине	80,0	20,0*
Мужчина отвечает женщине	68,8	33,2*
Женщина отвечает мужчине	86,2	13,8
Женщина отвечает женщине	82,3	17,7

* $\varphi^* = 1,71$; $p < 0,05$.

Женщины в целом чаще, чем мужчины, испытывали чувство неловкости и смущения, отвечая на те или иные вопросы анкеты. Необходимо отметить, что мужчины по этому показателю оказались более успешными интервьюерами: респонденты, независимо от гендерной принадлежности, реже испытывали неловкость и смущение, отвечая мужчинам, чем женщинам (табл. 10).

Таблица 10

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Вызывали ли какие-либо вопросы анкеты чувство неловкости, смущения?», %**

Коммуникативные диады	Да	Нет
Мужчина отвечает мужчине	29,2*	70,8
Мужчина отвечает женщине	48,4*	51,6
Женщина отвечает мужчине	46,0**	54,0
Женщина отвечает женщине	63,5**	36,5

* $\varphi^* = 2,25$; $p < 0,05$; ** $\varphi^* = 2,38$; $p < 0,01$.

В завершение интервью респондентам предлагалось сказать, понравилось ли им отвечать на вопросы анкеты. Большинство респондентов и мужского, и женского пола, которым понравилось участвовать в исследовании, были опрошены мужчинами (табл. 11).

Подводя итог, нужно отметить следующее. Проведенный нами анализ продемонстрировал, что более коммуникативно успешными интервьюерами оказались мужчины. Об этом свидетельствует тот факт, что все респонденты, независимо от их гендерной принадлежности, более комфортно чувствовали себя в беседе с интервьюерами мужского пола: они реже испытывали затруд-

нения, отвечая на вопросы анкеты, реже чувствовали смущение при обсуждении деликатных тем. Более того, большинство тех респондентов, которым понравилось участвовать в интервью, были опрошены именно мужчинами.

Таблица 11

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Вам понравилось отвечать на вопросы анкеты?», %**

Коммуникативные диады	Да	Нет	Безразлично	Затруднились ответить
Мужчина отвечает мужчине	66,2*	16,9	16,9	0,0
Мужчина отвечает женщине	33,1*	29,7	34,4	4,6
Женщина отвечает мужчине	71,3**	11,5	10,3	6,9
Женщина отвечает женщине	54,2**	27,1	11,5	7,2

* $\phi^* = 4,06$; $p < 0,01$; ** $\phi^* = 2,41$; $p < 0,01$.

Время, затраченное на беседу, у интервьюеров мужского пола и интервьюеров женского пола варьирует в небольших пределах. В частности, средняя продолжительность беседы у женщин (8,21 мин) немного больше, чем у мужчин (7,53 мин). Что касается количества отказов респондентов от участия в исследовании, то у интервьюеров мужского пола оно немного выше, чем у интервьюеров-женщин. Мужчины в среднем получили по 8,4 отказа, женщины — по 7,5. При этом значимых различий не наблюдается.

Результаты нашего эксперимента показали, что интервьюеры мужского пола были несколько оптимистичнее в высказывании ожиданий относительно длительности будущих интервью, нежели интервьюеры женского пола. Средняя ожидаемая длительность интервью у интервьюеров-женщин составила 10,38 мин, у интервьюеров-мужчин — 9 мин. Высказываясь относительно предполагаемого уровня отказов респондентов от участия в опросе, интервьюеры-женщины были более оптимистичны, чем мужчины (среднее ожидаемое количество отказов — 7,63 и 9,1 соответственно).

Статистически значимые различия были обнаружены нами в предположениях интервьюеров относительно уровня искренности будущих респондентов. Практически все интервьюеры-женщины (7 из 8), принимавшие участие в нашем эксперименте, посчитали, что респонденты будут в основном искренне отвечать на задаваемые им вопросы. Среди интервьюеров мужского пола мнения разделились поровну: четверо опрашиваемых оптимистично оценивали возможный уровень искренности респондентов, остальные высказали сомнения в этом вопросе ($V = 0,405$; $p < 0,05$).

Выводы и рекомендации

Таким образом, пол интервьюера оказывает достаточно заметное влияние на поведение респондентов в ситуации телефонного интервью. Однако это влияние проявляется главным образом в вербальных реакциях отвечающих, поскольку в результате анализа распределений ответов респондентов, проин-

тервьюированных мужчинами и женщинами, нами были зафиксированы статистически значимые различия. В поведенческих же реакциях респондентов, выраженных в различной длительности интервью и количестве отказов от участия в опросе, таких различий выявлено не было. Более того, нами было зафиксировано, что в гендерно гетерогенных интервью эффект пола интервьюера более заметен, чем в гендерно гомогенных, что подтверждает гипотезу о влиянии социальной дистанции на поведение отвечающих. Респонденты, рассматривая социальное расстояние между собой и интервьюером, редактировали свои ответы на вопросы интервью. При этом совпадение гендерных характеристик интервьюера и респондента приводило к более искренним ответам опрашиваемых: респонденты чаще признавались в социально неодобряемом поведении, реже давали уклончивые и неопределенные ответы.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что эффект интервьюера проявляется в большей степени в ответах на вопросы по нейтральной проблематике, а также на деликатные, но не слишком острые вопросы. Статистически значимые различия в вербальных реакциях респондентов, опрошенных мужчинами и женщинами, встречаются в ответах на вопросы, посвященные выяснению гендерных установок, на поведенческие вопросы, касающиеся употребления наркотиков, алкоголя, легализации проституции, признания фактов кражи, лжи.

Отсутствие значимых различий и выраженного эффекта интервьюера в ответах на очень чувствительные вопросы (о гомосексуальных контактах, попытках самоубийства, изнасиловании и т. д.) можно, вероятно, объяснить невысокой степенью распространенности этих поведенческих образцов, а потому низкими частотами, не позволяющими зафиксировать стабильные эффекты.

В нашем эксперименте более успешными полевыми сотрудниками оказались интервьюеры-мужчины. В беседе с ними респонденты, независимо от гендерной принадлежности, были более искренними.

Таким образом, можно рекомендовать привлекать к проведению опросов по телефону интервьюеров мужского пола, а также посредством квотных заданий обеспечивать гендерную гомогенность интервью. Это будет способствовать получению более искренних самоотчетов респондентов, а также уменьшит количество уклончивых и неопределенных ответов.

Библиографический список

1. Журавлева И. В., Журавлева С. Л. Эффект интервьюера в телефонных опросах: анализ зарубежных подходов // Социокультурные проблемы истории и современного развития российской провинции : межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2003. Вып. 2. С. 36—42.
2. Мягков А. Ю. Влияние метода сбора данных на вербальное поведение респондентов // Социол. журн. 1999. № 1/2. С. 33—142.
3. Мягков А. Ю., Журавлева И. В. Эффект интервьюера в персональном интервью : методология анализа и методы оценки / Иван. гос. энерг. ун-т. Иваново, 2006. 264 с.
4. Погосян Г. А. Интервьюер // Рос. социол. энцикл. / под ред. Г. В. Осипова. М. : НОРМА-ИНФРА, 1999. С. 165—166.

5. An Evaluation of the Effects of Interviewer Characteristics in an RDD Telephone Survey of Drug Use / T. P. Johnson, M. Fendrich, C. Shaligram, A. Garcy, S. Gillespy // J. of Drug Issues. 2000. Vol. 30. № 1. P. 77—102.
6. *Atkin Ch., Chaffee St.* Instrumental Response Strategies in Interviews // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. № 1. P. 69—79.
7. *Dailey R., Claus R.* The Relationship between Interviewer Characteristics and Physical and Sexual Abuse Disclosures among Substance Users: a Multilevel Analysis // J. of Drug Issues. 2001. Vol. 31. № 4. P. 867—889.
8. *Dohrenwend B., Colombotos J., Dohrenwend B.* Social Distance and Interviewer Effects // Public Opinion Quarterly. 1968. Vol. 32. № 3. P. 410—422.
9. *Finkel S. E., Guerbock T. M., Borg M. J.* Race-of-Interviewer Effects in a Preelection Poll : Virginia, 1989 // Ibid. 1991. Vol. 55. № 3. P. 313—330.
10. *Groves R. M.* Theories and Methods of Telephone Surveys // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. № 2. P. 221—240.
11. *Groves R. M., Fultz N. H.* Gender Effect among Telephone Interviewers in a Survey of Economic Attitudes // Sociological Methods and Research. 1985. Vol. 14. № 1. P. 31—52.
12. *Groves R. M., Magilavy L. J.* Measuring and Explaining Interviewer Effects in Centralized Telephone Surveys // Public Opinion Quarterly. 1986. Vol. 50. № 2. P. 251—266.
13. *Hutchinson K. L., Wegge D. G.* The Effects of Interviewer Gender upon Response in Telephone Survey Research // J. of Social Behavior and Personality. 1991. Vol. 6. № 5. P. 573—584.
14. *Kish L.* A Procedure for Objective Respondent Selection within Household // J. of the American Statistical Association. 1949. Vol. 44. № 256. P. 380—387.
15. *Singer E., Kohnke-Aguirre L.* Interviewer Expectation Effects: a Replication and Extension // Public Opinion Quarterly. 1979. Vol. 43. № 2. P. 245—260.
16. The Impact of Interviewer Characteristics on Drug Use Reporting by Male Juvenile Arrestees / M. Fendrich, T. Johnson, Ch. Shaligram, J. S. Wilsar // J. of Drug Issues. 1999. Vol. 29. № 1. P. 37—59.

ББК 60.5

И. Н. Терентьева

**«ХОЗЯЙКА» ПОСЛАНИЯ:
ОПЫТ КОММУНИКАТИВИСТСКОГО ПРОЧТЕНИЯ
КАЛЕНДАРНЫХ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА**

В названии статьи сформулирован наш главный тезис: «хозяйка» послания — это женщина в процессе коммуникации. Предположения, из которых мы исходим, таковы: 1) социальные статусы и роли не определяют однозначно коммуникативные статусы и роли; 2) следует различать ситуативные и сущно-

стные роли в процессе коммуникации; 3) «хозяйские» функции женщины распространяются не только на различные элементы коммуникации, но и на сам ее процесс; 4) для того чтобы выделить специфическую роль женщины в процессе коммуникации, можно использовать в качестве модели социальной действительности художественные произведения.

Предметом нашего рассмотрения выступает коммуникативная роль женских персонажей в рассказах А. П. Чехова «На святках» (1899) и «Студент» (1894), входящих в календарный цикл [8]. Нам представляется, что в сюжете этих рассказов хорошо видно, как социальная коммуникация разворачивается на трех уровнях и не сводится к межличностному общению даже в рамках повседневных, бытовых взаимоотношений персонажей. Многомерность художественного произведения позволяет точнее воспроизвести многомерность пространства, в котором действует человек, существует общество и разворачивается коммуникация. Использование художественных форм представления коммуникации открывает, на наш взгляд, широкие познавательные возможности.

В литературоведческих исследованиях творчества А. П. Чехова тема коммуникации занимает важное место, что подтверждает и работа А. Степанова [9]. В исследованиях по социологии коммуникации художественные образы выполняют иллюстрирующую, дидактическую роль [4]. Но познавательное значение художественных образов в исследовании коммуникации этим, как нам представляется, далеко не исчерпывается. Это значение не только иллюстрирующее, но и «моделирующее». Художественный образ — средство представления и познания социальной реальности, в том числе и в плане коммуникации. В вопросе об отношении литературного героя и действительности, соотношении литературной и социальной ролей мы придерживаемся подхода Л. Гинзбург: литературный герой это тождество, в котором сочетается и единичное, уникальное, и представление опыта жизни автора [2, с. 55—56, 219—220]. В современных исследованиях литература из предмета анализа превратилась в пространство рождения философии [1, с. 14], вместе с кинематографом она стала пространством формирования коммуникативного образа, в котором «доминируют не индивидуальные понимание и смысл и не индивидуальное переживание, а многочисленные аффективные связи, образующие пространство коллективного опыта» [1, с. 12].

Основная сюжетная линия рассказа «На святках» [11] уместается в одном предложении: неграмотная старуха-крестьянка тоскует по дочери, живущей в городе, и посылает ей письмо; дочь, получив письмо, плачет, вспоминая родную деревню. Краткий или даже подробный пересказ сюжета мало что сообщает о смысле авторского повествования и скорее подтверждает «непередаваемость» смысла в формальном изложении событий.

Рассказ давно привлек внимание литературоведов: в связи с природой комического у Чехова в продолжение темы рассказа «Ванька» его анализирует В. Катаев [3, с. 54—55]; соединение в нем анекдотической ситуации «разговора глухих» и притчи о «чуде» коммуникации отмечает В. Тюпа [10, с. 26—30]; подробно анализирует речевые жанры и действия персонажей рассказа А. Степанов [9, с. 321—334]. Но нам представляется, что этот короткий рассказ, кото-

рый И. А. Бунин причислял к лучшим произведениям А. П. Чехова [12, с. 451], не исчерпал своих возможностей как средства познания социальной коммуникации и характера гендерных различий в ней.

Социальные статусы и роли персонажей рассказа отражают оппозиции социального мира России конца XIX века: деревня и город, швейцар и генерал, жена и муж. В какой бы роли ни выступала женщина, ее социальное положение ниже, чем у мужчины, оно зависимо и подчинено ему. Социальные статусы представлены в рассказе как в абсолютном, объективном выражении (генерал и лакей, горожанка и поселанка), так и в субъективном, относительном (писарь, отставной солдат, гордится, что вырос в трактире).

Сюжет рассказа выстроен вокруг истории сообщения, истории письма матери-крестьянки к уехавшей в город дочери. Письмо в город становится событием для матери: это предмет мучительных раздумий (долго думает о дочери — жива ли? — и внучатах), предмет торга и покупки (справляется о писаре и цене письма, как справлялась бы о цене на любой другой необходимый товар). Письмо для стариков-крестьян — самостоятельное и длительное предприятие (поход к писарю, переговоры, ожидание, поход на станцию, чтобы отправить письмо).

История этого письма может быть историей об ошибках коммуникации, и в таком плане она уже привлекала внимание исследователей. То, что хотела высказать мать (тоска, нужда, одиночество), не нашло отражения в тексте. С таким трудом отправленное письмо по форме, по воле писаря, представляет собой ритуальное приветствие и набор фраз из воинского устава. Адресат изменяется по ходу написания письма: мать хочет обратиться к дочери, писарь адресует письмо ее мужу. Письмо почти случайно попало к дочери из рук мужа, не вникающего в суть письма. Дочь, едва прочтя первые фразы «ритуального» приветствия, залилась слезами и в обращении к своим малолетним детям рассказывала уже о той деревне, которую рисовало ей воображение. Перед нами рассказ о «невероятности коммуникации» [5], но оказывается, что, в нарушение всех правил, это рассказ об осуществлении этой невероятной коммуникации.

В попытках понять «тайну» состоявшегося сообщения в сюжете рассказа следует учесть и контекстную по отношению к бытовой истории сферу коммуникации, т. е. от межличностной перейти к социальной коммуникации, сопоставить социальные и коммуникативные статусы, применить к сюжету истории «постулаты коммуникации». Постулаты о детерминизме, общей памяти, информативности, неполноте описания, семантической связности сформулированы О. и И. Ревзиными в связи с исследованием пьес Э. Ионеско. «Эксперимент» Ионеско, нарушающий коммуникацию, становится подтверждением необходимости ее условий: «Оказывается, что для нормального общения недостаточно, чтобы между отправителем и получателем был установлен контакт и они пользовались одним и тем же языком-кодом. Нужны еще некие общие взгляды относительно контекста, т. е. действительности, отображаемой в общении, относительно характера отображения этой действительности в сознании отправителя и получателя» [7, с. 233].

Итак, внешне, в формальном соответствии с сюжетом, коммуникативная роль женщины так же низка, как и социальная. Распорядителем формы послания и цены текста в рассказе выступает писарь, отставной солдат. Он формальный хозяин знака. Он придает письму доступную ему форму, поскольку крестьянка не только неграмотна, но и не может вербально выразить своих чувств к дочери. Она воспроизводит лишь стандартную ритуальную фразу приветствия. Заметим, что это стандартное приветствие традиционного, крестьянского мира. Писарь по уровню своего развития не может помочь ей и, ориентируясь на ложно понятого адресата (мужа дочери, а не саму дочь), наполняет текст цитатами из воинского устава. Он тоже во власти стандарта, но это стандарт государственной машины и этот стандарт помогает писарю придать своим скудным мыслям форму письменного текста. Оказывается, что идея и знаковая форма послания абсолютно рассогласованы, их объединяет лишь материальный носитель (вот эта бумага — письмо из деревни, «сигнал существования» [9, с. 325]).

Муж дочери — один из распорядителей каналов сообщения. Уже не раз он забывал отправить письма дочери в деревню, терял их. Но он грамотен, читает газеты, высок и статус обозначенного в рассказе его «собеседника» — генерал, хотя их реплики друг к другу осмыслены только в кратком непосредственном общении и теряют смысл вне его, забываются практически сразу же.

Дочь Ефимья, едва прочитав стандартное приветствие, плачет. Ей достаточно первых фраз приветствия и самого факта письма. То, что она рассказывает сыну, не соотносится напрямую с жизнью родителей. Это идеальный образ мира, родного для нее и обладающего своей системой ценностей и оценок: «Царица небесная, святители-угодники. Там теперь снегу навалило под крыши... деревья белые-белые. Ребятки на махоньких саночках... И дедушка лысенький на печке... и собачка желтенькая... Голубчики мои родные! <...> В деревне душевно живут, бога боятся... И церковочка в селе, мужички на клиросе поют. Унесла бы нас отсюда царица небесная, заступница-матушка!» [11, с. 184—185]. Кольцевая композиция причитаний Ефимьи сочетает бытовые детали и строй наивной духовности.

Коммуникативное пространство в рассказе оказывается разорванным вслед за социальным пространством и в соответствии с социальными оппозициями. Неграмотные крестьяне-родители — воплощенная интенция, лишённая опосредующей знаковой формы: традиционное общество (деревня) не общается с современным (город), поскольку не может преодолеть знакового барьера, оно безгласно и отчуждено. Тем не менее коммуникация осуществляется благодаря общности культурного пространства и эмоциональной близости персонажей, матери и дочери.

Культурное пространство осуществленной коммуникации обозначено в названии рассказа — «На святках», т. е. в период от Рождества до Крещения. Это периодизация времени традиционного, крестьянского, православного мира. Это время культуры, в которой живут крестьянские герои рассказа, получая повод и время относительного досуга, чтобы заняться письмом. Возможность коммуникации определяется не только этим общим для основных персонажей рассказа культурным пространством, но и душевной их близостью,

единством чувств, пусть и не находящих адекватной, по меркам современного общества, формы.

В сюжете рассказа представлено нарушение большинства постулатов нормальной коммуникации [7, с. 243]: действия осуществляются вопреки видимым причинам, письмо ничего не сообщает в строгом смысле слова, коммуникативная цепь разорвана, а слова и реакции сочетаются самым невероятным образом. Однако стержневыми оказываются постулат общей памяти и постулат неполноты описания. Во-первых, мать и дочь как представители традиционной культуры используют стандартные формы обращений и посланий, понятные в рамках их общей культуры. Во-вторых, непосредственная эмоциональная реакция дочери прерывает чтение абсурдного письма и сразу обращает ее (как и читателя рассказа) от бытовой ситуации к бытийной.

Смысл послания (письма) и смысл рассказа возникают благодаря эмоциональной нагрузке, представленной реакцией дочери. Носительница культурного кода — женщина, она и выступает в данном случае «хозяйкой» ключевого послания. Коммуникация осуществляется потому, что дочь получает известие от родителей и «восстанавливает» эмоциональную насыщенность их послания; кроме того, читатель воспринимает художественные образы рассказа и понимает, так или иначе, его смысл. Ключевым персонажем в этом понимании смысла выступает дочь, получившая письмо и «прочитавшая» его. Смысл послания возникает в самом пространстве коммуникации, организованном женщиной.

Еще короче формальный сюжет рассказа «Студент» [12]: студент Духовной академии вечером Страстной пятницы рассказывает встреченным вдовам-крестьянкам библейскую историю этого дня и рад их вниманию.

Действие рассказа разворачивается в нескольких пространствах: физическом (природном), бытовом, историческом, сакральном. Коммуникативное пространство, пространство смысла, соединяет их в одной точке действия. Физическое пространство обозначено картиной природы: в холодные весенние сумерки студент возвращается с охоты продрогший и радостно тянется к огню. Бытовое пространство в рассказе обозначено бедностью деревни, чувством голода, бытовыми действиями крестьянок, воспоминаниями о доме, куда молодому человеку не хочется возвращаться. Мрачно врывается в рассказ историческое пространство и время. В историческом времени как бы ничего не происходит: в сознании студента бедность, невежество, тоска тянутся от Рюрика до Петра и далее, вплоть до этого холодного весеннего вечера и на тысячу лет вперед. Бытовая коммуникация и соответствующее коммуникативное пространство разворачиваются как разговор у костра, где замерзший охотник греет руки. Он рассказчик, крестьянки — слушательницы, и рассказывает он то, в чем силен как студент Духовной академии, — библейский сюжет. Однако история от Тайной вечери до крестных мук Иисуса, история троекратного отречения Петра, совмещает времена библейские и бытовые, совмещает сначала на уровне чувственном: «Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр», а затем и на уровне смысловом.

Ситуативная роль женских персонажей внешне пассивна: крестьянки сначала приветствуют, затем слушают студента и потом скупно выражают свои чувства. Можно ли здесь вообще говорить о коммуникации как о процессе передачи сообщения, предполагающего ответную реакцию? Представляется, что можно, и процесс этот еще более объемнее, чем в только что рассмотренном чеховском произведении. *Что и когда* рассказывает студент? Что выступает *результатом* рассказа, этого достаточно сложного акта коммуникации?

Всем присутствующим сюжет библейской истории известен, студенту «профессионально», слушательницам — из церковной службы. На что же так эмоционально реагировали слушательницы? Студент осознает, что не на его рассказ сам по себе, а на библейские события: «Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра» [12, с. 309]. Героя рассказа по-человечески не мог не порадовать «профессиональный успех», реакцией слушательниц он мог быть доволен и в этом узком смысле. Однако эмоциональная реакция крестьянок превратила студента из рассказчика библейской истории в адресата благой вести, и это превращение произошло только вслед за слезами и смущением слушательниц, как можно предположить, не склонных к сентиментальности в своей повседневной жизни.

Студент *знал* библейский сюжет, но он *понял* его только в ответ на понимание крестьянок, вслед за ним. Не студент растолковывает крестьянкам суть происшедшего девятнадцать веков назад, а слезы крестьянок помогают студенту понять: прошлое связано с настоящим, правда и красота составляют главное в жизни, жизнь имеет смысл... По отношению к студенту крестьянки оказываются «хозяйками» послания в том смысле, что позволяют *понять* известное ему лишь формально.

Студент и крестьянки могут говорить на разных языках, одна из них вообще молчит, лишь смущается, краснеет, внутренне переживает боль, но все персонажи рассказа принадлежат к одной культуре и обладают «общей памятью». Однако и этот постулат нормальной коммуникации оказывается недостаточным для того, чтобы коммуникация осуществилась. Связующую роль выполнила эмоциональная реакция женщин! Смысл евангельского рассказа, благая весть, и последующее переосмысление себя и окружающего мира для студента возникают только *в общении* с крестьянками. Если в начале рассказа ни деревня, ни природа не вызвали у студента ничего, кроме тоски, то в финале все видится герою иначе: «...невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевало им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [12, с. 309].

Представляется, что именно в сюжете этого рассказа коммуникативная роль женских персонажей разъясняет на языке художественных образов, как «могла бы строиться система, которая превращает невозможное в возможное, невероятное в вероятное» [5, с. 44]. Коммуникация присутствует, и она успешна.

Итак, социальные и коммуникативные роли женщин в сюжетах рассмотренных рассказов не совпадают: социальная иерархия отстает перед возникающей иерархией смыслов. Формальное владение мужчинами элементами

коммуникации не делает их хозяевами самого процесса коммуникации. Женщина выполняет свою «хозяйскую» функцию благодаря владению культурным кодом и эмоциональным ключом сообщений. Женщина, владея языком (это представлено как устная речь и эмоциональная реакция) и выступая представителем «общей памяти» (а в ней — имплицитно присутствующими ценностными ориентациями), выступает «хозяйкой» «символически генерализованных посредников» коммуникации [5, с. 47].

Оба рассмотренных рассказа воспроизводят коммуникативное пространство в своем сюжете, они же формируют собственное коммуникативное пространство. Отметим, что и другие произведения А. П. Чехова не только привлекают своей яркой художественностью, но представляют немалый интерес как художественное моделирование процессов коммуникации.

Использование художественных моделей позволяет заключить: коммуникация многомерна, она объединяет пространства, в которых действует человек и разворачивается жизнь общества. В художественном моделировании удается выявить значимость культурного контекста коммуникации, причем значимость на уровне социальном, а не только межличностном. Нельзя сказать, что социум и культура находятся вне, «снаружи» какой-либо коммуникации. Они пронизывают ее насквозь.

Социальная действительность разрушается, если невозможна коммуникация. Проблематичную возможность сохранения связи реализуют женские персонажи рассмотренных рассказов. Именно женщине поручается реализовать «человеческое» предназначение связи земного и небесного, профанного и сакрального [6, с. 226]. «Хозяйская» роль женщины в коммуникации заключается в восстановлении связи, целостности, замыкании одного из кругов сообщения (вернее было бы сказать, со-общения) людей, времен, культур.

Библиографический список

1. Аронсон О. Коммуникативный образ : (Кино. Литература. Философия). М. : Новое лит. обозрение. 2007. 384 с.
2. Гинзбург Л. О литературном герое. Л. : Сов. писатель, 1979. 222 с.
3. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблема интерпретации. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. 364 с.
4. Конецкая В. П. Социология коммуникации : учеб. М. : Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. 304 с.
5. Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. Вып. 3. С. 43—55.
6. Мальковская И. А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. М. : Едиториал УРСС, 2004. 240 с.
7. Ревзина О. Г., Ревзин И. И. Семиотический эксперимент на сцене // Тр. по знаку системам. 1971. Т. 5. С. 232—253. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та ; вып. 284).
8. Собенников А. Чехов и христианство. Глава третья. Календарные рассказы А. П. Чехова. URL: http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/chehov/_sobennikov/3/

9. *Степанов А. Д.* Проблемы коммуникации у Чехова. М. : Языки славянской культуры, 2005. 396 с.
10. *Тюпа В. И.* Художественность чеховского рассказа. М. : Высш. шк., 1982. С. 26—30.
11. *Чехов А. П.* На святках // Собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1986. Т. 10. С. 181—185.
12. *Чехов А. П.* Студент // Там же. Т. 8. С. 306—309.

ГЕНДЕР И ОБРАЗОВАНИЕ

ББК 60.542.2:60.561.9

Л. В. Штылева

ГЕНДЕР И ПЕДАГОГИКА: ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ ЯЗЫКА

Ключевой проблемой освоения гендерной теории в отечественной педагогике 1990-х, так же как и в других общественных и гуманитарных науках, стало достижение научным сообществом *консенсуса по определению основных дефиниций гендерного подхода в педагогике и образовании*. С 1998 по 2008 г. в тринадцати ведущих научно-педагогических и научно-методических журналах по вопросам образования опубликовано в общей сложности около 40 статей, название которых непосредственно указывает на освоение гендерной теории в контексте вопросов педагогики и образования. В журнале «Высшее образование в России» с 2001 г. ведется специальный раздел «Высшая школа: гендерная парадигма». Среди всех статей, опубликованных в журналах за указанный период, работы, маркированные гендерной темой, составили незначительную долю (около 3 %). Если принять во внимание статьи по отдельному образованию (которое с некоторых пор тоже стало именоваться гендерным), общее количество работ, в которых так или иначе используется термин «гендер», увеличится вдвое. В результате можно сказать, что гендерная тематика в конце 1990-х — начале 2000-х гг. номинально репрезентирована педагогическому сообществу и легитимирована в педагогической периодике. Судя по всему, наиболее сложной научной дефиницией для педагогов остается понятие «гендер». Анализ статей выявил три основных варианта трактовки, которые используются авторами, демонстрируют степень понимания методологических оснований и сущности гендера как инновационной научной категории, задают направление последующим выводам и рекомендациям.

1. **Первый вариант.** Авторы цитируют растиражированное определение гендера как «социокультурного конструкта», но представляют отношения между полом и гендером как симбиотическую связь между «фундаментом» и «надстройкой», «природой» и «культурой», что в принципе является методологической ошибкой и ведет в последующем к ложным умозаключениям. Для приверженных этому варианту гендерные различия являются синонимом «социально-биологических и половых», «полоролевых» различий. Приведем типичный пример из статьи в научно-методическом журнале за 2008 г.: «Нередко под *гендерам* понимают просто проблему *социального статуса* женщины и мужчины (половых ролей). Другая точка зрения рассматривает *гендер* как

социальный пол, т. е. систему взаимоотношений между мужчиной и женщиной, созданную через социальные связи. Наиболее близкой педагогу будет следующая интерпретация данного понятия: *в дополнение к биологической основе существуют социально детерминированные представления о женщине и мужчине, которые оказывают мощнейшее влияние на культурный контекст развития мальчика и девочки, женщины и мужчины. <...> В этом контексте разным полам даются разные жизненные ориентиры»* (здесь и далее курсив в цитатах наш. — Л. Ш.) [12, с. 3—6]. В итоге под гендерным, или полоролевым, подходом в воспитании подразумевается *«создание условий в воспитательных организациях для овладения мальчиками и девочками, юношами и девушками нормами, моделями, сценариями и опытом полоролевого поведения, адекватными их возрастному статусу, психосексуальному развитию и социальным ожиданиям»* [5, с. 63].

На наш взгляд, такое толкование гендера дезориентирует читателей педагогических журналов, поскольку маскирует различия между биодетерминированным полоролевым подходом, которому имманентна диада «два пола — две роли», и социально-конструктивистской парадигмой гендерного подхода, которая опровергает традиционные представления о незыблемости этой взаимосвязи, деконструирует ее.

На самом деле теория гендера помогает педагогу понять следующее: «Девочка становится девочкой, а мальчик — мальчиком (не в физиологическом, а культурном смысле) не автоматически, а потому что их так воспитывают. Стать девочкой — значит сначала неосознанно, потом осмысленно впитать и принять *свою подчиненность, зависимость и вторичность по отношению к мужчине* и, понимая это, вести себя, одеваться, говорить и действовать как «настоящая и правильная» девочка. Стать мальчиком — значит *осознать себя в качестве первого, основного и властного субъекта»* [6, с. 261]. Главная заслуга гендерного подхода, нам кажется, в том, что он ставит под вопрос «очевидность» «женского» и «мужского», показывает, как общество (со своей историей и ценностями), социальные институты (семья, система образования, культура, религия, СМИ), соседи и сверстники активно участвуют в их формировании.

Иначе говоря, представители первого варианта соглашаются с тем, что психологический пол ребенка формируется в процессе социализации и воспитания (социально конструируется), но выхолащивают экзистенциальный и критический смысл гендерного подхода в педагогике и образовании.

2. Второй вариант. Большая группа авторов педагогических журналов отождествляют «пол» и «гендер», приписывая последнему совершенно чуждый ему биодетерминизм. Во многих статьях предлагается принимать в расчет под видом гендерных различий в образовании различия между мальчиками и девочками на генетическом, физическом, когнитивном, психологическом и других уровнях [10, с. 40—42]. В фокусе внимания, как и в конце XIX в., множественные различия между мальчиками и девочками социокультурного, психосоматического, нейрофизиологического и иного характера, которые слабо дифференцируются и объединяются новомодным термином «гендерные». Следуя этой логике, под «гендерным преподаванием» подразумевается обучение с «учетом различий (половых. — Л. Ш.) и связанных с ними особенностей (вос-

приятия, познания, усвоения и т. д.)» [там же]. В конечном итоге недифференцированные представления, какие полоспецифические различия являются гендерными, а какие обусловлены психосоматикой и физиологией пола, приводят к тому, что педагогам рекомендуют поддерживать и укреплять гендерную асимметрию средствами образования, вместо того чтобы добиваться ослабления гендерной поляризации. Например, отмечая у мальчиков *социально сформированную* эмоциональную и коммуникативную недоразвитость, которая выражается в отсутствии интереса к школьному курсу русской литературы XIX века, ориентированной на воспитание духовности и чувств, учителям советуют изменить список произведений для мальчиков, ограничиться приключенческой и детективной литературой, что означает: не решать проблему, а, напротив, усугублять ее. На наш взгляд, проблема не в «маскулинном» или «фемининном» [9, с. 84] типе восприятия литературного произведения (сколько учеников в классе, столько и вариантов восприятия!), а в способности учителя видеть и понимать дефекты духовного развития учеников, связанные с гендерными стереотипами воспитания, умением компенсировать их с помощью содержания предмета и характера педагогического общения на уроке.

Если же следовать приведенным «научным рекомендациям», то вместо воспитания гармонично развитой личности, способной понимать чувства другого человека, ориентированной на партнерские отношения с окружающими, будет углубляться гендерная асимметрия социализации, формирующая категорическое недопонимание и множественное неравенство между полами в семье и обществе.

Основной прием, который используется в большинстве современных статей о «гендерной педагогике», — гипертрофированное подчеркивание «гендерных различий» между мальчиками и девочками, которые иногда выглядят как длинное «меню». Из статьи в статью переходят сведения о том, что «в процессе эволюции мужского пола отбор шел на сообразительность, находчивость, изобретательность, а женского пола — на адаптируемость и выживаемость. Этим объясняются различия в *характерах* мальчиков и девочек. <...> ...Девочки легче справляются с алгеброй <...> а мальчики с геометрией. Мальчики превосходят девочек по пространственным способностям, а девочки мальчиков — по вербальным. <...> Девочки стремятся к сотрудничеству, у них отсутствует соревновательный дух. Мальчики стремятся установить правила, иерархию в группе» [11, с. 136—138]. Большинство подобных статей завершается предложением перейти к разделному обучению или его вариантам. Все эти рассуждения выглядят слишком стереотипно, на самом деле мир детей более сложен, подвижен и текуч. Возникает вопрос: почему всех девочек нужно непременно сравнивать со всеми мальчиками? На наш взгляд, сторонники второго подхода преувеличивают гендерные различия, не замечают множественных вариаций внутри одного гендера (между мальчиками и мальчиками и между девочками и девочками), которые зависят от статуса родителей, национальных особенностей и т. п.

Очевидно, что как простая замена в статьях по педагогике «пола» на «гендер», так и использование термина «гендерное воспитание» в качестве синонима «полоролевого воспитания» являют примеры «псевдогендерного»

подхода (по определению О. А. Ворониной), который под видом нового предлагает школьной практике устаревшие идеи и теории, противоречащие магистральному направлению гуманизации образования. Конечно, встречаются и исключения. Так, в одной из статей учительница математики И. Я. Каплунович, рассматривая различия в математическом мышлении мальчиков и девочек, не ограничивается констатацией известных фактов, а ставит их под сомнение и формулирует задачу: найти путь и технологию развития новых математических талантов и среди мальчиков, и среди девочек. Анализируя разные аспекты и факторы различий под гендерным углом зрения, автор приходит к следующим выводам:

— половые различия в математическом мышлении существуют. Они обусловлены различием его структур, которые, в свою очередь, порождены разным отношением и требованиями к мальчикам и девочкам;

— нельзя констатировать преимущество «мужского» математического мышления над «женским»: оно не лучше и не хуже, а просто другое. Поэтому в одних математических областях более успешны мужчины, а в других — женщины;

— для продуктивного формирования математического мышления девочек необходимо учитывать его особенности. Одним из педагогически эффективных путей можно считать решение задач, требующих оперирования отношениями, адекватными доминантным в мышлении подструктурам, и формирование способности не столько создавать пространственные представления, сколько оперировать ими.

Впрочем, этот путь, как показали исследования автора статьи, достаточно продуктивен при обучении математике не только девочек [2].

Статья И. Я. Каплунович убедительно демонстрирует, что миссия гендерного подхода в педагогических исследованиях состоит не в простом выявлении и подчеркивании различий, а в *разоблачении механизмов формирования фундаментально неравных условий для развития индивидов женского и мужского пола и в поиске путей преодоления гендерного неравенства*. Тот факт, что в статье предлагается «*учитывать особенности мышления девочек*» косвенным образом подтверждает: типичные методики преподавания гендерно нечувствительны, ориентированы на «средневзвешенный (гипотетический) мужской тип мышления».

К сожалению, примеров взвешенных педагогических исследований и статей на основе квалифицированного гендерного подхода в научно-педагогической периодике удалось обнаружить совсем немного, что, на наш взгляд, свидетельствует о серьезных проблемах в освоении гендерной методологии педагогической наукой и теми представителями других наук, которые пишут рекомендации для учителей и воспитателей. Среди авторов статей, написанных на основе псевдогендерного подхода, кроме специалистов в области педагогики (докторов и кандидатов педагогических наук, доцентов кафедр педагогики университетов и др.), больше половины — ведущие специалисты в области медицинских наук и психологии. Из этого следует, что на этапе становления *контекст включения гендерного подхода в российскую педагогику формируется учеными из традиционно биодетерминированных секторов отечественной*

науки, к примеру медицины, психофизиологии, психологии, в то время как на Западе ведущую роль играли феминистски ориентированные социологи и антропологи.

3. Третий вариант. Более современное понимание «гендера» и гендерного подхода в образовании предлагается в статьях социологов и философов И. Кона, И. Костиковой, А. Митрофановой, Ю. Градсковой, Е. Трофимовой, психологов И. Клециной, Л. Поповой и других. Они подчеркивают: «Гендерный подход в целом, при наличии отдельных теоретических расхождений, предполагает, что различия в поведении, мышлении и восприятии мужчин и женщин определяются не только их психофизиологическими особенностями, но и социальными факторами, такими как воспитание в духе распространения в каждой культуре представлений о мужском и женском предназначении. <...> В отличие от многих других подходов к образованию, гендерный исходит из того, что в образовательные учреждения приходят не безликие “учащиеся”, но мальчики и девочки. Дело не только в том, что представители разных полов нуждаются в дифференцированном подходе со стороны преподавателя. <...> Дело еще и в том, что, как внутри, так и вне образовательных учреждений, и школьники, и взрослые вынуждены сталкиваться со сложным миром меняющихся представлений и стереотипов, касающихся того, какое поведение, внешний вид, мышление приемлемы для представителей данного пола. Часто стереотипные представления, усвоенные от других, приходят в противоречие с личными желаниями и склонностями человека. Объяснять природу стереотипов, показать их историческую изменчивость и социальную обусловленность — таковы основные задачи гендерного образования» [7, с. 182—183]. Таким образом, вместо «раздельного образования» предлагается обратиться к «гендерному образованию» школьников. В тексте как синонимы используются понятия «гендерный подход в образовании» и «гендерное образование», что, на наш взгляд, не одно и то же. Гендерное образование, по мнению авторов, должно быть направлено к тому, чтобы помочь им справиться с проблемами гендерной социализации. Для этого оно «должно ориентироваться на конкретные трудности, с которыми сталкиваются дети: взаимоотношения мальчиков и девочек в классе, разное отношение учителей к мальчикам и девочкам, дружба, первая любовь, насилие во взаимоотношениях подростков и др. *Основной целью гендерного образования в школах должно быть преодоление тех стереотипов, которые мешают успешному развитию личности ребенка, сосредоточение внимания на том, чтобы поведение ребенка больше зависело от его личных склонностей, а не от необходимости вести себя в соответствии со своим полом* [7]. Но поскольку авторы цитируемой статьи не являются специалистами в области школьной педагогики и образования, их рекомендации носят очень общий характер.

Наиболее квалифицированная про-педагогическая интерпретация новых терминов, связанных с гендерной теорией, представлена в трудах доктора философских наук, академика РАО И. С. Кона. В журнале «Педагогика» за 2006 г. нами обнаружена одна его публикация, в которой педагогическая проблематика обсуждается под гендерным углом зрения, но автор не останавливается на определении гендера, видимо, считая, что оно уже достаточно легитимировано

в научной среде. В статье о достоинствах и недостатках отдельного и совместного обучения [3] И. С. Кон подчеркивает, что эти вопросы являются не столько психолого-педагогическими, как их усиленно представляют сторонники медико-биологического направления, сколько социально-антропологическими и являются частью более или менее сознательной системы гендерной социализации, принятой в соответствующем обществе. Таким образом, Кон акцентирует внимание педагогической науки *на постановке и осознании целей гендерной социализации* и призывает соотносить их с реалиями современного общества, которое несовместимо с жесткой гендерной стратификацией, поскольку социальные роли, профессии и т. п. становятся не «бесполыми», а все более гендерно нейтральными и сменными. Новые социальные отношения между мужчинами и женщинами, которые сегодня разворачиваются во всех сферах трудовой и общественной деятельности, по его мнению, предполагают равенство и не могут строиться по «домостроевским рецептам», как к тому призывает, например, автор статьи в «Вестнике Московского университета» директор московской школы № 343 Ж. А. Корнеева [4]. Следуя заключительному выводу ее статьи, чтобы помочь детям справиться с задачами гендерной социализации, необходимо использовать «гендерную педагогику», цель которой — «не стереотипное типовое смешанное образование, а педагогический процесс, базирующийся *на идущих из глубины народного сознания обычаях идентификации образа мужчины и женщины*, необходимых для сохранения и выживания народа» [4, с. 96]. Точка зрения И. С. Кона по этому вопросу диаметрально противоположна: «Хотя традиционные образы “мужественности” и “женственности” часто выглядят привлекательными, они односторонни и нередко дисфункциональны. <...> Социологи и психологи единодушны в том, что современное воспитание чувств должно не столько углублять гендерные стереотипы, сколько восполнять то, чего детям не хватает, причем сделать это можно лишь в живом взаимодействии разнополых детей» (т. е. в условиях совместного обучения и воспитания. — *Л. Ш.*) [3, с. 18]. При этом ученый согласен, что психологические особенности мальчиков и девочек, в чем бы они ни состояли, равно как и тенденция самих детей к гендерной сегрегации, никуда не исчезают, давая пищу новым теоретическим спорам, но *научные данные о различиях мужских и женских способностей очень неоднозначны*. «Во-первых, гендерные различия — тонкие различия, их трудно зафиксировать объективно, а разница между индивидами всегда больше, чем между полами. Во-вторых, они, как и прочие когнитивные способности, во многом являются результатом процесса научения, с изменением характера деятельности их размеры и формы проявления могут изменяться» [3, с. 19]. Очевидно, что точка зрения И. С. Кона во многом совпадает с подходом западных специалистов, для которых гендерный подход в образовании — более знакомая и приемлемая профессиональная точка зрения. В итоге задача гендерно чувствительной педагогики и образования, по мнению И. Кона, заключается в том, чтобы «понять, как уменьшить гендерную разницу» [там же]. Ученый придерживается следующей позиции: «Есть ведь, условно говоря, гендерно чувствительные предметы, где отчетливо идет перевес в сторону мальчиков или девочек, поэтому социально-психологическая нецелесообразность возвращения к отдельному обучению

в целом не исключает вариантов отдельных уроков для мальчиков по тем предметам, темам или вопросам, где влияние гендерных стереотипов особенно сильно» [там же]. Иными словами, право на педагогический эксперимент остается, если принимаются во внимание не только психофизиологические и медико-биологические вопросы обучения, но также задачи гендерной социализации, которые ставит перед школой общество, оцениваются близкие и отсроченные социальные последствия школьного образования.

По оценке И. С. Кона, сегодня в России много говорится о «гендерной педагогике», но мало понимается, а зачастую с точностью до наоборот извращается ее суть. Свою лепту внесли и отечественные психологи, у которых «нет и не может быть в этом вопросе единой точки зрения. Помимо объективной сложности предмета, значительная часть отечественной психологии остается, как и раньше, бесполой. Пол/гендер присутствует в ней не как содержательная научная категория, а лишь как некая демографическая рубрика, которую можно заполнить чем угодно. Новая, социологически ориентированная, гендерная психология по многим вопросам настолько радикально расходится с традиционными, биологически ориентированными исследованиями, что они чаще всего просто игнорируют друг друга, а некоторые учебники механически соединяют под одной обложкой совершенно несовместимые теории и взгляды» [3, с. 22]. Как ответственный ученый, озабоченный судьбой российского образования и социализации молодого поколения, И. С. Кон не дает готовых рецептов, но показывает *необходимость широкого социологического подхода к оценке ситуации и проектированию изменений*, призывает к диалогу ученых разных отраслей психологии, педагогики, социологии.

В целом детальному разъяснению большого комплекса новых понятий, составляющих базис гендерного дискурса (*патриархальный и патриархальный, маскулинный, гендер и гендерные исследования, феминизм, постмодерн и постмодернизм* и др.), в научно-педагогических журналах посвящена только одна статья — философа и филолога Е. Трофимовой («Высшее образование в России», 2001 г.; «Общественные науки и современность», 2002 г. [13]). Понятию «гендер» в тексте уделено два абзаца, из которых можно узнать, что «гендер — культурно-символическое определение пола, которое подчеркивает не природную, а социокультурную причину межполовых различий», «гендер как понятие используется для обозначения всех тех социальных и культурных норм, правил и ролей, которые приписываются людям обществом в зависимости от их биологического пола» [13, с. 180]. Очевидно, для специалистов в вопросах филологии и социологии, интересующихся гендерной проблематикой, этих определений достаточно. Кроме того, одной статьей в 10 лет, даже самой квалифицированной, вопрос методологической грамотности не решается. Но для достижения «консенсуса по вопросам терминологии, определений гендерного подхода в педагогике и т. п.», как показал анализ педагогических публикаций, этого крайне недостаточно.

Подводя черту под методологической рефлексией отражения новых подходов к вопросу пола в образовании в научно-педагогических журналах рубежа XX—XXI вв., мы констатируем:

— освоение гендерной методологии в педагогике, очевидно, испытывает те же трудности, которые типичны для отечественных гендерных исследований в целом: биологический фундаментализм, эссенциализм и редукционизм в интерпретации гендерных характеристик, а также упрощенные и формальные заимствования зарубежных концептов;

— значительная часть статей, в которых интерпретируется гендерный подход в обучении и воспитании детей, написана представителями традиционно биодетерминированных направлений отечественной науки: медицины, биологии, нейрофизиологии, возрастной и педагогической психологии. Они содержат серьезные методологические погрешности в истолковании как сущности, так и понятийного аппарата гендерного подхода. Это особенно ярко проявилось в дискурсе о преимуществах и недостатках отдельного образования, привело к ошибочному отождествлению отдельного образования с «гендерным подходом» и «гендерным образованием»;

— публикации педагогов-ученых, связанные с разработкой теории и методики гендерного подхода в педагогике, зачастую малоинформативны по существу вопроса, не отражают социального контекста и лишены социологического угла зрения, без которого немислим гендерный подход, отличаются стереотипностью и описательностью на уровне обыденного мышления;

— в статьях под грифом «гендерная педагогика» мало уделяется внимания обсуждению и разработке специфического терминологического аппарата, связанного с использованием гендерного подхода в педагогике и образовании, не обсуждаются различия между прежним (полоролевым) и новым подходом в социализации полов с точки зрения целей и социальных последствий;

— некоторые статьи, отражающие важные теоретические вопросы гендерного подхода в педагогике, значимые для самообразования педагогов-ученых и педагогов-практиков, опубликованы в специализированных научно-педагогических журналах, ориентированных на более узкие целевые категории читателей, и остаются неизвестными широкому кругу педагогов;

— сравнительный анализ статей по гендерной педагогике в научно-педагогических журналах со статьями в журналах по общественным и социальным наукам свидетельствует, что если гендерные исследования в отечественном общественном достижении достигли этапа методологической рефлексии, критики методологических искажений и некорректного использования принципов гендерного подхода, то гендерные исследования в педагогике находятся еще на начальном уровне освоения гендерной теории;

— анализ статей педагогов-практиков показал, что они ориентируются на точку зрения той части ученых-обществоведов, которая, к сожалению, «не отличается взвешенной оценкой выявленных половых различий в психологических характеристиках», поддерживает сексистские предубеждения в отношении психологических характеристик девушек и женщин. Как подчеркивает И. С. Кон, «...гендерная проблематика исторически связана с постепенным признанием культурой, а затем и наукой множественности индивидуальных различий, которые не укладываются в привычные дихотомические схемы» [1, с. 27];

— в большинстве статей по так называемой гендерной педагогике проводится идея «возвращения к прошлому», воспевается опыт народной педагогики и традиционного подхода к воспитанию девочек и мальчиков. Недостаток глубокой научной рефлексии существенных различий в целях и задачах воспитания в традиционной и современной педагогике провоцирует и поддерживает ложные направления воспитания в современной школьной практике, которые противоречат современной установке на индивидуализацию воспитательных подходов, создание возможностей для самореализации каждого ребенка, независимо от его пола [8, с. 28—29].

На наш взгляд, эти недостатки, с одной стороны, свидетельствуют о проблемах интеграции гендерной теории в педагогику и использования гендерного подхода в образовании, с другой — они выявляют состояние самой педагогики, ее способность отражать происходящие изменения и отвечать на вызовы жизни. Они показывают, что интеграция и разработка гендерного подхода в педагогике находятся в зачаточном состоянии и развиваются в недружелюбной среде гендерного алармизма [14]. Гендерный алармизм проявляется в том, что любые трансформации в области гендерных ролей и отношений рассматриваются педагогическим сообществом как угроза сохранению традиционной семьи, нормативных моделей женственности и мужественности, патриархатных устоев российского общества.

Фронтальный анализ статусов авторов статей в научно-педагогических и научно-методических журналах свидетельствует о низком уровне разделения труда в научном сообществе (исследователи, учителя, администраторы, эксперты). Такое разделение труда имеет место в рамках функционирующих экспериментальных площадок по раздельному обучению. В то же время очень многие учителя и руководители образовательных учреждений, психологи, воспитатели и методисты ДОУ, как в рамках институционализированных коллективов, так и за их пределами, самостоятельно выступают на страницах журналов, смешивая жанры теории и практики, именуются специалистами по проблеме гендерного образования. На наш взгляд, в случае с освоением и внедрением в практику сложной междисциплинарной научной теории, это не идет на пользу делу.

Библиографический список

1. Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 8—42.
2. Каплунович И. Я. О различиях в математическом мышлении мальчиков и девочек // Педагогика. 2001. № 10. С. 30—35.
3. Кон И. С. Плюсы и минусы раздельного и совместного образования // Там же. 2006. № 9. С. 16—22.
4. Корнеева Ж. А. Гендерные стереотипы в средней школе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20, Педагогическое образование. 2008. № 1. С. 93—96.
5. Мудрик А. В. Психология и воспитание. М. : Моск. психолого-социальный ин-т, 2006. 472 с.
6. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры. М. : Ин-т социологии РАН, 2000. 261 с.
7. Перспективы гендерного образования в России: взгляд педагога / И. Костикова и др. // Высшее образование в России. 2001. № 2. С. 182—189.

8. *Пушкарева Н. Л.* Критическое переосмысление проблемы преемственности поколений и необходимость гендерного образования // *Женщина в российском обществе.* 2003. № 1/2. С. 23—30.
9. *Сабиров Р.* Наука — «бесполой школе» // *Народное образование.* 2002. № 6. С. 84—90.
10. *Симонов В. П.* Учет гендерных различий в образовательном процессе // *Педагогика.* 2005. № 4. С. 40—44.
11. *Сиротюк А.* Дифференциация обучения на основе гендерного подхода // *Народное образование.* 2008. № 3. С. 136—139.
12. *Соломенникова О. А., Баранникова Н. А.* Преемственность в работе начальной школы и дошкольного учреждения. Гендерный подход // *Начальная школа.* 2008. № 2. С. 3—6.
13. *Трофимова Е. И.* Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // *Обществ. науки и современность.* 2002. № 6. С. 178—188.
14. *Штылева Л.* Институционализация гендерного подхода // *Высшее образование в России.* 2004. № 10. С. 142—146.

ББК 60.561.9:60.542.2

В. Ю. Старосотникова

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В последние годы вопросам профессионального становления студентов вуза уделяется особое внимание. Это связано с тем, что проблемы успешности социально-психологической адаптации студентов к будущей производственной деятельности, а также способы повышения уровня эффективности профессиональной подготовки специалистов становятся приоритетными направлениями стратегического развития высшей школы.

Глубокие изменения, происходящие в области труда и занятости, необходимость обеспечения конкурентоспособности организаций, возможностей быстрого и адекватного их реагирования на изменения, связанные с развитием новых технологий и ростом «нематериальных инвестиций», требуют соответствующей организации квалифицированного труда и особого внимания к профессиональной подготовке специалистов. В практическом решении этой задачи важнейшая роль принадлежит высшему профессиональному образованию как ключевому фактору бесперебойного функционирования российского общества и его перехода в режим развития.

В настоящее время решение получить высшее образование предшествует выбору профессии, т. е. абитуриент в первую очередь определяет свое будущее

социальное положение. Иначе говоря, в основе выбора конкретной специальности лежит выбор будущего социального положения, а в основе профессиональной ориентации — ориентация социальная. В дальнейшем, в ходе обучения в вузе, происходит определенное приобщение к профессии, однако темпы его невелики. Причиной выступают как особенности организации учебного процесса, так и не востребованность выпускников рынком труда. Отсюда невысокий уровень учебно-познавательной активности, прагматическое отношение к учебе. И хотя студенты вполне положительно относятся к получаемой профессии, работать по специальности планируют только некоторые.

То, что социальное и профессиональное продвижение выпускников осуществляется не всегда с получаемой в вузе специальностью, позволяет сделать вывод о том, что современное высшее образование в определенной мере является не профессиональным, специализированным, а общим, своеобразной предпосылкой для последующего профессионального самоопределения. Основная претензия работодателей к выпускникам вузов сегодня — дистанцированность полученных знаний от практики. Она проявляется в неспособности использовать знания в решении практических задач, в психологической неподготовленности к реалиям профессиональной деятельности, в отсутствии представлений о нормах поведения в профессиональной среде. В связи с этим одной из основных задач высшего профессионального образования должно стать формирование открытой, динамической системы взглядов, убеждений, ценностей и идеалов человека, определяемых конкретной профессией и определяющих направленность его профессиональной деятельности, — т. е. формирование профессионального мировоззрения.

Эффективное внедрение элементов профессионального мировоззрения в уже сформированную систему ценностей и идеалов человека невозможно без инициации адаптивных процессов, совокупность которых представляет собой профессиональную адаптацию.

Результативность и эффективность процесса профессиональной адаптации определяется выбором того или иного способа распределения человеком профессионально значимых адаптационных ресурсов, т. е. выбором стратегии профессиональной адаптации. Таким образом, комплексный анализ стратегий профессиональной адаптации студенческой молодежи является инструментом, позволяющим более точно определять причины возникновения той или иной адаптационной ситуации, обеспечивать ее корректировку и, как следствие, способствовать формированию и накоплению профессионального капитала на начальном этапе становления специалистов, а именно — в пространстве института высшей школы.

Объектом исследования являются студенты дневной формы обучения, обучающиеся в вузах, принадлежащих одному из пяти секторов высшей сферы образования, расположенных в пределах города, — гуманитарному, естественнонаучному, техническому, духовному, военному. Добавление к традиционно выделяемым секторам — гуманитарному, естественнонаучному, техническому — секторов духовного (высшие учебные заведения, деятельность которых регламентируется Русской православной церковью) и военного (вузы

Вооруженных сил России) обусловлено социологическим подходом к анализу функций сферы высшего образования.

В основе традиционного деления по секторам лежит определение объектов изучения: процессы, происходящие в социально-экономических системах; процессы, происходящие в биологических системах; процессы, происходящие в технических системах.

На наш взгляд, такой подход приемлем на уровне педагогики. В рамках социологического подхода мы предлагаем выделять секторы в сфере высшего образования в зависимости от социальных требований, предъявляемых обществом к выпускникам вузов, а именно — ожиданий осуществления определенных социально значимых функций (*Старосотникова В. Ю.* Специфические особенности секторов высшего образования // Региональное воспроизводство: взаимосвязь политэкономического и институционального аспектов : сб. науч. тр. / под ред. Б. Д. Бабаева. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2009. С. 241—249.).

Генеральная совокупность представлена студентами Ивановского государственного химико-технологического университета (ИГХТУ), Ивановского государственного энергетического университета (ИГЭУ), Ивановского государственного университета (ИвГУ), Ивановской государственной медицинской академии (ИГМА), Ивановской государственной текстильной академии (ИГТА), Ивановской государственной сельскохозяйственной академии (ИГСА), Ивановского государственного архитектурно-строительного университета (ИГАСУ), Ивановского института государственной противопожарной службы МЧС России (ИИ ГПС), Ивановской духовной семинарии. Генеральная совокупность составляет 21 421 человек, выборочная совокупность — 1327 (8,5 % от генеральной). Выделение студентов дневной формы обучения из общей студенческой массы обусловлено тем значением, которое занимает учебная деятельность в общей структуре жизнедеятельности учащихся. Для студентов дневной формы обучения учебная деятельность является основным фактором, которому подчиняются другие сферы деятельности, следовательно фактором, определяющим жизнедеятельность в целом. Для студентов других форм обучения учеба в высшем учебном заведении выступает второстепенным фактором по отношению к работе в государственной или частной сферах.

В качестве *предмета исследования* выступает связь между процессом моделирования стратегий профессиональной адаптации студентов и специфическими особенностями секторов высшего образования.

Исследовательский проект «Стратегии профессиональной адаптации студенческой молодежи» был осуществлен автором в 2006—2009 гг. Выбор респондентов определялся стохастически. В результате в исследовании приняли участие 1327 студентов, обработано 1327 анкет (см. табл. 1). Количество респондентов в каждом секторе образования по вузам с учетом гендерной сегрегации представлено в табл. 2.

Для оценки гендерных различий мы фокусировались на следующих вопросах:

- влияние гендера на выбор стратегии профессиональной адаптации;
- наличие чисто мужских и чисто женских стратегий.

Таблица 1

Описание выборки

Вуз	Общее кол-во студентов в вузе, чел.	Кол-во студентов очной формы по секторам (генеральная совокупность), чел.	Количество опрошенных, чел.			% от генерал. совокупности
			М	Ж	Всего	
ИвГУ	8000	Гуманитарный 3086	77	77	154	5
		Естественнонаучный 2134	53	53	106	5
ИГТА	6600	Гуманитарный 1811	45	45	90	5
		Технический 2038	50	51	101	5
ИГХТУ	5926	Гуманитарный 410	10	10	20	5
		Естественнонаучный 3234	81	81	162	5
ИГМА	2340	Естественнонаучный 2148	54	53	107	5
ИГСА	3641	Гуманитарный сектор 453	11	11	22	5
		Естественнонаучный 1178	29	30	59	5
ИГАСУ	5000	Технический 356	9	8	17	5
		Гуманитарный сектор 984	25	25	50	5
		Естественнонаучный 502	12	13	25	5
		Технический 2356	59	58	117	5
ИИ ГПС	1186	Военный 575	172	–	172	30
Ивановская духовная семинария	200	Духовный 156	125	–	125	80
<i>Всего</i>	32 893	21 421	812	515	1327	8,5

Таблица 2

Количество респондентов в каждом секторе образования

Сектор образования	Кол-во студентов, чел.	Кол-во респондентов, чел.			
		М	Ж	Всего	%
Гуманитарный	6744	168	168	336	5
Технический	4750	118	117	235	5
Естественнонаучный	9196	229	230	459	5
Военный	575	172	0	172	30
Духовный	156	125	0	125	80

На вопрос «Существуют ли индивидуальные черты характера у мужчин и женщин?» 52 % респондентов дали ответ «нет». Из них 48 % женщин и 52 % мужчин. Это демонстрирует понимание того, что любые личностные характеристики могут быть присущи как мужчинам, так и женщинам, т. е. являются общечеловеческими, даже если различно проявляются.

Таким образом, была выдвинута гипотеза об отсутствии чисто женских или чисто мужских стратегий профессиональной адаптации.

Для проверки гипотезы был проведен сравнительный анализ стратегий профессиональной адаптации студентов. На основании критерия эффективности были выделены высокоэффективные стратегии профессиональной адаптации (СПА), эффективные СПА, малоэффективные СПА, неэффективные СПА. Высокоэффективные стратегии позволяют достичь высокого уровня адаптированности (не менее 81 % от максимально возможного уровня адаптированности), эффективные — удовлетворительного уровня адаптированности (61—80 %), малоэффективные — среднего уровня (41—60 %) и неэффективные — низкого уровня (21—40 %). В качестве моментной абсолютной величины (АВ) был выбран интегральный уровень адаптированности студентов первого курса, в качестве интервальной АВ — интегральный уровень адаптированности студентов пятого курса. В качестве относительной величины выступает индекс динамики интегрального уровня адаптированности.

В случае если интегральный уровень понижается по сравнению с первоначальной величиной, следует говорить об отрицательной динамике и, следовательно, о неблагоприятной адаптационной ситуации. Если интегральный уровень возрастает, это является свидетельством положительной динамики и благоприятной адаптационной ситуации.

Интегральный уровень адаптированности рассчитывался как среднее арифметическое показателей адаптированности.

В качестве единичных показателей адаптированности были выбраны удовлетворенность профессией, психологический комфорт и физический (физиологический) комфорт.

Каждый из трех показателей оценивался по нескольким параметрам.

Удовлетворенность профессией — наличие / отсутствие параллельного образования; наличие / отсутствие работы по специальности / в другой сфере деятельности; уровень успеваемости; наличие / отсутствие пропусков занятий; изучение / не изучение дополнительной информации по специальности (по собственной инициативе); участие / неучастие в конференциях, конкурсах по специальности; оценка уровня собственной профессиональной компетентности; намерение работать по специальности.

Психологический комфорт — уровень самооценки; направленность отношений с сокурсниками; направленность отношений с преподавателями.

Физический (физиологический) комфорт — наличие хронических заболеваний; самочувствие; количество больничных листов в год; оценка собственного здоровья.

Уровень удовлетворенности профессией составлял на первом курсе 0,09 % у студенток гуманитарного сектора, 0,05 % у студенток технического сектора и 0,21 % у студенток естественнонаучного сектора. К пятому курсу эти цифры увеличились соответственно по секторам на 0,49, 0,45 и 0,35 % и составили в гуманитарном секторе (ГС) 0,58 %, в техническом (ТС) — 0,5 %, в естественнонаучном (ЕНС) — 0,56 % (рис. 1).

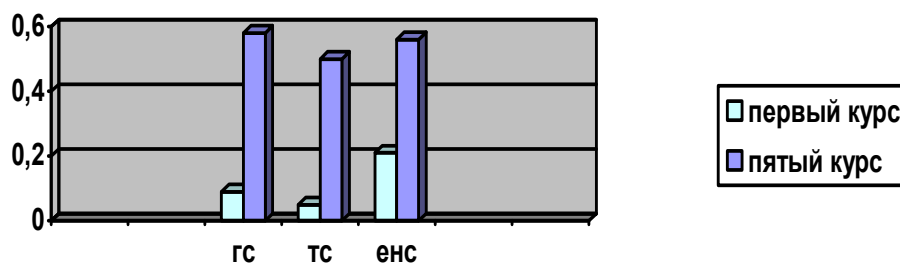

Рис. 1. Изменение величины параметра «степень удовлетворенности профессией» (женщины)

Среди мужчин на первом курсе уровень удовлетворенности профессией составлял 0,07 % у студентов гуманитарного сектора, 0,1 % у студентов технического сектора, 0,18 % у студентов естественнонаучного сектора, 0,12 % у студентов военного сектора (ВС), 0,27 % у студентов духовного сектора (ДС). К пятому курсу эти цифры увеличились соответственно по секторам на 0,46, 0,43, 0,4, 0,57 и 0,57 % и составили в гуманитарном и техническом секторах 0,53, в естественнонаучном — 0,58, в военном — 0,79, в духовном — 0,84 % (рис. 2).

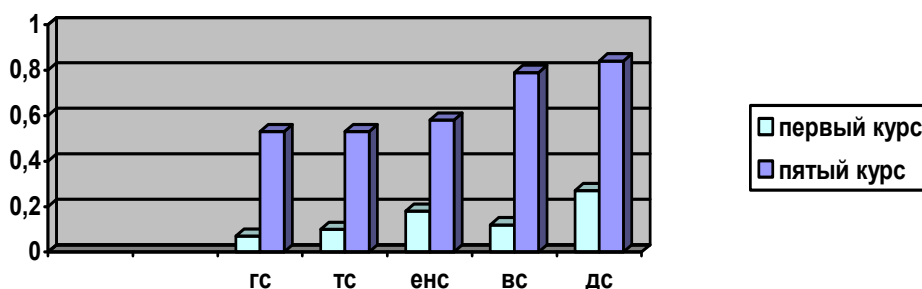

Рис. 2. Изменение величины параметра «степень удовлетворенности профессией» (мужчины)

Уровень психологического комфорта составлял на первом курсе 0,28 % у студенток гуманитарного сектора, 0,19 % у студенток технического сектора и 0,18 % у студенток естественнонаучного сектора. К пятому курсу эти цифры увеличились соответственно по секторам на 0,38, 0,42 и 0,41 % и составили в гуманитарном секторе 0,66, в техническом — 0,61, в естественнонаучном — 0,59 % (рис. 3).

Среди мужчин на первом курсе уровень психологического комфорта составлял 0,26 % у студентов гуманитарного сектора, 0,1 % у студентов технического сектора, 0,18 % у студентов естественнонаучного сектора, 0,07 % у студентов военного сектора и 0,14 % у студентов духовного сектора. К пятому курсу эти цифры увеличились соответственно по секторам на 0,25, 0,35, 0,21, 0,6 и 0,8 % и составили в гуманитарном секторе 0,51, в техническом —

Гендер и образование

0,46, в естественнонаучном — 0,39, в военном — 0,67, в духовном — 0,94 % (рис. 4).

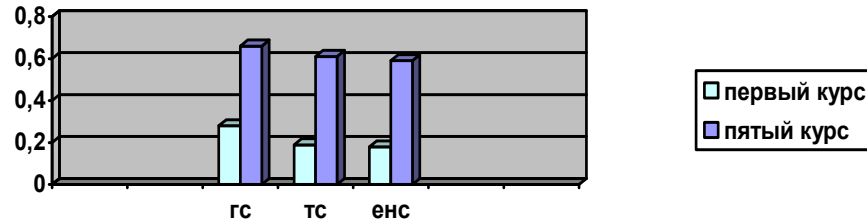

Рис. 3. Изменение величины параметра «степень психологического комфорта» (женщины)

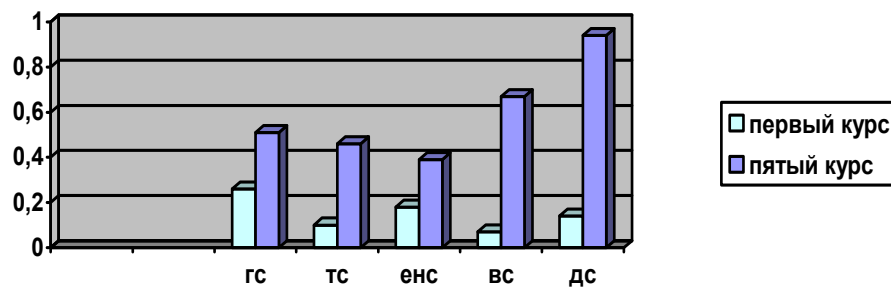

Рис. 4. Изменение величины параметра «степень психологического комфорта» (мужчины)

Уровень физиологического комфорта на первом курсе составлял 0,35 % у студенток гуманитарного сектора, 0,38 % у студенток технического сектора и 0,41 % у студенток естественнонаучного сектора. К пятому курсу эти цифры увеличились соответственно по секторам на 0,2, 0,19 и 0,2 % и составили в гуманитарном секторе 0,55, в техническом — 0,57 и в естественнонаучном — 0,61 % (рис. 5).

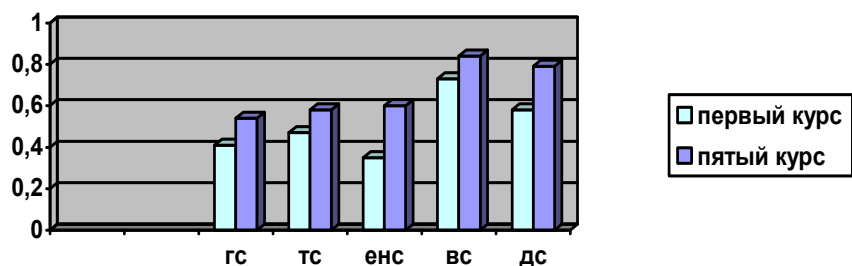
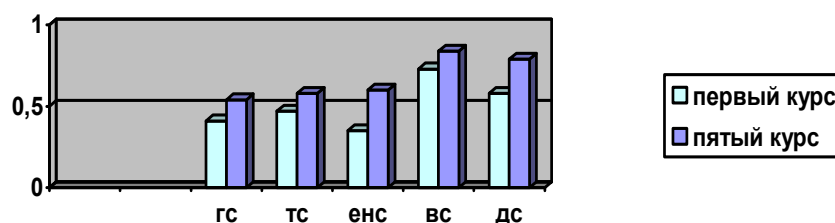

Рис. 5. Изменение величины параметра «степень физиологического комфорта» (женщины)

Среди мужчин на первом курсе уровень физиологического комфорта составлял 0,41 % у студентов гуманитарного сектора, 0,47 % у студентов техни-

ческого сектора, 0,35 % у студентов естественнонаучного сектора, 0,73 % у студентов военного сектора и 0,58 % у студентов духовного сектора. К пятому курсу эти цифры увеличились соответственно по секторам на 0,13, 0,11, 0,25, 0,11 и 0,21 % и составили в гуманитарном секторе 0,54, в техническом — 0,58, в естественнонаучном — 0,6, в военном — 0,84, в духовном — 0,79 % (рис. 6).

*Рис. 6. Изменение величины параметра
«степень физиологического комфорта» (мужчины)*

Интегральный уровень адаптированности женщин увеличился в гуманитарном и техническом секторах на 36 %, в естественнонаучном — на 32 %. Интегральный уровень адаптированности у мужчин увеличился в гуманитарном секторе на 29 %, в техническом — на 30 %, в естественнонаучном — на 28 %, в военном — на 47 %, в духовном — на 55 %. Сравнительный анализ интегральных уровней адаптированности студентов и студенток на пятом курсе представлен в табл. 3.

Таблица 3

**Сравнительный анализ интегральных уровней адаптированности
студентов на пятом курсе, %**

Пол	Интегральный уровень по секторам				
	ГС	ТС	ЕНС	ВС	ДС
Мужчины	53	52	52	77	86
Женщины	60	56	59	–	–
<i>Всего</i>	56,5	54	55,5	77	86

Сравнительный анализ динамики интегральных уровней адаптированности мужчин и женщин представлен в табл. 4.

Таблица 4

**Сравнительный анализ динамики
интегральных уровней адаптированности студентов, %**

Пол	Динамика интегрального уровня по секторам				
	ГС	ТС	ЕНС	ВС	ДС
Мужчины	+29	+30	+28	+47	+55
Женщины	+36	+36	+32	–	–
<i>Всего</i>	+32,5	+33	+30	+47	+55

Согласно результатам исследования различия между интервальными абсолютными величинами мужчин и женщин незначительны, в связи с чем гендерный фактор не может считаться определяющим при формировании стратегий профессиональной адаптации студенческой молодежи. Результаты проведенного исследования позволили сделать вывод о том, что студенты военного и духовного секторов образования достигли удовлетворительного и высокого уровней адаптированности, тогда как студенты гуманитарного, технического и естественнонаучного секторов достигли только среднего уровня. Результаты анализа позволяют предположить в пространстве указанных секторов наличие специфических условий, способствующих формированию и реализации высокоэффективных и эффективных стратегий профессиональной адаптации.

С помощью таких методов социологического исследования, как наблюдение и интервью, выяснилось, что основные различия между профессиональной средой духовного и военного секторов и профессиональной средой гуманитарного, технического и естественнонаучного секторов содержатся в области организационной культуры, представляющей собой актив, который может быть использован студентами и выпускниками в процессе своего профессионального становления. Этот актив реализуется в нескольких аспектах:

- организационном (формальная структура отношений, режим жизнедеятельности);
- нормативном (правила и стереотипы поведения);
- социальном (система профессиональных ролей, миссия);
- идеологическом (система ценностей, символика);
- экономическом (процессы, связанные с обеспечением материального и социального благополучия);
- психофизиологическом (процессы, связанные с обеспечением психического и физического комфорта).

В рамках интервью респонденты, принадлежащие к военному и духовному секторам образования, подчеркивали важность данной профессии, уделяли большое внимание разъяснению своей философии, пропаганде своих ценностей. Респонденты, принадлежащие гуманитарному, техническому и естественнонаучному секторам, в основном говорили о формальных организационных и количественных аспектах профессиональной деятельности.

В военном и духовном секторах образования каждому уровню профессиональной деятельности соответствуют определенные знаки отличия, которые четко показывают и преподавателям и студентам профессиональный и социальный статус того или иного социального субъекта. В гуманитарном, техническом и естественнонаучном секторах такие отличия отражены только в документации и не могут быть идентифицированы с первого взгляда (кандидат наук). Причем такие отличия одинаковы для трех секторов образования, следовательно, не являются специфическими для каждого из них. Тогда как в военном и духовном секторе эти отличия носят обособленный характер (полковник, архимандрит и т. д.).

Составляющей организационной культуры являются также определенные нормы поведения, правила, по которым ведется «игра» в вузе. В военном и духовном секторах это следование определенным ритуалам и традициям (ут-

ренные и вечерние службы, утреннее и вечернее построение; наряд, епитимья; военные песни, церковные песнопения; парадная и повседневная форма одежды и т. д.). В гуманитарном, техническом и естественнонаучном секторах специфические правила поведения отсутствуют. Правила поведения в этих секторах соответствуют общепринятым нормам.

Важным элементом организационной культуры сектора образования является его миссия, определяемая через категорию интегральной социальной роли. Для студентов духовного и военного секторов не составило труда четко обозначить интегральную социальную роль в сфере профессиональной деятельности (соответственно по секторам — защитник души, защитник тела). Что касается гуманитарного, естественнонаучного и духовного секторов, то единое мнение по поводу миссии отсутствует.

Воинство и духовенство существуют с древнейших времен. Поэтому предания, связанные с данными социальными общностями, сложились давно и общеизвестны. Что касается знаменитых гуманитариев, техников и естествоиспытателей, то процент общеизвестных людей в этих сферах значительно ниже.

Кодексом законов для военных является Устав, для священнослужителей — Закон Божий. У социальных субъектов, функционирующих в гуманитарной, технической и естественнонаучной сферах, таких кодексов нет.

Основным символом военных является знамя, символом священнослужителей — крест. У социальных субъектов, функционирующих в гуманитарной, технической и естественнонаучной сферах, таких символов нет.

Социальные субъекты военного и духовного секторов имеют свои специфические языки (обращение не по имени, а по военному или духовному званию; определенная тональность вербального общения; вербальные клише; специфическое невербальное общение).

У социальных субъектов, функционирующих в гуманитарной, технической и естественнонаучной сферах, отличием вербального общения является только употребление профессиональной терминологии, тогда как различия в невербальном общении отсутствуют вообще.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии целостной устойчивой идеологии в гуманитарном, техническом и естественнонаучном секторах образования.

Что касается материального благополучия, то в военном и духовном секторах студенты обеспечены жильем, питанием, одеждой.

Для психологического комфорта выстроена система общения студентов на всех уровнях (с сокурсниками, преподавателями, руководством), действуют механизмы консолидации. Немаловажным является фактор гендерной моногамности, снижающий степень диверсификации ресурсов.

В целях создания физического комфорта действует четкий распорядок дня, обеспечены физические нагрузки.

Высокий уровень социального комфорта определяется такими факторами, как осознание своей социальной обособленности, значимости, а также наличием социальных гарантий.

К сожалению, эти факторы отсутствуют в гуманитарном, техническом и естественнонаучном секторах образования.

Гендер и образование

Определяющим фактором успешности профессиональной адаптации является также ограниченная сфера жизнедеятельности студентов. В военном и духовном секторах студенты имеют гораздо меньше возможностей взаимодействия с внешней по отношению к вузу средой, что обуславливает сосредоточение максимума ресурсов в сфере профессиональной деятельности.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что наличие сильной организационной культуры является основополагающим условием формирования и реализации эффективных стратегий профессиональной адаптации и, следовательно, ключевым фактором формирования и накопления профессионального капитала.

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ББК 60.546.21:60.542.2

В. Н. Константинова

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX ВЕКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ (на примере Екатеринославской губернии)

Несмотря на повышенный интерес к гендерной проблематике, который является одной из характеристик современной историографической ситуации как в Украине, так и в России, на сегодня целый ряд проблем, связанных с гендерной социологией и статистикой, остается изученным крайне недостаточно. Среди таких проблем следует назвать и место женщины в городских обществах Екатеринославской губернии конца XIX в. Пробел тем более досаден по той причине, что в распоряжении исследователей находятся чрезвычайно информативные статистические источники данного периода, в том числе и опубликованные, которые позволяют не просто нарративно вести речь о неравенстве полов, но и представить разноаспектную гендерную картину структуры городских обществ сухим языком цифр.

Специфика колонизации бывших земель «Дикой степи» [2, 3, 4, 5] обусловила изначальное преобладание численности мужского населения во всех трех губерниях Южной Украины: Екатеринославской, Херсонской и Таврической. И хотя к концу XIX в. такая диспропорция несколько сгладилась, тенденция все же сохранилась: по состоянию на 1897 г. в городах Екатеринославской губернии проживало 126 909 мужчин и только 114 096 женщин, что вместе составляло 11,4 % от всего населения губернии. Важно, что практически половина городского населения (66 139 мужчин и 62 027 женщин) проживала непосредственно в губернском центре — Екатеринославе.

Численное преобладание в губернии мужского населения над женским отмечалось редактором Центрального статистического комитета Л. Ле Дантю во вступительной статье к соответствующему тому Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. как «исключение из губерний Европейской России» [10, с. IV]. Причем такое преобладание наблюдалось практически во всех уездах (без учета городов): Екатеринославском (50,91 % мужчин), Александровском (50,89 %), Бахмутском (53,88 %), Верхнеднепровском

(50,95 %), Мариупольском (51,22 %), Новомосковском (50,42 %), Павлоградском (50,60 %) и Славяносербском (53,14 %). То есть в целом по губернии мужчины составляли 51,52 %, тогда как среди населения городов их было 52,66 %.

Вместе с тем не во всех крупных городах мужское население преобладало. Если в Екатеринославе мужчины составляли 53,86 %, Александровске — 51,02 %, Мариуполе — 54,94 %, Павлограде — 54,36 %, то в других городах численно доминировали уже женщины, составляя в Бахмуте 50,35 %, Верхнеднепровске — 50,74 %, Новомосковске — 51,21 %, Славяносербске — 51,19 %, Луганске — 50,25 %.

Впрочем, преобладание численности женщин в некоторых городах не изменило общей картины по губернии: в каждом уезде, даже с учетом находящихся в нем городов, мужчин было больше.

Интересно сопоставить численность мужского и женского городского населения по возрастным группам. В возрастных группах от 0 до 9 и от 10 до 19 лет преобладает женское население (в первой группе — всего на 429 человек, во второй — на 2352 человека). И это при том, что по уездам в этих возрастных группах преобладают мужчины. Совсем другую картину наблюдаем в возрастных группах от 20 до 29 лет, от 30 до 39 лет и от 40 до 49 лет: здесь численно доминирует мужское население (в первом случае превышая численность женщин на 9178, во втором — на 5054, и в третьем — уже всего на 1849 человек). Причину здесь следует искать в размещении в губернии (причем и в городах, и в уездах) значительного количества вооруженных сил, а также в притоке из других регионов империи рабочей силы, среди которой традиционно преобладали именно мужчины. Среди всех более старших возрастных групп вновь превалируют женщины: от 50 до 59 лет их больше на 77, от 60 до 69 лет — на 54, от 70 до 79 лет — на 231, старше 80 лет — на 139 человек. Интересно, что для уездов картина совершенно иная: здесь численность мужчин преобладает во всех без исключения возрастных группах.

При переводе в проценты абсолютных цифр, отображающих семейное состояние мужчин и женщин, проживавших в городах [10, с. 30], получаем следующую картину (табл. 1).

Таблица 1

Семейное состояние жителей городов Екатеринославской губернии в 1897 г., %

Пол	Семейное состояние				
	Холостяки и девицы	Состоящие в браке	Вдовы, вдовцы	Разведенные	Не указавшие
Мужчины	54,42	54,19	24,29	29,43	54,29
Женщины	45,58	45,81	75,71	70,57	45,71
<i>Всего*</i>	56,04	38,25	5,41	0,18	0,12

* В графе «Всего» указан процент лиц, имеющих то или иное семейное состояние (независимо от пола), от общего количества городского населения.

Как видим, среди горожан губернии было больше холостяков, чем девиц, и больше мужей, чем жен. Это объясняется все тем же отходничеством и пребыванием в регионе вооруженных сил. Вместе с тем, разительна диспропорция между численностью вдовцов и вдов: последних больше более чем в три раза. Разведенных женщин также существенно больше, чем разведенных мужчин. При этом следует отметить, что процент разведенных среди населения городов губернии был низок, что обуславливалось особенностями законодательства, церковного права, ограничивавшего возможности расторжения брака.

В рассматриваемый период религия и церковь играли очень важную роль в жизни горожан. Не случайно конфессиональная принадлежность рассматривалась при проведении переписи как одна из основных характеристик. Таблица 2 позволяет наглядно увидеть представительство мужчин и женщин как в конфессиях, так и в языковых группах [10, с. 80—81].

Как видим, налицо преобладание мужской численности во всех конфессиях, за исключением баптистов (2 мужчины и 3 женщины), караимов (142 мужчины, 160 женщин) и группы «буддисты и ламаисты» (ни одного мужчины и всего 1 женщина). Особо разительной является диспропорция между количеством мужчин и женщин, исповедующих ислам (соответственно 984 и 55).

Показательно, что в группе носителей «русских» языков, исповедующих православие и единоверие, женщин больше только среди украинцев, тогда как мужчины довольно заметно преобладают и среди русских, и среди белорусов. Объяснение такой картины следует искать, в частности, все в том же отходничестве.

Очень важно проследить гендерное представительство в различных группах занятий городского населения Екатеринославской губернии. Приведем наши подсчеты для различных этнических групп, представленных в городах (не учитываются члены семей) [10, с. 158—163] (табл. 3).

Здесь важно оговориться, что составители материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на основании которых нами сделаны вышеприведенные подсчеты, определяли этническую принадлежность населения лишь на основании родного языка.

Для лучшего понимания представительства различных этносов в профессиональных группах приведем следующие цифры: носители украинского, русского и белорусского языков в городах губернии составляли 68,78 % населения (против 86,83 % в целом по губернии); носители еврейского языка — 25,98 %, немецкого — 0,99 %, греческого — 0,75 %, татарского — 0,50 %, польского — 1,82 %, молдавского — 0,02 %, турецкого — 0,46 % [10, с. 3].

Четко прослеживается мужское численное превосходство в большинстве групп занятий. Из 65 указанных в переписи 1897 г. занятий на 100 % «мужскими» оказались военная служба, пчеловодство и шелководство, выплавка металлов, производство экипажей и строительство деревянных судов, водное сообщение. В группе занятий «Администрация, суд и полиция» присутствуют лишь 3 женщины на все городское население губернии. При этом ни одной группы занятий не оказалось без мужского представительства. Даже среди лиц, указавших занятием проституцию, имеется 1 мужчина.

**Языковая и конфессиональная
Екатеринославской**

Язык	Вероисповедание																
	Православные и единоверцы		Старообрядцы и уклоняющиеся от православия		Армяно-грегориане		Армяно-католики		Римо-католики		Лютеране		Реформаты		Баптисты		
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	
Всего	87839	79424	254	167	130	95	7	1	3584	1804	1152	933	11	4	2	3	
«Русские»	85755	77730	248	158	7	8	1	–	155	102	77	45	2	1	1	3	
в том числе	русский	51818	44095	207	150	6	7	1	–	128	93	76	44	2	1	–	1
	украинский	32382	32692	39	6	1	1	–	–	7	3	–	1	–	–	1	2
	белорусский	1555	943	2	2	–	–	–	–	20	6	1	–	–	–	–	–
Польский	40	31	–	–	–	–	–	–	–	2928	2350	21	7	1	–	–	–
Остальные славянские	41	27	–	–	–	–	–	–	–	99	70	2	–	–	–	–	–
в том числе	чешский и словацкий	18	10	–	–	–	–	–	–	88	68	1	–	–	–	–	–
Литовско-латышские	29	9	–	–	1	–	–	–	–	59	19	90	9	–	–	1	–
в том числе	литовский	15	–	–	–	–	–	–	–	49	11	–	–	–	–	–	–
	латышский	14	–	–	–	1	–	–	–	7	8	90	9	–	–	1	–
Романские	31	29	–	–	–	–	–	–	–	138	105	9	15	1	2	–	–
в том числе	молдавский (румынский)	29	21	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	французский	2	5	–	–	–	–	–	–	103	90	9	15	1	2	–	–
Немецкий	43	33	4	6	–	–	4	–	–	160	140	915	838	6	1	–	–
Остальные германские	6	2	–	–	–	–	–	–	–	11	7	21	8	–	–	–	–
в том числе	английский	4	1	–	–	–	–	–	–	8	7	17	5	–	–	–	–
Остальные индоевропейские	1278	987	–	–	121	87	2	1	27	11	5	–	–	–	–	–	–
в том числе	греческий	1015	783	–	–	–	–	–	–	11	–	5	–	–	–	–	–
	армянский	44	5	–	–	121	87	2	1	16	11	–	–	–	–	–	–
	цыганский	205	199	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Еврейский	21	30	2	1	–	–	–	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–
Картвельский (груз.)	24	3	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–
Кавказских горцев	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Финские	7	2	–	–	–	–	–	–	–	–	9	10	1	–	–	–	–
Турецко-татарские	558	538	–	2	1	–	–	–	–	–	2	1	–	–	–	–	–
в том числе	татарский	117	94	–	2	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
	турецкий	439	444	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–
Прочие (сиро-халдейские)	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Не указавшие	3	3	–	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 2

**принадлежность жителей городов
губернии в 1897 г., чел.**

Мennonиты		Англикане		Остальные христианские исповедания		Караимы		Иудеи		Магометане		Буддисты и ламайсты		Общее количество по всем вероисповеданиям	
м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
119	89	10	6	4	1	142	160	32671	31353	984	55	–	1	1269090	114096
1	3	1	1	1	1	1	–	751	692	6	–	–	1	87007	78745
1	2	–	–	–	1	1	–	737	670	3	–	–	1	52981	45066
–	1	–	–	1	–	–	–	8	18	3	–	–	–	32442	32724
–	–	–	–	–	–	–	–	6	4	–	–	–	–	1584	955
–	–	–	–	–	–	–	–	7	9	–	–	–	–	2997	1397
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	142	97
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	107	78
–	–	–	–	–	–	–	–	3	2	7	–	–	–	190	39
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	64	16
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	113	21
–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	179	152
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	29	21
–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	115	111
117	86	–	–	–	–	–	–	12	11	1	1	–	–	1262	1116
–	–	9	5	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	47	23
–	–	9	5	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	38	19
–	–	–	–	2	–	–	–	–	–	38	–	–	–	1473	1086
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1031	789
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	183	104
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	15	–	–	–	220	199
–	–	–	–	–	–	10	11	31889	30634	–	2	–	–	31924	30678
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	29	3
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8	–	–	–	8	–
–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	2	–	–	–	20	12
1	–	–	–	–	–	131	149	7	3	920	51	–	–	1620	744
–	–	–	–	–	–	113	117	7	2	700	48	–	–	939	363
–	–	–	–	–	–	18	32	–	1	175	3	–	–	633	481
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	9	–
–	–	–	–	1	–	–	–	1	–	–	1	–	–	8	4

Занятия городского населения

Этническая группа	Занятие								
	Администрация, суд и полиция			Общественная и сословная служба			Вооруженные силы		
	Всего	м	ж	Всего	м	ж	Всего	м	ж
Русские	63,22	99,72	0,28	56,12	98,92	1,08	35,53	100	–
Украинцы	28,37	100	–	34,08	99,40	0,60	29,61	100	–
Белорусы	1,51	100	–	0,20	100	–	0,59	100	–
Поляки	4,23	100	–	1,43	100	–	14,61	100	–
Чехи	–	–	–	–	–	–	0,01	100	–
Сербы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Болгары	–	–	–	–	–	–	0,01	100	–
Литовцы	0,12	100	–	0,41	100	–	0,37	100	–
Жмудь	–	–	–	–	–	–	0,01	100	–
Латыши	0,12	100	–	–	–	–	0,69	100	–
Молдаване (румыны)	–	–	–	–	–	–	0,1	100	–
Французы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итальянцы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Испанцы и португальцы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Немцы	0,52	100	–	0,82	100	–	1,34	100	–
Шведы	–	–	–	–	–	–	0,01	100	–
Норвежцы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Голландцы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Англичане	0,06	100	–	–	–	–	–	–	–
Греки	0,29	100	–	1,84	100	–	1,22	100	–
Армяне	0,12	100	–	–	–	–	0,03	100	–
Цыгане	–	–	–	–	–	–	0,19	100	–
Другие индоевропейцы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Евреи	0,93	100	–	4,29	100	–	7,44	100	–
Грузины	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Кавказские горцы	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Финны	–	–	–	0,20	100	–	0,01	100	–
Татары	–	–	–	0,41	100	–	7,54	100	–
Турки	0,06	100	–	0,20	100	–	0,01	100	–
Другие турецко-татарские народы	–	–	–	–	–	–	0,65	100	–
Калмыки	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Другие	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Не указавшие	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Таблица 3

Екатеринославской губернии в 1897 г., %

Учебная и воспитательная деятельность			Земледелие			Проституция		
Всего	м	ж	Всего	м	ж	Всего	м	ж
38,95	58,85	41,15	38,43	93,84	6,16	62,3	—	100
13,26	71,19	28,81	56,00	91,22	8,78	21,31	—	100
1,12	73,33	26,67	0,46	100	—	—	—	—
3,52	42,55	57,45	0,23	90	10	1,23	—	100
0,22	100	—	0,02	100	—	—	—	—
—	—	—	0,02	100	—	0,41	—	100
0,22	100	—	0,07	100	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
0,07	100	—	—	—	—	—	—	—
0,15	100	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
2,25	10	90	0,05	100	—	—	—	—
0,15	—	—	0,07	100	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
3,45	26,09	73,91	0,93	—	—	0,41	—	100
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
0,22	—	100	—	—	—	—	—	—
0,37	20	80	1,05	97,83	2,17	—	—	—
—	—	—	0,14	100	—	—	—	—
—	—	—	0,05	100	—	—	—	—
—	—	—	0,02	100	—	—	—	—
35,81	85,15	14,85	0,75	96,97	3,03	14,34	2,86	97,14
—	—	—	0,02	100	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
0,15	100	—	0,23	90	10	—	—	—
0,07	50	50	1,46	95,31	4,69	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	0,02	100	—	—	—	—

Проблемы женской и гендерной истории

При оценке степени доступа женского и мужского населения к образованию важно подсчитать не просто общий процент грамотности в обеих половых группах, но и дифференцировать, с одной стороны, уровни образования, а с другой — сословные группы населения. При пересчете абсолютных цифр в проценты получаем весьма красноречивую картину относительно городов (табл. 4).

Таблица 4

**Уровень образования различных сословий
в городах Екатеринославской губернии в 1897 г., %**

Сословие	Пол	Грамотные	Учебные заведения					
			Университеты и другие высшие учебные заведения	Специальные и технические высшие учебные заведения	Специальные средние учебные заведения	Средние учебные заведения	Высшие военные учебные заведения	Средние военные учебные заведения
Дворяне потомственные и личные, чиновники и их семьи	м	49,83	93,43	97,18	88,70	43,19	100	100
	ж	50,17	6,57	2,82	11,30	56,81	—	—
Лица духовного звания всех христианских исповеданий и их семьи	м	51,79	96,43	100	100	58,68	—	100
	ж	48,21	3,57	—	—	41,32	—	—
Почетные граждане, купцы, мещане и другие город- ские сословия	м	62,95	89,54	98,08	84,92	42,19	—	100
	ж	37,05	10,46	1,92	15,08	57,81	—	—
Крестьяне, каза- ки, иностран- ные поселенцы и т. п.	м	81,86	50	100	92,56	58,61	—	100
	ж	18,14	50	—	7,44	41,39	—	—
Иностранцы	м	100	—	—	—	—	—	—
	ж	—	—	—	—	—	—	—
Не принадлежа- щие к указан- ным сословиям	м	60,12	100	100	78,57	39,62	—	100
	ж	39,88	—	—	21,43	60,38	—	—
Финляндские уроженцы	м	33,33	—	—	—	—	—	—
	ж	66,67	—	—	—	—	—	—
Иностранные подданные	м	61,34	100	100	100	59,43	100	100
	ж	38,66	—	—	—	40,57	—	—

Как видим, общий процент грамотности едва преобладает у женщин в группе «Дворяне потомственные и личные, чиновники и их семьи». Что касается преобладания в два раза грамотных женщин в группе «Финляндские уроженцы», то это фактически не меняет общей картины, так как в городах Екатеринославской губернии насчитывалось всего 6 грамотных представителей этой группы, из них 2 мужчины и 4 женщины. Весьма незначительно преобладание грамотных мужчин в группе «Лица духовного звания всех христианских исповеданий и их семьи». В то же время очень ощутимой является диспропорция в группе «Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия» и тем более — в группе «Крестьяне, казаки, иностранные поселенцы и т. п.», где грамотные женщины составляют всего 18,14 %.

Еще более разительной является диспропорция между образованностью мужчин и женщин при сопоставлении данных об уровне образования. Мужчины почти каждой сословной группы абсолютно доминируют среди учившихся в университетах и других высших учебных заведениях. Исключение составляет только группа «Крестьяне, казаки, иностранные поселенцы и т. п.», где в этой графе оказалось одинаковое количество мужчин и женщин. Но и здесь нет особой сенсации, так как среди всех городских жителей Екатеринославской губернии, принадлежащих к данной группе, в высших учебных заведениях училось всего 3 мужчины и 3 женщины.

Еще значительно преобладание мужчин, обучавшихся в специальных и технических высших учебных заведениях. Мужчины всех без исключения сословных групп абсолютно доминируют среди учившихся и в специальных средних учебных заведениях. Вполне логичным для данного исторического периода является стопроцентное мужское представительство среди учившихся в высших и средних военных учебных заведениях. Вместе с тем уровень развития, которого достигло к концу XIX века женское гимназическое образование в городах как украинской составляющей Российской империи в целом [1, 11], так и Екатеринославской губернии в частности [7], нашел отражение в том, что среди учившихся в средних учебных заведениях процент женщин преобладает сразу в трех сословных группах: «Дворяне потомственные и личные, чиновники и их семьи», «Почетные граждане, купцы, мещане и другие городские сословия» и «Не принадлежащие к указанным сословиям».

Полученные данные будут еще более информативными, если их соотнести с подсчитанными нами общими показателями по губернии с учетом и уездов, и городов (табл. 5) [10, с. 46—51].

Оговоримся, что для более адекватного восприятия данных таблиц 5 и 6 следует иметь в виду, что по состоянию на конец XIX века сословная структура общества была уже существенно трансформирована в направлении сближения сословий.

Наконец, важной является статистика, отражающая половой состав и семейное состояние той части населения городов, которая была «одержима физическими недостатками» [10, с. 131]. При пересчете в проценты оказывается, что среди слепых от рождения 52,13 % мужчин и 47,87 % женщин. Но при этом из состоящих в браке лиц данной категории 72,73 % — мужчины и только 27,27 % — женщины. Среди ослепших 46,50 % мужчин и 53,50 % женщин, но в браке при этом состоят 72,0 % мужчин и лишь 28,0 % женщин. Среди глухо-

Проблемы женской и гендерной истории

немых 53,99 % мужчин и 46,01 % женщин, но в браке — 80,0 % мужчин и 20,0 % женщин. Среди немых 54,79 % мужчин и 45,21 % женщин (в браке — 33,33 % женщин, 66,67 % мужчин). Среди умалишенных 57,52 % мужчин и 42,48 % женщин, но в браке — 61,01 % мужчин и 38,99 % женщин. Всего же среди горожан, «одержимых физическими недостатками», 54,33 % мужчин и 45,67 % женщин, но в браке состоят 65,80 % мужчин и только 34,20 % женщин. Цифры говорят сами за себя.

Таблица 5

**Уровень образования различных сословий
по Екатеринославской губернии в целом в 1897 г., %**

Сословие	Пол	Грамотные	Учебные заведения					
			Университеты и другие высшие учебные заведения	Специальные и технические высшие учебные заведения	Специальные средние учебные заведения	Средние учебные заведения	Высшие военные учебные заведения	Средние военные учебные заведения
Дворяне потомственные и личные, чиновники и их семьи	м	51,26	94,45	98,22	90,22	44,49	100	100
	ж	48,87	5,55	1,78	9,78	55,51	—	—
Лица духовно- го звания всех христианских исповеданий и их семьи	м	51,13	91,49	100	93,02	63,28	—	100
	ж	48,87	8,51	—	6,98	36,72	—	—
Почетные граждане, купцы, мещане и другие город- ские сословия	м	63,56	90,98	98,75	89,78	48,33	—	100
	ж	36,44	9,02	1,25	10,22	51,67	—	—
Крестьяне, ка- заки, иностран- ные поселенцы и т. п.	м	81,74	61,11	100	93,18	61,18	—	100
	ж	18,26	38,39	—	6,82	38,82	—	—
Инородцы	м	95	—	—	—	100	—	—
	ж	5	—	—	—	—	—	—
Не принадлежа- щие к указан- ным сословиям	м	63,20	100	100	93,22	41,28	—	100
	ж	36,80	—	—	6,78	58,72	—	—
Финляндские уроженцы	м	42,11	—	100	—	—	—	—
	ж	57,89	—	—	—	100	—	—
Иностранные подданные	м	56,64	100	100	100	59,77	100	100
	ж	43,36	—	—	—	40,23	—	—

Безусловно, все познается в сравнении. И когда мы ведем речь о статистических данных, касающихся одной губернии, важно сопоставить их с соответствующими показателями по губерниям соседним и по Российской империи в целом. С другой стороны, следует помнить, что мы имеем дело всего лишь со срезом статистических данных по состоянию на конец XIX века и для того, чтобы судить о прогрессе или, наоборот, регрессе в контексте проблемы гендерного равенства, необходимо сравнить соответствующую статистику за более ранние периоды. В этой связи заслуживает внимания логика ответа гранда российской социальной истории Б. Миронова своим критикам, которые вопрошали: «О каком прогрессе в положении русской женщины может идти речь, если даже в начале XX века она рожала от 8 до 10 раз и была исключена из общественной жизни?» Борис Николаевич в защиту своей позиции привел ряд сравнений положения женщин XVIII — первой половины XIX и начала XX века [6, с. XX—XXI]. Вполне логично, что дальнейшие перспективы рассмотрения поднятой в нашей статье проблематики как раз и состоят в сопоставлении гендерной картины структуры городских обществ Екатеринославской губернии конца XIX века с соответствующей картиной относительно Херсонской [9], Таврической [8] губерний и империи в целом, а также с имеющимися данными по Екатеринославской губернии за более ранний и более поздний периоды.

Библиографический список

1. *Бабіна О. І.* Становлення та розвиток гімназійної освіти в Україні (в кінці XIX — на початку XX століття) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Київський національний університет ім. Т. Шевченка. Київ, 2000. 19 с.
2. *Белова Е. В.* Внутренняя политика Российского правительства по заселению юга Российской империи (по материалам Новороссии и Бессарабии), 1751—1871 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Москва, 2004. 27 с.
3. *Бойко Я. В.* Заселение Южной Украины в 60—80-х годах XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Институт истории Академии наук Украинской ССР. Киев, 1990. 16 с.
4. *Бойко Я. В.* Заселение Южной Украины, 1860—1890 гг. Черкассы : Сіяч, 1993. 256 с.
5. *Бойко Я. В.* Заселение Южной Украины. Формирование этнического состава населения края: русские и украинцы (конец XVIII — начало XXI в.) : этностатистический очерк. Черкассы : Вертикаль, 2007. Вып. 1. 48 с.
6. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) : в 2 т. 3-е изд. испр., доп. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2003. XL, 548+583 с., 87+55 ил.
7. Отчет о деятельности общества попечительства о женском образовании в г. Екатеринославе за XVII год от 2 апреля 1888 г. по 2 апреля 1889 г. Екатеринослав : Типография Губернского Правления, 1891. 25 с.
8. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 41 : Таврическая губерния. СПб. : Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1904. 310 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 47 : Херсонская губерния. СПб. : [б. и.], 1904. 318 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 13 : Екатеринославская губерния. СПб. : Типография Э. Л. Пороховщиковой, 1904. 234 с.
11. *Сухенко Т. В.* Середня жіноча освіта в Україні (XIX — початок XX століття) : автореф. дис. ... к. і. н. : 07.00.01 / Київський національний університет ім. Т. Г. Шевченка. К., 2000. 20 с.

ОПЫТ РАБОТЫ

ББК 60.561.51:60.542.2

Ю. Г. Юшкова-Борисова

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ И МЕРЫ СТИМУЛЯЦИИ РОЖДАЕМОСТИ

Бывают периоды, которые Шекспир, вложив текст в уста Гамлета, назвал «временами с вывихнутыми суставами», когда связь с предыдущими временами распадается. Период, который сейчас переживает институт семьи, в целом отношения полов, вполне соответствует такой оценке.

Тому имеется немало причин, но основная среди них — изменения, произошедшие в окружающей среде за последнее время. Жизнь социума всегда является адаптивным ответом на условия окружающей среды, на нее влияют географическое положение, климат, наличие или отсутствие ресурсов, историческое окружение. Формы адаптации закрепляются в культуре, традициях социума. За последние десятилетия в действительности, окружающей человека, произошли очередные значительные изменения. Большинство населения развитых стран живет теперь в среде, сконструированной человеком, а естественная, природная окружающая среда, равно как и способы адаптации к ней, отходит на второй план. В новой реальности появились новые способы производства и новые формы товарного продукта, появились запросы на новый тип работника. Перевес интеллектуальных усилий над физическими в процессе труда заставил пересмотреть обычное распределение труда между полами.

Активное привлечение женщин к труду повлияло на межличностные отношения между мужчиной и женщиной, на процесс создания семьи, отношения в семье. Женщина, став равноправным работником, изменила свои взгляды на семью и рождение детей.

Медицинские открытия, достижения в области физиологии и медицины позволили развиваться контрацепции, что, в свою очередь, позволило сделать рождение детей контролируемым и планируемым актом, рождаемость перестала быть фатальным следствием половой жизни, следствием вступления в брак. Отсутствие детей в браке частично сняло напряжение в вопросах прав собственности на имущество супругов. Это привело к изменению самой формы брака, в частности, возник так называемый гражданский брак, не предусматривающий какой-либо его регистрации и не накладывающий на партнеров имущественных обязательств после его расторжения. Патриархальные же формы, предусматривающие обязательную девственность невесты и желательную девственность жениха, слияние имущества супругов, скорое рождение ими детей, быстро отмирают.

Способность женщины участвовать в производительном труде и содержать не только себя, но и своих детей, государственная защита ее имущественных прав обусловили широкое распространение разводов.

Все изменения в совокупности переоформили институт семьи, повлияли на отношения между людьми и исключительно сильно — на демографическую ситуацию. Количество детей резко сократилось.

Сокращению количества детей в семье вплоть до их полного отсутствия способствовал такой, положительный в целом, факт, как развитие пенсионной системы. Если раньше дети кормили своих родителей в старости, то сейчас эту функцию выполняют пенсионные фонды. Дети получили моральную свободу от финансовых обязательств по отношению к престарелым родителям. Сам факт рождения детей начинает носить экономически бессмысленный характер. Чем больше детей у родителей, чем больше они заняты своими детьми, тем меньше у них возможностей сделать карьеру, отложить деньги на старость, нажить имущество, которое бы могло их кормить в будущем.

Дети приносят убытки, требуют серьезных финансовых вложений. Большая часть социальных услуг и ресурсов становятся платными — в официальном или «неофициальном» порядке. Расходы на услуги медицинских учреждений, лекарства, на помощь детскому саду или школе, плюсуясь с расходами на питание и содержание ребенка, выливаются в круглую сумму. К примеру, подготовка, поступление в вуз и обучение в нем по сумме расходов уже сопоставимы с ценой среднего автомобиля иностранного производства.

Дети, по сравнению с предыдущими периодами, очень поздно начинают работать (после 20 лет) и еще позже становятся способны содержать себя самостоятельно. Они медленно взрослеют и не готовы заботиться о своих родителях.

На фокус-группах с учащимися 11-х классов школ Нижегородской области, проведенных в рамках исследования «Профессиональная ориентация современной молодежи: реальная и необходимая», осуществленного экспертным центром «Мера» на средства гранта Фонда подготовки кадрового резерва «Государственный клуб» в 2008—2009 гг.¹, эта проблема была обсуждена. Задавался вопрос, планируют ли участники группы в будущем помогать своим родителям и каким образом. Абсолютно все участники заявили, что родителям помогать будут. Основной же формой помощи были названы визиты к родителям, покупка лекарств и оплата медицинских услуг, на которые у родителей не будет хватать средств. Никто не сказал о систематической материальной помощи родителям; мысль о том, что родители могут претендовать на деньги детей в равной степени с самими детьми, казалась подросткам обидной. Тем не

---

¹ Исследовательские процедуры включали в себя экспертные интервью с работодателями Нижегородской области (80 респондентов), фокус-группы с учащимися 11-х классов школ и их родителями (30 сессий), опрос старшекурсников и выпускников нижегородских вузов (1023 респондента). В сферу внимания исследователей попали проблемы качества среднего и высшего образования, отношение школьников и их родителей к введению ЕГЭ, отношения молодых работников и работодателей, взаимоотношения в семье. По материалам исследования был выпущен сборник статей [2].

менее они соглашались с тем, что родители должны отказывать себе во многом для получения детьми высшего образования, они соглашались с тем, что расходы на детей (на них самих) должны на некоторое время стать основными расходами семьи.

Большинство родителей придерживаются такого же мнения. Родительница, участница фокус-групп в рамках этого же исследования, сказала о финансовых затратах на детей так: «Я же знала, на что шла, когда их рожала!» То есть родители изначально готовы к тому, что рождение детей — это несение непрерывных и безвозвратных расходов.

Этот фактор очень сильно влияет на отношение к деторождению, делая его актом обдуманного и спланированного действия. При современной доступности аборт нежеланный ребенок имеет мало шансов появиться на свет.

Третьим фактором, подталкивающим родителей к осмысленному деторождению, является медицинское просвещение в вопросах течения беременности, с одной стороны, и рост количества больных детей — с другой. Родители боятся родить больного ребенка. Они осознают, что чем более холодно и рассудочно они подойдут к зачатию (заблаговременное обследование, сдача анализов, прием в период зачатия специальных витаминных препаратов и т. д.), тем более здоровыми будут их дети.

Все произошедшие изменения постепенно ослабляют связку «любовь — брак — дети». Дети уже не являются автоматическим следствием брака и тем более следствием любви. Любовное чувство уже не заставляет пару вступать в брак. Развитие отношений полов становится все менее предсказуемым, все менее опирающимся на традиционные, освоенные модели поведения.

В ситуации ненадежности отношений, возможности распада семьи женщины предъявляют все большие требования к потенциальным мужьям. Естественно, что таким требованиям подавляющее большинство мужчин соответствовать не может. В ситуации хронического разочарования женщины предпочитают решать вопрос о рождении ребенка самостоятельно, не спрашивая мнения мужчин.

Мужчины же, теснимые женщинами на рынке труда, в значительной мере утратившие экономическое доминирование, зная перспективу остаться без детей при разводе, устраниваются от принятия решений относительно деторождения.

Таким образом, рождение детей из социальной и экономической цели обоих родителей плавно трансформировалось в способ личностной самореализации женщин. Но для самореализации достаточно одного ребенка. К тому же в этой ситуации ценен далеко не каждый ребенок, а только здоровый, талантливый, образованный, что опять же сокращает число детей. Женщины не рожают, если сомневаются в здоровье будущего ребенка или в своей возможности дать ему хорошее образование, обеспечить его материально в будущем.

В последнее время, очевидно, в качестве стрессовой реакции на изменения, в мужской среде, а вслед за ней в обществе происходит идеализация уже не существующей (за редким исключением) патриархальной семьи. Семье с главенствующей ролью мужчины приписывается, в качестве обязательных черт, устойчивость и благосостояние при многодетности. Возвратом к патри-

архальной этике, к «домашней» жизни женщин определенные общественные слои надеются поднять рождаемость: «И все равно семья должна быть для женщины важнее работы. Если у вас есть внутренняя потребность в работе и при этом есть время — найдите работу. Но помните, что мать в семье никто не заменит — ни няня, ни бабушка. Так что пусть ваша работа или какое-то иное дело подчиняется общему течению жизни вашей семьи» [1].

На мой взгляд, это тупиковый путь, во-первых, потому, что в сегодняшней кадровой ситуации страна не может себе позволить класс неработающих женщин-домохозяек. Если женщины перестанут работать, то существующая нехватка кадров (которая и заставила задуматься о демографии) перейдет в хронический кадровый голод, мотивация же занятых работников к профессиональному росту упадет вместе со снижением конкуренции работников за рабочее место, что самым негативным образом повлияет на процессы производства. Во-вторых, ожидаемого всплеска рождаемости может не наступить. В наши дни, при наличии контрацепции, отказ женщины от работы вне дома не означает ее автоматического согласия на рождение нескольких детей. К тому же современные ревнители старины забывают, что патриархальная многодетная семья способна быть привлекательной только при запрете разводов, защищающем женщину, постаревшую и увядшую в процессе рождения детей и ухода за ними, от одинокой и нищей старости.

В реальности сегодняшнего дня патриархальный уклад семьи принимает довольно неприятные формы, которые можно назвать псевдопатриархальными. Кардинально этот тип семьи от патриархальной отличается тем, что в брак вступают экономически неравные люди. В реально патриархальной семье женщина вступала в брак со своим имуществом, за ней давали приданое, в современности же ярко выраженные «бесприданницы» претендуют на богатых женихов. В исследовании «Профессиональная ориентация современной молодежи: реальная и необходимая» респондентка экспертного опроса так охарактеризовала эту тенденцию: «С молодыми женщинами сейчас вообще беда. Я считаю, что СМИ их развратили и сформировали совершенно неадекватный уровень ожиданий от жизни. Женщины у нас, как правило, хотят сидеть дома и ничего не делать. Ладно бы, за этим стояло желание растить детей. <...> Они просто хотят ничего не делать. <...> Формируя пол, желающий только потреблять, мы лишаемся как система и как государство нормального жизнеспособного населения»².

Можно назвать это явление «барбизацией женщин», по имени куклы Барби, долгое время считавшейся эталоном женской и сексуальной привлекательности, за счет которой, якобы, можно стать и социально успешной. Можно говорить и об отходе от российских традиций, о западном или о восточном влиянии. (Американское «daddy» («папочка») по отношению к мужу почти невозможно в устах россиянки. Российский муж скорее сын, чем отец.)

---

² Здесь и далее в примечаниях приводятся материалы экспертного опроса работодателей Нижегородской области (женщина, образование высшее, представитель работодателя, фармацевтическое производство).

Женщина в российской производственной культуре всегда работала практически наравне с мужчиной. Нахождение больших территорий страны в зоне рискованного земледелия, сокращенный, в связи с холодным климатом, период сельскохозяйственных работ, их высокая интенсивность вынуждали женщину быть не просто помощницей мужчины, а практически, за исключением отдельных видов работ, полноправной участницей сельскохозяйственного труда. Запереть молодую жену в тереме могли позволить себе обеспеченные люди, которых в России, в силу скудости ресурсов, всегда было немного. Накопленное родителями, произведенное (сотканное, сшитое, вышитое, купленное на деньги от продажи молока от собственной коровы и т. д.) самой молодой девушкой приданое становилось частью экономической базы молодой семьи. Отсюда вытекало и почти равноправное положение женщины в браке.

Очевидно, именно в силу давних российских традиций женского труда так легко прошло приобщение женщин к наемному труду в период индустриализации.

Современная молодая россиянка живет и действует именно в духе исконных традиций. Одиннадцатиклассницы, участницы фокус-групп, проведенных в рамках исследования «Профессиональная ориентация современной молодежи: реальная и необходимая», в абсолютном большинстве высказались за необходимость получения хорошего образования, достойного места работы и положения в обществе. Относительно семьи мнения разделились. Все говорили о ее необходимости, но некоторая часть респонденток ставила ее на первое место по сравнению с работой, некоторая часть отодвигала на второй план. Несколько респонденток заявили, что семью и детей они будут заводить после 30 лет, на фоне уже сложившейся успешной карьеры.

В этом нет ничего удивительного. Увеличение продолжительности жизни, причем при увеличении *продолжительности юности и молодости*, позволяет не спешить со вступлением в брак, низкая детская смертность позволяет сократить количество родов. Девушки получают хорошее образование и могут сделать карьеру.

Однако государству они нужны в двух ипостасях — не только как работники, но и как матери. И оно прилагает к этому определенные усилия.

В последние десятилетия упор в вопросе стимуляции деторождения делался на высвобождение женщин от работы в период беременности и ухода за ребенком. Казалось бы, мера правильная в существующей ситуации. Однако сейчас женщина, рабочее место которой досталось ей в конкурентной борьбе наравне с мужчинами, боится его оставить. Как показал экспертный опрос работодателей в ходе нашего исследования, сейчас на 3 положенных по закону года уходят лишь женщины, занятые на низких должностях или мало развивающихся производствах. При современных темпах изменения технологий — производственных, управленческих, научных — работник, будь то мужчина или женщина, не сможет трудиться на прежнем месте после нескольких лет отсутствия: «Что касается отпуска по уходу за ребенком, в последнее время существует практика досрочного выхода <...> Очень высок темп организационных преобразований. Если женщина уходит на такой продолжительный срок, то жизнь (естественно, не законодательство) не гарантирует ей ее востре-

бованность по прошествии этих 3 лет. <...> Например, девушка, которая работала в кадровом отделе, просидев в отпуске 3 года, вышла на работу и через 2 месяца ушла по собственному желанию, поняв свою некомпетентность на сегодняшний день»³; «Бухгалтеры у нас выходят в 1,5 года, кто заинтересован <...> Вот одна девушка, я вам скажу пример, была у нас переаттестация рабочих мест месяц назад <...> Пришла из декрета — пришлось понизить разряд, с пятого на четвертый»⁴.

Дошкольные же учреждения, дошедшие до нас почти в том же виде, в каком они задумывались в 30-х годах, уже не соответствуют современным родительским требованиям. При существующих там формах содержания детей и нормах санитарии они оказываются уязвимыми для инфекций, особенно респираторно-вирусных, получивших в последнее время широчайшее распространение в связи с развитием систем транспорта. Причем практически исчезли ясли, куда принимали детей младенческого возраста.

Если же женщина стеснена в средствах и не может позволить себе нанять няню, а здоровье ее ребенка не позволяет ему посещать сад, ее отлучка может растянуться на несколько лет. Если карьера специалиста и сможет пережить один 3—5-летний перерыв, то два, три перерыва — однозначно нет. Женщина, стремящаяся к самореализации как личность, как специалист, сознательно выбирает малодетность — один, максимум два ребенка.

Мужчина же все менее и менее годится на роль кормильца. Это объективный процесс. Растет производительность труда, но растут и расходы работодателей на персонал, что, в свою очередь, заставляет работодателей и далее увеличивать производительность труда: «Предприятие заплатило тебе 50 тысяч. Логично, что ты должен принести раз в десять больше, потому что с этих денег платят налоги, организуют тебе рабочее место. Если ты получил 50 тысяч, то компания на тебя 150 всяко израсходовала. А с тебя надо получить еще какой-то навар, не просто же взять тебя на работу для того, чтобы тебя же и обслуживать. Поэтому ты должен приносить минимум в семь раз больше компании ежемесячно. А теперь давайте подумаем, какое решение, действие, мысль, поведение — что будет приносить ежемесячно по 500 тысяч компании. Вот этот вопрос сносит крышу ста процентам соискателей...»⁵

Семья как «ячейка», как производственная единица, где труд четко поделен на мужской и женский (в зависимости от психофизиологических особенностей женщины и мужчины, причем мужской ценится дороже), практически перестает существовать. Степень трудовой отдачи в современном процессе производства настолько велика, что уже граничит с возможностями среднего человека, а уровень потребления, необходимый для подобной трудовой отдачи, так высок, что на одну заработную плату работника содержать двоих взрослых потребителей, тем более семью, становится мало возможно.

³ Женщина, образование высшее, представитель работодателя, телекоммуникационная компания.

⁴ Женщина, образование высшее, представитель работодателя, сувенирное производство.

⁵ Мужчина, образование высшее, эксперт рынка труда.

Кардинальное изменение сферы экономики и производства требует изменения взглядов на стимуляцию рождаемости. Метод назначения пособий семьям, позволяющий матерям уйти с работы и посвятить себя воспитанию детей, был опробован западными странами и не позволил решить демографическую проблему. Рождаемость в среднем, экономически устойчивом и законопослушном, слое населения так и не достигла необходимых государству величин, зато породила целые слои населения, живущие на «детские» пособия.

Меры, реально способствующие повышению рождаемости, очевидно, могли бы выглядеть следующим образом: *создание дополнительных возможностей для женщин сочетать работу и рождение ребенка, уход за ним*. Такими мерами могут быть усовершенствование, перестройка сети детских дошкольных учреждений с воссозданием в них ясельного звена, принимающего детей, в том числе и на несколько часов.

Необходимо активное внедрение новых бизнес-процессов, бизнес-технологий, при которых становится возможным частичный рабочий день для занятых, а это подразумевает разбиение одного участка работы на несколько частей, разделение одной зоны ответственности между несколькими работниками, внедрение проектных методов работы. Это сложно и дорого для работодателей. Перестройка бизнес-процессов, как правило, нелегкий и не всегда благодарный труд, поэтому необходимо *предоставление налоговых или прочих льгот работодателям*, внедряющим эти модели и нанимающим на работу матерей с детьми до 7 лет.

Также, на мой взгляд, может повысить рождаемость *система бесплатного обучения и переобучения женщин, вышедших из отпуска по уходу за ребенком*.

Контроль за физическим и психическим здоровьем женщин как до, так и после рождения ребенка, создание сети учреждений санаторно-оздоровительного профиля для беременных и родивших женщин позволит снизить негативный физиологический и эмоциональный эффект последствий родов (в дополнение к дальнейшему переоснащению родильных домов и усовершенствованию технологий родовспоможения). Необходимо свести к минимуму риск потери женщиной здоровья и, как следствие, — карьеры, рабочего места, социального статуса.

Укрепление института семьи возможно за счет распространения новой идеологии равенства, подразумевающей равенство женщин и мужчин как работников, равенство их материальной ответственности за семью и детей. Необходимо, чтобы и женщины и мужчины перестали воспринимать семью как область только мужской материальной ответственности, что позволит нивелировать тенденцию «барбизации» женщин и снимет страх современных мужчин перед женитьбой, созданный страхом перед своей потенциальной финансовой несостоятельностью. Самым главным равенством, которое необходимо, является *равенство мужчин в личной самореализации как родителей*.

Успешными в этой ситуации будут любые другие меры, исходящие из посылки, что производить на свет новых граждан России будет работающая женщина, стремящаяся к самореализации в равной степени и как мать, и как работник.

Библиографический список

1. *Данилова А.* Священник Михаил Немнонов: «Брак — последний уголок рая на земле». URL: http://www.pravmir.ru/article_811.html (дата обращения: 01.06.2009).
2. *Профессиональная ориентация современной молодежи: реальная и необходимая.* Н. Новгород : Автор, 2009. 108 с.

РЕЦЕНЗИЯ

Т. Б. Рябова

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ГЕНДЕР

Рец. на кн.: Айвазова С. Г. *Российские выборы: гендерное прочтение*. — М. : Консорциум женских неправительственных объединений : Ин-т социологии РАН, 2008. — 201 с.

Период после завершения каждого четырехлетнего избирательного цикла является наиболее плодотворным для анализа основных закономерностей электорального поведения, тенденций политического участия различных социальных групп, успешности политических программ и стратегий борьбы за избирателя. Монография Светланы Айвазовой, подводящая итоги последних парламентских и президентских кампаний, — то исследование, которое позволяет обозначить основные тенденции современных российских выборов в их гендерном измерении.

Рецензируемое исследование представляет собой продолжение целого цикла работ автора по данной проблематике, что придает ему особую ценность*. Тем самым книга С. Г. Айвазовой является завершением гендерного мониторинга всех российских парламентских и президентских кампаний последнего десятилетия. Это дает возможность и профессиональному политологу, и обычному читателю понять логику развития позиции основных политических партий и ведущих политиков по проблеме равенства полов, увидеть динамику гендерного состава высших эшелонов власти, определить тенденции электорального поведения мужчин и женщин за этот период. Высокую валидность выводов обеспечивает то обстоятельство, что при анализе различных парламентских и президентских кампаний последнего десятилетия автором использовался аналогичный массив документов: партийные программы, предвыборные программы кандидатов на пост президента страны и предвыборные платформы партий; материалы ЦИК; официальные результаты подсчета голосов избирателей; общефедеральные списки кандидатов в депутаты на выборах от различных политических партий и списки кандидатов в президенты; данные опросов общественного мнения.

Аспектизируя проблему гендерного измерения российских выборов, исследовательница выделяет наиболее значимые направления ее анализа, одним

© Рябова Т. Б., 2009

* Айвазова С., Кертман Г. Мужчины и женщины на выборах. Гендерный анализ избирательных кампаний 1999 и 2000 гг. в России. М. : Эслан, 2000 ; Их же. Мы выбираем, нас выбирают... : гендерный анализ парламентских и президентских выборов 2003—2004 годов в России. М. : Олита, 2004.

из которых выступает изучение гендерных различий политического поведения (включая электоральное поведение) и политического участия женщин.

Исследуя представленность женщин в различных органах власти, а также в предвыборных партийных списках, автор выявляет новую тенденцию: от одной избирательной кампании к другой происходило постепенное, пусть и не слишком значительное, увеличение доли женщин в общем числе кандидатов в депутаты (особенно в списках партий-фаворитов), в составе депутатов Государственной думы и в ее руководстве, в Федеральном собрании в целом и в администрации президента. Среди факторов подобных перемен С. Г. Айвазова называет обновление электоральной формулы на выборах в парламент (пропорциональная система голосования) и борьбу за симпатии избирательниц. В этом контексте интерес представляет содержащийся в книге анализ статусных характеристик женщин-политиков, их возраста, образования, профессионального опыта.

С другой стороны, как показывает автор, в российской политике не происходит серьезных изменений институционального характера. Шансы, которые политические партии предоставляли мужчинам и женщинам для карьеры в качестве депутата, были неравными. Основным барьер, препятствующий интеграции женщин в политический процесс, — это, по мнению исследователя, сохранение неформальности принципа гендерного равноправия в соответствующих нормах избирательного законодательства.

Другим направлением исследования является гендерный анализ программных документов политических партий, который позволил автору отметить любопытную тенденцию: в период парламентских выборов 2007 года политические партии и кандидаты в президенты фактически отказались от проблематики равенства полов, которая присутствовала в канун предыдущих выборов, в пользу лозунгов «защиты материнства и детства» как наиболее актуальных в условиях демографического кризиса. Полемизируя с данной точкой зрения, автор обосновывает позицию, согласно которой политика по достижению гендерного равенства вполне совместима с усилиями по решению демографической проблемы, о чем свидетельствует опыт европейских стран. С. Г. Айвазова отмечает, что в президентской кампании 2008 года Д. А. Медведев был, пожалуй, единственным кандидатом, обозначившим желание обсуждать проблемные вопросы «женской повестки дня» и говорившим о необходимости учитывать то, что российские женщины вынуждены совмещать роли жены, матери и работницы. Однако и для него проблема достижения гендерного равноправия пока не превратилась в одно из стратегических направлений развития демократии в России.

Еще один вопрос, представляющий интерес для гендерной политологии, — различия в электоральном поведении мужчин и женщин. Он проявляется, как убедительно демонстрирует автор, и в более высоком уровне женской электоральной активности, и в различиях политических ориентаций мужчин и женщин. Так, голоса женщин за В. В. Путина на президентских выборах 2000 года оказались решающими для победы кандидата уже в первом туре. На протяжении всей предвыборной кампании доля женщин, изъявлявших готовность

голосовать за Д. А. Медведева, неизменно превышала соответствующую долю мужчин. Как на парламентских, так и на президентских выборах женщины оказали поддержку «партии власти» в заметно большей степени, чем мужчины. Заметим, что подобная закономерность характерна и для других стран. Например, в США она также проявляется и в различной степени явки мужчин и женщин на избирательные участки, и в том, за кого голосуют мужчины и женщины. Так, женщины в большей степени поддерживают Демократическую партию, чем Республиканскую. Одно из самых распространенных объяснений этого заключается в том, что демократы отдают приоритет социальным и экономическим вопросам перед внешнеполитическими.

Анализ гендерной специфики политического поведения предполагает и выяснение уровня политической компетентности мужчин и женщин. Американские исследователи показали, что уровень политических знаний мужчин в целом выше, однако проблемы здравоохранения, семьи, повседневной жизни женщины знают не меньше, а даже больше, чем мужчины. Более низкий уровень политических знаний характерен и для российских женщин, как показывает С. Г. Айвазова. Исследовательница полагает, что российским избирательницам свойственны политический конформизм и преобладание аффективной мотивации над рациональной.

В книге также содержатся результаты социологического исследования автора, которое было призвано выявить специфику политического поведения женщин и мужчин по мере вовлечения их в различные формы общественно-политической активности. Опрашивая различные группы граждан, автор устанавливает зависимость интереса к политике в разных группах от гендерного признака. Переход мужчин сначала к общественной, а затем к политической активности приводит к постепенному, плавному нарастанию у них интереса к публичной политике. У женщин, считает автор, общественная активность сопровождается очевидным падением интереса к политике. Позиции мужчин становятся, как правило, более социально критичными, позиции женщин — более компромиссными и конформистскими. И только включение женщин в сферу политической деятельности приводит к резкому повышению их интереса.

Вторая часть книги содержит статистику и документы, значимость которых заключается в том, что они дают читателю возможность делать собственные выводы по всем тем проблемам, о которых говорилось С. Г. Айвазовой в первой части. В книге представлены последние данные о гендерном составе парламентов 188 стран мира. Кроме того, в ней приводятся результаты большого международного социологического исследования, которое проводилось в том числе и в России. Эти данные позволяют сделать заключения о том, насколько важно для граждан этих стран гендерное равенство, как изменилась ситуация с равенством прав мужчин и женщин за последние десятилетия, какие возможности повлиять на ситуацию с дискриминацией женщин видят респонденты. Читателям будет интересно узнать, что по большинству этих вопросов мнение россиян близко точке зрения граждан стран Европы и США. Показательно и отличие: наши соотечественники, равно как и граждане других быв-

ших советских республик, чаще других придерживаются мнения, что ситуация с гендерным неравенством на протяжении их жизни серьезно не изменилась. Наконец, ценной частью книги являются краткие биографии всех женщин в высших эшелонах российской власти: в администрации президента, в Совете Федерации и Государственной думе Федерального собрания РФ (с обозначением их партийной принадлежности), женщин — руководителей российских регионов.

Говоря о перспективах изучения гендерного измерения выборов, хотелось бы подчеркнуть важность анализа российских выборов в контексте мировой политической практики (скажем, полезно было бы сопоставить программы отечественных и зарубежных политических партий по вопросу о равенстве полов). Опыт социологических исследований, в том числе проведенных нами лично, показывает значимость не только политических, но и культурных различий в интерпретации многих политических проблем, имеющих гендерное измерение, например низкого уровня участия женщин в высших эшелонах власти, роли партийной идеологии в поддержке гендерного равенства, влияния демографической ситуации на политическое поведение и др.

Оценивая монографию С. Г. Айвазовой в целом, подчеркнем то важное обстоятельство, что она представляет большую ценность не только для гендерных исследований, но и для политологии, представителям которой предлагаются как авторские интерпретации, так и факты для собственного анализа ситуации. Гендерная политология — сравнительно молодое направление, и в нем, как и в любом новом направлении, можно наблюдать трудности роста. Именно поэтому появление работ, подобных рецензируемой книге, вносит существенный вклад в институционализацию гендерных исследований в России и стимулирует дальнейший научный поиск.

Аннотации

Карпова Г. Г. Гендерные аспекты культурной политики

Осуществляется гендерный анализ различных аспектов культурной политики современной России и попытка рефлексии российской культурной политики с точки зрения гендерной чувствительности и направленности ее мер на реализацию принципов гендерного равенства. Автор акцентирует внимание на потенциале и активизации социальных функций сферы культуры. В фокусе исследовательского интереса выступают такие проблемные поля, как конструирование и легитимация гендерного порядка средствами культуры; гендерные иерархии занятости; доступность услуг в сфере культуры, рассматриваемая через призму гендерного анализа бюджета в условиях либерализации российской культурной политики.

Ключевые слова: культурная политика, гендерный подход, гендерный бюджет, доступность, гендерный порядок, социальная политика, дефамелизация, качество жизни, женская занятость, культурный менеджмент.

Коростылева Н. Н. Гендерный подход в государственной кадровой политике

Рассматриваются актуальные вопросы интеграции гендерного подхода в государственную кадровую политику (ГКП), обосновывается идея о построении ГКП на принципах гендерного равенства. Автор считает, что гендерный компонент механизма реализации ГКП должен быть неотъемлемой частью Национального механизма РФ по обеспечению гендерного равенства.

Ключевые слова: гендерный подход, государственная кадровая политика, гендерный компонент государственной кадровой политики, гендерный аспект механизма реализации государственной кадровой политики, гендерные технологии, гендерная составляющая кадровых технологий.

Подгорный Б. Б. Частный инвестор фондового рынка — имя женское?!

Приведены выборочные данные социологического исследования автором частных инвесторов фондового рынка — жителей Курской области.

Определена положительная динамика участия женщин в частном инвестировании. Рассмотрено влияние различных факторов на вовлеченность женщин в операции с ценными бумагами. Составлен социальный портрет женщины — инвестора фондового рынка.

Ключевые слова: фондовый рынок, частные инвесторы, социальное положение инвесторов, финансовое положение инвесторов, социальный портрет женщины-инвестора.

Громашева О. А. Материнские стратегии управления рисками питания детей

Рассматриваются стратегии, которые используются матерями детей дошкольного возраста для управления рисками питания детей. На основе анализа материалов дискуссий на семейном интернет-форуме и интервью с матерями были сконструированы основные типы материнских стратегий управления рисками питания детей.

Ключевые слова: риски питания, стратегии управления рисками, материнство, дошкольники, гендер.

Журавлева С. Л. Гендерные эффекты в телефонном интервью

Анализируется влияние пола интервьюера на результаты телефонного интервью. Описаны различия в ответах на вопросы, выявляющие гендерные установки, а также вопросы о социально неодобряемом поведении. Сделан вывод о заметном влиянии пола интервьюера на вербальное поведение респондентов. Эффект интервьюера более выражен в гендерно гетерогенных коммуникативных диадах.

Ключевые слова: модель социальной атрибуции, модель социальной дистанции, пол интервьюера, телефонное интервью, эффект интервьюера.

Терентьева И. Н. «Хозяйка» послания: опыт коммуникативистского прочтения календарных рассказов А. П. Чехова

Художественные формы представления коммуникации использованы как модель социальной коммуникации в многомерном пространстве действия. Применение этой модели позволило: 1) подтвердить тезис о несовпадении социальных и коммуникативных ролей женщины; 2) продемонстрировать специфическую коммуникативную роль женских персонажей календарных рассказов А. П. Чехова: обладание культурным кодом, сохранение «общей памяти» позволяет женщине аккумулировать смыслы и тем самым восстанавливать и сохранять социальную связь.

Ключевые слова: социальные статусы и роли, коммуникативные роли, постулаты нормальной коммуникации, коммуникативное пространство, социальная коммуникация, элементы и процесс коммуникации, сообщение.

Штылева Л. В. Гендер и педагогика: проблемы согласования языка

На основе анализа комплекса тематических публикаций в научно-педагогических журналах 1998—2008 гг. характеризуется методологическая проблема институционализации гендерного подхода в отечественном образовании и педагогике, связанная с интеграцией в педагогику ключевой дефиниции «гендер», с выработкой и согласованием новой педагогической терминологии.

Ключевые слова: гендерный подход в педагогике, образование, гендер и язык.

Старосотникова В. Ю. Исследование стратегий профессиональной адаптации студенческой молодежи: гендерный аспект

Представлен анализ стратегий профессиональной адаптации студенческой молодежи гуманитарного, технического, естественнонаучного, военного и духовного секторов высшего образования с учетом гендерной сегрегации.

Ключевые слова: профессиональная адаптация, стратегия профессиональной адаптации, сектор высшего образования, гендерная сегрегация.

Константинова В. Н. Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект (на примере Екатеринославской губернии)

Систематизируется, приводится и анализируется представительный комплекс статистических данных, позволяющих увидеть разноаспектную гендерную картину структуры городских обществ Екатеринославской губернии конца XIX века.

Ключевые слова: городское общество, гендер, статистика.

Юшкова-Борисова Ю. Г. Современная семья и меры стимуляции рождаемости

Освещаются механизм влияния процессов производства и общих изменений социальной среды на взаимоотношения полов, процессы деторождения, семейные отношения.

Ключевые слова: демографическая ситуация, меры стимуляции рождаемости, семейные взаимоотношения, смысл деторождения, карьера и материнство, разделение труда в семье, псевдопатриархальная семья, декретный отпуск, дошкольные учреждения.

Summaries

Karpova G. G. Gender aspects of cultural policy

This article focuses on gender analysis of various aspects of the cultural policy of modern Russia. It considers Russia's cultural policy in terms of gender sensitivity and gender equality. The author focuses on the potential and activization of social functions of culture, conducts analysis of construction and legitimization of the gender arrangements by means of culture, gender hierarchy of employment. In particular, the issues of accessibility of services are considered through the prism of gender budget analysis in the context of liberalization of Russia's cultural policy.

Key words: cultural policy, gender approach, gender budget, accessibility, gender arrangements, social policy, de-familiazation, quality of life, cultural management, women's employment.

Korostyleva N. N. Gender approach in public personnel policy

This article analyses actual questions of integration of gender approach in public personnel policy, proves the idea of gender technology in public personnel policy. The author think that gender component of realization of public personnel policy must be the part of Russian Federation State mechanism of gender equality.

Key words: gender approach, gender in public personnel policy, gender technology, gender in personnel technology.

Podgorny B. B. Stock market private investor — feminine name?!

Presents selected data of sociological study by the author the stock market private investors — the inhabitants of the Kursk region. Determined the positive dynamics of female participation in private investment. The influence of various factors on women's involvement in securities transactions. A social portrait of a woman — the investor of the stock market.

Key words: stock market, private investors, social situation of investors, the financial position of the investors, the social portrait of a woman — the investor.

Gromasheva O. A. Mothers' strategies of risks handling in their children's food consumption

The article analyses what strategies Russian mothers use to handle risks in food consumption practices of their preschool children. Main types of mothers' strategies of food risks handling were constructed using family Internet forum discussions and interviews with mothers as sources of empirical data.

Key words: food risks, strategies of risk handling, motherhood, preschool children, gender.

Zhuravleva S. L. Gender effects on telephone interview

This article analyses an interviewer gender effect on telephone interview results. It describes differences in answers on gender attitudes questions and questions about socially undesirable behavior. We draw a conclusion about noticeable effect of interviewer gender on respondents' verbal behavior. An interviewer effect is stronger pronounced in gender heterogeneous communicative dyads.

Key words: interviewer effect, interviewer gender, social attribution model, social distance model, telephone interview.

***Terentyeva I. N.* «The mistress» of the message: an experience Chekhov's calendar short stories communicative reading**

The artistic forms of representing communication are used as a model of the social communication interwoven into the multivariate space of action. The use of this model has enabled us 1) to prove the assumption that social and communicative roles of a woman do not coincide 2) to reveal a special communicative role typical of the female characters in A. Chekhov's calendar short stories (2 of them were analyzed in this paper).

Possessing the 'cultural code' as well as retaining the 'common memory' enables a woman to accumulate meanings, and through them regenerate and preserve the social connection.

Key words: social status, social roles, communicative roles, the postulate of normal communication, communicative space, social communication, communicative process and communicative elements, message.

***Shtyleva L. V.* Gender and pedagogic: issues of language interpretation**

This article analysis the methodology problems of institutionalization of gender approach in Russian education and pedagogic on the base of studies of main publication themes on 1998—2008. The author proposes the ideas of creation the new pedagogic terminology with «gender».

Key words: gender approach, pedagogic, education, gender and language.

***Starosotnikova V. Y.* Analysis of students' professional adaptation strategies from the gender segregation point of view**

This article gives the analysis of students' professional adaptation strategies in humanities, technical, natural, military and ecclesiastical higher education sectors from the gender segregation point of view.

Key words: professional adaptation, professional adaptation strategy, higher education sector, gender segregation.

***Konstantinova V. N.* Urban population of Russian Imperia in the end of XIX century: gender aspects (case study of Yekaterinoslav Province)**

The wide complex of statistical sources is systematized, published and analyzed in the article. This complex allows to see the detailed, and at the same time general and complete picture of gender composition of population of cities in Yekaterinoslav province.

Key words: urban population, gender, statistical sources.

***Yushkova-Borisova Y. G.* Modern family and measures of stimulation of birth rate**

Clause shines the mechanism of influence of processes of manufacture and the general changes of the social environment on mutual relations of floors, processes of a birth of children, family attitudes.

Key words: demographic situation, measures of stimulation of birth rate, family mutual relations, sense of a birth of children, career and motherhood, a division of labour in family, pseudo-patriarchal family, a maternity leave, preschool establishments.

Авторы номера

- КАРПОВА**
Галина Геннадьевна   доцент кафедры социальной антропологии и социальной работы, Саратовский государственный университет; координатор проектов АНО «Центр социальной политики и гендерных исследований». E-mail: galina.karpova@socpolicy.ru
- КОРОСТЫЛЕВА**
Наталья Николаевна   доктор социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: beek@rambler.ru
- ПОДГОРНЫЙ**
Борис Борисович   аспирант кафедры философии и социологии, Курский государственный технический университет; директор Курской инвестиционной палаты. E-mail: bpodgorny46@gmail.com
- ГРОМАСHEВА**
Ольга Алексеевна   магистр социологии, Европейский университет (Санкт-Петербург). E-mail: olga.gromasheva@gmail.com
- ЖУРАВЛЕВА**
Светлана Львовна   старший преподаватель кафедры социологии, Ивановский государственный энергетический университет. E-mail: svetlana_zhr@pochta.ru
- ТЕРЕНТЬЕВА**
Ирина Николаевна   кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой общественных наук, Дзержинский политехнический институт (филиал) НГТУ им. Р. Е. Алексеева. E-mail: irinik@mts-nn.ru
- ШТЫЛЕВА**
Любовь Васильевна   кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогических технологий и педпроектирования, Мурманский государственный педагогический университет. E-mail: lyubov-shtyleva@yandex.ru

Авторы номера

**СТАРСОТНИКОВА
Валерия Юрьевна**

старший преподаватель кафедры менеджмента,
Ивановская государственная текстильная
академия.

E-mail: sotnikova-star@rambler.ru

**КОНСТАНТИНОВА
Виктория Николаевна**

кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории Украины, Бердянский государственный
педагогический университет (Украина)

E-mail: VNKonst@ukr.net

**ЮШКОВА-БОРИСОВА
Юлия Геннадьевна**

кандидат философских наук, научный руководи-
тель некоммерческого партнерства политического
консультирования и гуманитарных исследований
«Мера» (Н. Новгород) (www.mera-expert.ru)

E-mail: usbor@mera-expert.ru, 6475411@mail.ru

Содержание

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ

Карпова Г. Г. Гендерные аспекты культурной политики	3
Коростылева Н. Н. Гендерный подход в государственной кадровой политике	14
Подгорный Б. Б. Частный инвестор фондового рынка — имя женское?!	22

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Громашева О. А. Материнские стратегии управления рисками питания детей	35
--	----

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА

Журавлева С. Л. Гендерные эффекты в телефонном интервью	44
Терентьева И. Н. «Хозяйка» послания: опыт коммуникативистского прочтения календарных рассказов А. П. Чехова	56

ГЕНДЕР И ОБРАЗОВАНИЕ

Штылева Л. В. Гендер и педагогика: проблемы согласования языка	63
Старосотникова В. Ю. Исследование стратегий профессиональной адаптации студенческой молодежи: гендерный аспект	72

ПРОБЛЕМЫ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Константинова В. Н. Городское население Российской империи конца XIX века: гендерный аспект (на примере Екатеринославской губернии)	83
---	----

ОПЫТ РАБОТЫ

Юшкова-Борисова Ю. Г. Современная семья и меры стимуляции рождаемости ...	94
---	----

РЕЦЕНЗИЯ

Рябова Т. Б. Электоральный гендер. Рец. на кн. С. Г. Айвазовой «Российские выборы: гендерное прочтение»	102
---	-----

<i>Аннотации</i>	106
------------------------	-----

<i>Авторы номера</i>	110
----------------------------	-----

Contents

GENDER ASPECTS OF POLITICS AND ECONOMICS

Karpova G. G. Gender aspects of cultural policy	3
Korostyleva N. N. Gender approach in public personnel policy	14
Podgorny B. B. Stock market private investor — feminine name?!	22

SOCIOLOGY OF FAMILY

Gromasheva O. A. Mothers' strategies of risks handling in their children's food consumption	35
--	----

GENDER RESEARCH: METHODS AND METHODOLOGY

Zhuravleva S. L. Gender effects on telephone interview	44
Terentyeva I. N. «The mistress» of the message: an experience Chekhov's calendar short stories communicative reading	56

GENDER AND EDUCATION

Shtyleva L. V. Gender and pedagogic: issues of language interpretation	63
Starosotnikova V. Y. Analysis of students' professional adaptation strategies from the gender segregation point of view	72

PROBLEMS OF WOMEN AND GENDER HISTORY

Konstantinova V. N. Urban population of Russian Imperia in the end of XIX century: gender aspects (case study of Yekaterinoslav Province)	83
--	----

WORK EXPERIENCE

Yushkova-Borisova Y. G. Modern family and measures of stimulation of birth rate	94
--	----

REVIEW

Rjabova T. B. Electoral gender. The review of book S. G. Ajvasova «Russian election: gender reading»	102
---	-----

<i>Summaries</i>	106
------------------------	-----

<i>Authors of the issue</i>	110
-----------------------------------	-----

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал **«Женщина в российском обществе»** издается на базе Ивановского государственного университета и Российского межвузовского центра гендерных исследований с 1996 года. За более чем десять лет, прошедших с выхода первого номера, журнал зарекомендовал себя как серьезное научное издание, посвященное разработке методологии гендерных исследований, научному осмыслению эволюции социального статуса женщин и мужчин, их роли в общественном развитии России, методическому обеспечению курсов по гендерной проблематике. География авторов научных статей представляет все крупные регионы России от Москвы до Дальнего Востока. С 2008 года наш журнал включен в список ВАК.

Основные задачи журнала:

— способствовать институционализации гендерного образования в вузах России через создание научно-методической базы для чтения курсов по специальностям различного профиля;

— интегрировать научное сообщество, занимающееся разработкой гендерной проблематики и представляющее авторитетных и молодых ученых России, докторантов, аспирантов;

— предоставить право первой публикации новому поколению молодых ученых.

Журнал «Женщина в российском обществе» выходит ежеквартально, распространяется бесплатно по предварительным заявкам ученых и библиотек.

Надеемся, что вы проявите интерес к нашему изданию и пожелаете сотрудничать с нами. Будем рады видеть вас среди авторов журнала. Мы поместим ваши научные статьи, рецензии на монографии и диссертации, переводы, обзоры конференций по следующим направлениям:

- теория и методология гендерных исследований,
- гендерная социология,
- проблемы гендерного равенства в политическом процессе,
- гендерные аспекты труда и занятости,
- гендерная лингвистика,
- женщины и мужчины в истории,
- гендерная педагогика и гендерное образование,
- гендерная психология,
- женское движение: традиции и современность.

По всем вопросам, связанным с публикацией и оформлением заявки на получение журнала, можно обращаться по электронной почте: gafizovanb@mail.ru, inna_kodina@mail.ru, riabova2001@inbox.ru

С уважением
главный редактор журнала
«Женщина в российском обществе»,
доктор исторических наук, профессор

О. А. Хасбулатова

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Объем научных статей — 0,5—1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **УДК, ББК**; на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые слова**; **текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность. Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, редактирование и сокращение текстов статей.

9. Все материалы публикуются бесплатно.

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 4 (53) — 2009

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редакторы *О. В. Боронина, О. Я. Литвак*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Г. Б. Клецкиной, Т. Б. Земсковой*

Подписано в печать 25.12.2009 г. Формат 70×108^{1/16}.

Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

ООО «Центр социальной поддержки женщин и семьи» (Издательский центр «Юнона»)
153002 Иваново, пр. Ленина, 47